

ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

А.Б. Давидсон
Н.Н. Непомнящий

А.Б. Давидсон
Н.Н. Непомнящий

КИЛИМАНДЖАРО

ЮЖНО- АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ВСЕЛ МИР В ОДНОЙ СТРАНЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

С 2001 года издательство «Вече» выпускает книги серии **«Исторический путеводитель»** — уникальное научно-популярное издание для туристов, путешественников и любителей истории.

Серия «Исторический путеводитель»:

лауреат премии «Лидер российского турбизнеса» за 2001 г.,
отмечена дипломом IV Международного форума «Путешествие за здоровьем» за успешное раскрытие темы «Путешествие за здоровьем» — 2002 г.,
награждена дипломом V Международного форума «Путешествие за здоровьем» за пропаганду путешествий за здоровьем — 2003 г.,
награждена дипломом конкурса «Хрустальная ладья» ГАО Москва как «Лучший партнер 2004 года по информационному обеспечению гостиничного дела»,

лауреат специальной премии «Хрустальная ладья» ГАО Москва — 2005 г. «За многолетнюю плодотворную деятельность по информационной поддержке гостинично-туристического комплекса»,

лауреат Национальной туристической премии им. Ю. Сенкевича — 2009 г. за лучшую публикацию о туризме и путешествиях по России;

лауреат шестого Всероссийского конкурса региональной «Краеведческой литературы» «Малая Родина» за 2010 год, проводимый Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям;

а также отмечена:

в 2009 г. Почетной грамотой Посольства Венгерской Республики в Российской Федерации;

благодарственным письмом посольства Социалистической Республики Шри-Ланка в Российской Федерации «За большую и ответственную работу по выпуску «Исторического путеводителя» по Шри-Ланке.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

**ЮЖНО-
АФРИКАНСКАЯ
РЕСПУБЛИКА**

ВСЕШ МИР В ОДНОЙ СТРАНЕ

Москва
«Вече»
2010

УДК 913
ББК 63.3-7(6Южн)
Д13

*Один из авторов книги —
известный российский африканист,
доктор исторических наук, профессор А.Б. Давидсон*

- Давидсон, А.Б.**
Д13 Южно-Африканская Республика. Весь мир в одной стране / А.Б. Давидсон, Н.Н. Непомнящий. — М.: Вече, 2010. — 320 с. : ил. / Автор идеи и проекта С.М. Бурегин. — (Исторический путеводитель).
ISBN 978-5-9533-4896-6

«Весь мир в одной стране» — такая характеристика Южной Африки выбрана не случайно. Здесь, на юге Африканского континента, соединились воедино несколько древних культур, разные климатические зоны, десятки племен и народностей.

Уникальная природа страны — воды двух океанов, мягкий климат, полноводные реки, жаркие пустыни, саванны, горы, удивительные животные — давно привлекает сюда миллионы туристов со всего мира.

ЮАР — нехоженый край для любителей природы и загадок истории, удивительных обычаев африканских племен и народов.

УДК 913
ББК 63.3-7(6Южн)

ISBN 978-5-9533-4896-6

© Бурегин С.М., автор идеи и проекта, 2010
© Давидсон А.Б., Непомнящий Н.Н., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Посольство ЮАР в Российской Федерации с удовольствием участвует в настоящем издании, задача которого — представить туристские достопримечательности Африканского континента.

Африка — с севера до юга и с востока до запада — по праву гордится своими взморьями, лесами, дикими животными, уникальным, богатым и разнообразным культурным наследием.

Южно-Африканская Республика, расположенная на южной оконечности континента, — одно из ценнейших его сокровищ. Эта страна со своей богатой историей, исключительным набором этнических и расовых сообществ является поистине плавильным котлом многих культур. Здесь местные африканские культуры вступают во взаимодействие с иноземными восточными культурами, здесь Восток встречается с Западом.

Помимо поразительных красот природы страна славится хорошо развитой инфраструктурой транспорта и связи, что не остается незамеченным туристами. Все девять южноафриканских провинций предлагают особые туристские продукты на разные потребности и вкусы: сафари и острые приключения, превосходные лечебно-оздоровительные процедуры, культурно-познавательные туры, неспешный отдых и развлечения.

Страна хорошо известна высоким уровнем обслуживания и первоклассными отелями. Туризм самым серьезным образом поддерживается и поощряется правительством, признающим значительный вклад отрасли в экономический рост и развитие. Прави-

тельственная поддержка гарантирует безопасность туристов и других приезжих.

Позвольте мне воспользоваться возможностью сказать всем вам: добро пожаловать в нашу чудесную страну! Приезжайте и вкушите прелесть Южной Африки. Уверен, вы насладитесь теплотой и дружелюбием наших людей. И обнаружите много такого, что, несомненно вызовет ваш интерес. Ведь Южная Африка — это целый мир в одной стране!

Д-р БЕКИ У. ДЖ. ЛАНГА,
*чрезвычайный и полномочный посол ЮАР
в Российской Федерации*

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ!

Предлагаем вам еще одну интересную книгу — исторический путеводитель по Южно-Африканской Республике. ЮАР — одна из самых удивительных и непостижимых стран Африки, стран с богатейшей историей и культурой, сложенной из множества составляющих. Сквозь весь исторический путь этого государства проходил конфликт между черными и белыми, одинаково считавшими себя полноправными хозяевами этого уголка земли на крайнем юге континента. И в этом противостоянии — ключ ко многим проблемам сегодняшней жизни ЮАР.

Помимо этого в южноафриканской истории есть о чем поговорить, о чем поспорить. Здесь есть кому и чему позавидовать. Ведь ЮАР обладает богатейшими в мире запасами золота, алмазов, других ископаемых, ее недра до конца еще не исследованы. В стране хорошо развиты наука, образование, культура, медицина здесь тоже на высшем уровне. ЮАР самостоятельно разработала ядерное оружие, но потом сочла благоразумным отказаться от него.

М.Д. Каткова и С.М. Бурзыгин

Читателю, будущему туристу, будет интересно узнать о многих малоизвестных страницах истории страны, о городах и поселениях, ставших визитной карточкой ЮАР, — Кейптауне, парке Крюгера. О Дороге садов и Великом бурском треке. О кимберлитовой трубке и золотоносных жилах. О зулусских правителях Чаке и Дингаане и гениальном авантюристе и миллионере Сесиле Родсе. О «сардинных гонках» и открывателе Африки Давиде Ливингстоне.

Те россияне, кто захочет своими глазами увидеть волшебную страну — ЮАР, могут обратиться к туроператору «Килиманджаро». Его координаты: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1.

Сайт: www.kiliman.info

Электронная почта: info@kiliman.info

Тел. +7 495 690 3034

Авторы книги знают Южную Африку не понаслышке — они неоднократно посещали ее и жили там подолгу. И пронесли любовь к ней через всю жизнь.

*С уважением к вам автор идеи и проекта серии книг
«Исторический путеводитель» С.М. БУРЫГИН*

Издательство выражает благодарность Елене и Сергею Клевцовым за предоставленные фотографии, а также генеральному директору турфирмы «Килиманджаро» госпоже Катковой М.Д. за оказанную помощь в подготовке книги.

СЛОВО О ЮАР

На крайнем африканском юге, там, где сливаются воедино воды Индийского и Атлантического океанов, где жаркий климат Черного континента постепенно уступает мягкой и ветреной прохладе южных широт, где зима наступает в июне, а Рождество встречают в шортах и футболках, где одиннадцать языков считаются национальными, а с ледника на лыжах можно съехать через все климатические зоны прямо в тропический лес, и расположена эта волшебная страна, названная с одобрения бывшего президента Нельсона Манделы «Радужной» — за этническое, культурное, социальное разнообразие современного южноафриканского общества...

На севере и северо-западе она граничит с Намибией, Ботсваной и Зимбабве, на северо-востоке — с Мозамбиком и Свазилендом. А внутри ее территории находится государство-анклав Лесото.

ЮАР действительно одна из самых своеобразных стран Африки. Буйная смесь древних африканских культур и практицизм первых европейских переселенцев, богатейшие недра и величественная природа, когда пингины живут по соседству с антилопами и бегемотами, — эта страна воистину является одной из наиболее привлекательных на Африканском континенте. Уникальные Драконовы горы и Вельд, являющиеся и природными памятниками, и горными курортами, считаются одними из самых живописных горных систем планеты. А легендарный мыс Доброй Надежды и прекрасные заповедники страны известны, пожалуй, всем.

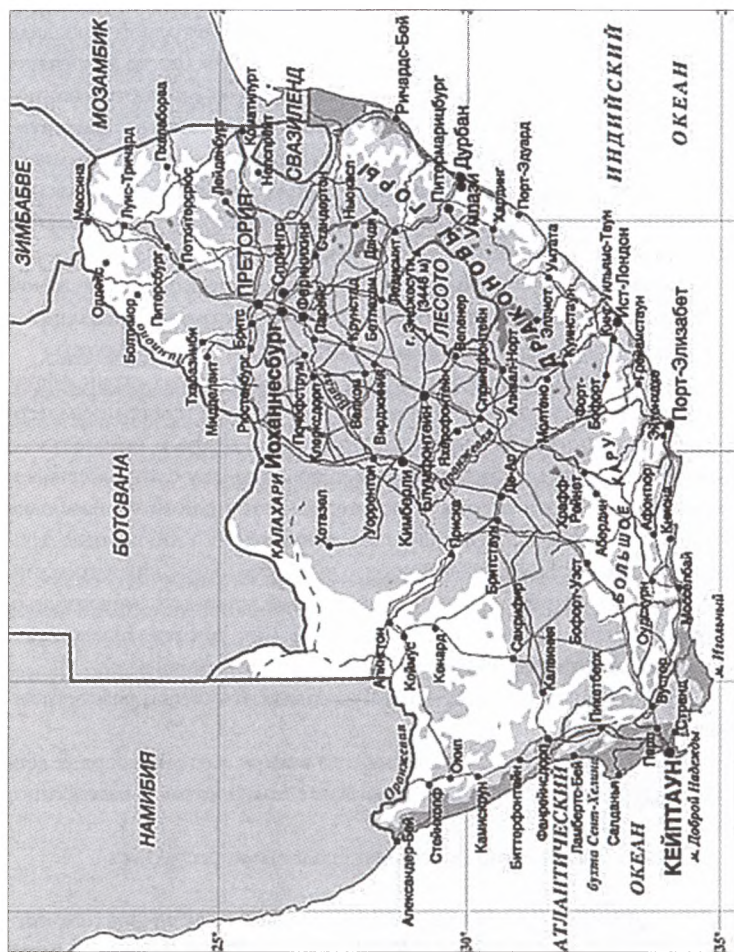
ЮАР наряду с Индией — одна из самых этнически разнообразных стран мира.

Здесь самые увлекательные сафари в мире, а отели в сердце девственных лесов или пустынь поражают комфортом и изысканностью обслуживания.

Страна баснословно богата минеральными ресурсами.

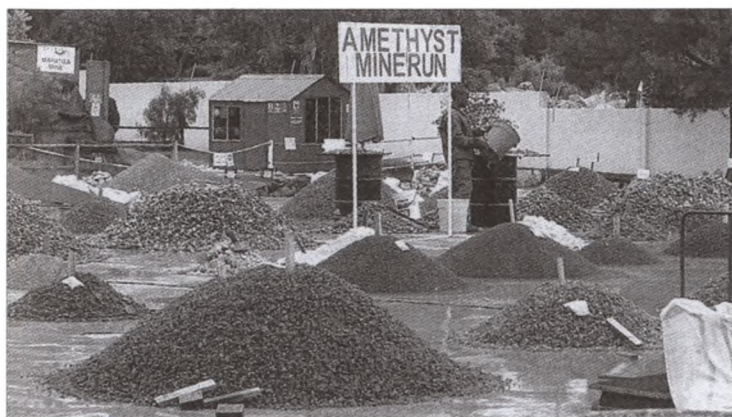
Недра страны богаты полезными ископаемыми. ЮАР занимает 1-е место в мире по запасам (т, % мировых запасов): марганцевой руды (12,2 млрд, 82 %), хромитов (3,3 млрд, 56 %), платины и платиноидов (31 тыс., 69 %), золота (33,7 тыс., 40 %), руды ванадия (14 млн, 29 %), алюмосиликатов

(37 %), флюорита (47,5 млн), корунда (104 млн), асбеста (4,3 млн), некоторых редкоземельных элементов, а также 1-е место в Африке по запасам угля (115 млрд т), окиси урана, железной руды (9,5 млрд т), титана (40 млн т), сурьмы (297 тыс. т), свинца (8,5 млн т), цинка (15,4 млн т), никеля (5,9 млн т), апатита (160 млн т). Имеются значительные месторождения алмазов (125 млн каратов ювелирных алмазов), меди, олова, магнезита, серебра, алюминия и других минералов. На шельфе открыто месторождение природного газа.

В ЮАР практически есть все, кроме нефти.

Немаловажной вехой ее истории стал расовый конфликт между чёрным большинством и белым меньшинством. Своей кульминации он достиг после того, как в 1948 г. был установлен режим апартеида, или апартхейда (от слова на языке африкаанс *apartheid* — раздельное проживание), просуществовавший до 1990-х гг. Эта политика привела к долгой и кровопролитной борьбе, в которой ведущую роль сыграли чернокожие активисты, среди которых были Стив Бико, Десмонд Туту и Нельсон Мандела. Позже к ним присоединились многие белые и цветные (потомки смешанного населения), а также южноафриканцы индийского происхождения. Определённую роль в крахе апартеида сыграла также политика международного сооб-

Аметистовые горы

Столовая гора — один из символов Южной Африки

щества. В результате смена политической системы произошла сравнительно мирно: ЮАР — одна из немногих стран третьего мира, где ни разу не случилось государственных переворотов.

Среди крупных городов страны — Йоханнесбург, Претория (ныне Тсване), Кейптаун, Дурбан. Но настоящее обаяние Южной Африки — не в больших промышленных центрах с многотысячным населением, а в небольших провинциальных городках, разбросанных в глубине страны и по побережьям, где жизнь сохраняется такой, какой она была десятилетия и даже столетия назад...

В административном отношении она делится на 9 провинций (Восточный Кейп, Центральный Кейп, Западный Кейп, Гаутенг, Свободное государство, Квазулу-Наталь, Лимпопо, Мпумаланга, Северо-Запад).

Провинции ЮАР отличаются друг от друга не только своими размерами. Это по своей сути разные миры, имеющие каждый свою историческую судьбу и даже не похожие друг на друга климат, ландшафт, а зачастую и этнический состав жителей. Возможно, поэтому о ЮАР часто говорят — «весь мир в одной стране».

Визитной карточкой провинции Западный Кейп безусловно являются Кейптаун, Капский полуостров с легендарным мысом Доброй Надежды, винные районы и зна-

менитая Дорога садов. Нетронутая природа, воды двух океанов, омывающие берега провинции, мягкий климат, развитая сеть отелей — всё это позволяет Западному Кейпу занимать важное место в туристской инфраструктуре юга Африки.

Северный Кейп — самая большая по площади и, одновременно, самая малолюдная провинция страны. «Алмазная столица мира» Кимберли, пустыня Калахари, водопады Ауграбис, река Оранжевая... Особая красота этих мест дает возможность вкусить неповторимый дух старой провинциальной Африки.

Восточный Кейп, пока еще мало известный туристам, отличается холмистыми ландшафтами и красивейшим океанским побережьем, усеянным лагунами и скалистыми утесами.

Провинция Гаутенг — самая густонаселенная и одновременно самая маленькая по территории. По сути, это один гигантский мегаполис, в который входит финансовое, промышленное и транспортное сердце ЮАР да и, пожалуй, всей Черной Африки южнее Сахары, — Йоханнесбург или, как его называют местные, Йобург. Здесь же находится одна из трех столиц страны — Претория (Тиване).

Рыбаки Дурбана

В Квазулу-Натале бескрайние песчаные пляжи Индийского океана соседствуют с зелеными холмами Зулуленда и величественными Драконовыми горами. Здесь находилась империя воинственных зулусов, тут на побережье Индийского океана стоит город Дурбан, называемый вторым Бомбеем из-за большого количества индийцев, древнее озеро Санта-Лучия, внесенное ЮНЕСКО в Список всемирного наследия.

Мпумаланга — одна из туристических жемчужин Южной Африки. Реки и водопады среди гор и холмов и, конечно, парк Крюгера сделали эти места привлекательными для активных туристов.

Саванны, горы и девственный лес — так в нескольких словах можно описать Северную провинцию, которая сейчас переименована в Лимпопо. Это по праву лучшие запovedные и одновременно охотничьи угодья юга Африки.

Северо-Запад является главным поставщиком алмазов, золота и платины страны. Здесь же находится один из крупнейших курортов и развлекательных комплексов мира — Сан-Сити — безусловный алмаз в туристической короне ЮАР.

Глава государства — президент, избираемый Национальным собранием сроком на 5 лет. Высший орган законодательной власти — парламент, включающий Национальное собрание и Национальный совет провинций. Национальное собрание состоит из 400 депутатов, избираемых по принципу пропорционального представительства. Парламент избирается на 5 лет.

Законодательные органы провинций избираются населением. Законодательный орган избирает премьер-министра провинции, который формирует правительство.

Высший орган исполнительной власти — правительство, возглавляемое президентом. Глава государства и правительства — президент Т. Мбеки. Выдающимся государственным деятелем по праву считается Нельсон Мандела, посвятивший жизнь борьбе против расизма в Южной Африке, 1-й президент демократической ЮАР, лауреат Нобелевской премии мира.

Среди влиятельных партий — Африканский национальный конгресс, Демократическая партия, Партия свободы Инката, Новая национальная партия, Объединенное демократическое движение.

Ведущие организации деловых кругов: Фондовая биржа Йоханнесбурга, Южноафриканская деловая палата, Независимый трест развития, Южноафриканский фонд.

Общественные организации: Конгресс южноафриканских профсоюзов (COSATU), Газетная ассоциация Южной Африки; независимые от правительства СМИ.

Внутренняя политика направлена на сохранение социальной и политической стабильности. Особое внимание уделяется борьбе с преступностью, принявшей опасные размеры. Последние статистические данные свидетельствуют о снижении криминальной напряжённости в стране.

Немалая проблема — растущая коррупция.

Самой трудной проблемой для ЮАР остаётся ликвидация пропасти между уровнем жизни белых и африканцев. Одним из вариантов решения проблемы считается рост африканского «среднего класса».

Между ЮАР и Россией установились хорошие отношения, уходящие корнями в давние связи СССР с освободительным движением. Дипломатические отношения между ЮАР и РФ установлены в 1992 г.

Южно-Африканская Республика — важный участник мирового сообщества государств. Экономический масштаб и воздействие ЮАР на глобальные процессы весьма значительны. Так, страна уверенно вошла в «Большую двадцатку» (G20, Group of Twenty Finance Ministers and Central Bank Governors) на стадии учреждения этой совещательной группы влиятельнейших субъектов мировой экономики (15—16 декабря 1999 года) и активно там работает.

Ещё одним свидетельством признания весомости и возможностей Южно-Африканской Республики стало решение Международной федерации футбола (ФИФА) о проведении в ЮАР 19-го чемпионата мира по футболу (11 июня — 11 июля 2010 года). Производящие и обслуживающие секторы экономики страны, центральные и региональные органы управления и регулирования обеспечили создание необходимых объектов инфраструктуры (транспорт, связь, размещение команд и болельщиков). Построены десять стадионов мирового уровня в девяти городах: Йоханнесбурге (два стадиона), Блумфонтейне (Мангаунг), Дурбане, Кейптауне, Нелспруйте, Поллокване, Порт-Элизабете (Нельсон-Мандела-Бей), Претории (Тсване), Рюстенбурге.

Глава I. ГЕОГРАФИЯ ЮАР

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Страна расположена на южной оконечности Африканского континента, простираясь от реки Лимпопо на севере до мыса Игольный на юге, где омывается Атлантическим и Индийским океанами. На западе к берегам подходит холодное Бенгельское течение, а на востоке — теплое Мозамбикское. Береговая линия неизрезанная, но есть очень удобные бухты. Граничит с Намибией на северо-западе, Ботсваной и Зимбабве на севере, Мозамбиком и Свазилендом на северо-востоке. Внутри ЮАР находится анклав — Королевство Лесото.

Длина береговой линии составляет 2798 км. Площадь — 1,2 млн кв. км.

Большая часть территории — холмистое плато, окаймлённое на востоке Драконовыми горами высотой до 3000 м, а на юге — Капскими горами высотой до 2000 м. Самая высокая точка в Драконовых горах — это гора Ньесути (3408 м). На северо-западе плато понижается и переходит в низменную пустыню Калахари. Драконовые горы круто обрываются к Индийскому океану (Большой Уступ). Между ними и океаном простирается прибрежная низменность, которая на юге переходит во впадину Большое Кару, отделяющую Драконовые горы от Капских.

В Драконовых горах берут начало главные реки ЮАР. Самая длинная — река Оранжевая (длина — 1860 км, а с притоком Валь — 2200 км), впадающая в Атлантический океан. Она несудоходна, её устье иногда пересыхает. Реки, текущие в Индийский океан, не очень протяжённые, но полноводные. Самые крупные из них — Тугела, Грейт-Фиш, притоки Лимпопо. Сама Лимпопо течёт по границе с Ботсваной и Зимбабве.

Центральное плато имеет блюдцеобразную форму и в основном сложено почти горизонтально залегающими осадочными породами. Его центральная часть находится на высотах около 600 м над у.м., а края подняты более чем на 1500 м. Поверхность плато преимущественно полого-волнистая, над ней во многих местах воз-

вышаются плосковершинные холмы с крутыми склонами, называемые столовыми горами, и причудливые останцы, усеянные валунами, называемые «копъес» (в переводе с местного языка африканс — «головы»).

За исключением больших рек Оранжевая и Лимпопо и некоторых их притоков, большинство рек на территории плато имеют сток только во время влажного сезона. Большой Уступ — это горная дуга протяженностью 2250 км, возвышающаяся над прибрежными низменностями Южной Африки. Каждая часть здесь имеет собственное название. Выделяются горы Камисберх и Боккефелдберге в Намакваленде; горы Роххефелдберге и Комсберге близ Сатерленда; хребет Ньюефелдберге близ Бофорт-Уэста; горы Коуэфелдберге (2130 м) и Сниуберге (2504 м) над Храфф-Рейнетом и горы Стормберге к северу от Куинстауна. Большой Уступ достигает наибольших высот в Драконовых горах у восточной границы Лесото, где в нескольких местах есть отметки выше 3350 м. Намакваленд — очень сухая территория на западе Северо-Капской и Западно-Капской провинций. Эта плоская платформа понижается от Большого Уступа в сторону Атлантического океана. Капский и Южный прибрежный районы сходны по рельефу. Здесь выделяются линейные горные хребты, сложенные преимущественно осадочными породами и простирающиеся в широтном направлении через Западно-Капскую и Восточно-Капскую провинции, причем хребты перемежаются с продольными долинами. Юго-Восточный прибрежный район расположен между Большим Уступом и Индийским океаном. Его поверхность представляет собой сложное сочетание округлых холмов. Во многих местах холмы подходят прямо к побережью. Холмы юго-восточного побережья продолжают севернее, в Трансваальском Низком Вельде. Преобладают низкие волнистые холмы, поросшие разреженными деревьями и кустарниками, а также травой. В провинции Мпумаланга находится каньон Блад-ривер длиной в 26 км. Это третий по величине каньон в мире, по дну которого протекают три реки. Интересны пещеры Канго-Гейвс в Западном Кейпе и пещеры Стеркфонтейн недалеко от Йоханнесбурга, которые находятся на глубине более 40 м. В одной из этих пещер был обнаружен череп первобытной женщины, которую называли миссис Пайс, а жила она здесь более 2 млн лет назад.

Стеркфонтейн считается одним из самых известных палеонтологических участков на нашей планете. Первые пещеры начали свое образование еще 20—30 млн лет назад, находясь на уровне 50—60 м от поверхности.

Антрополог Р. Дарт

В чем же красота пещер? Что влечет сюда тысячи туристов? Горную породу в этих пещерах формировал доломит, но слои постепенно разрушались под воздействием грунтовых вод с содержанием карбоната кальция. Поэтому за многие тысячи лет в залах пещер образовались различные фигуры в виде арок, колонн, сталагмитов и сталактитов, по виду похожих на огромные сосульки.

Пещеры представляют собой 6 подземных залов. Эта местность известна еще и тем, что именно здесь доктором Робертом Брумом в 1936 г. были найдены останки самого древнего человека. Находками знаменитого доктора можно полюбоваться в музее палеонтологии и музея доктора Брума в Йоханнесбурге.

КЛИМАТ

Времена года в ЮАР противоположны сезонам Северного полушария. Лето приходится на период с октября по март, и температура колеблется в среднем между 15 °С ночью и 35 °С в полдень. Зима длится с июня по август с температурой в пределах от 0 °С или даже ниже по ночам (пустыня Калахари, Драконовы горы) до 20 °С в полдень. Это время идеально подходит для пеших прогулок, но вот купаться и загорать на океанских пляжах не следует — слишком холодно. Случается, в июле в Кейптауне идет снег. Весна (август—сентябрь) и осень (апрель—май) короткие. Пожалуй, самое идеальное время для путешествий — осень и весна. Именно

весной (август—сентябрь) можно увидеть очень красивое зрелище — цветущие западные пустыни.

Снегопады случаются чаще на вершинах самых высоких гор. В некоторых провинциях есть сезонные различия.

ЮАР занимает одно из ведущих мест в мире по количеству солнечных дней в году. Температура морской воды отличается в разных районах — от прохладной 12—17 °С в зависимости от сезона в районе Кейптауна (на атлантическом побережье) до 21—26 °С в Квазулу-Натале (г. Дурбан на побережье Индийского океана).

ПРИРОДА ЮАР

Мир растений

Большая часть Центрального плато — низкотравная степь, или травянистый вельд. Однако внешний вид цветущих южноафриканских саванн значительно изменился, после того как поселившиеся тут буры начали безудержно разводить сот и высаживать зерновые культуры. Последующая деградация сельского хозяйства этого района сопровождалась, как выражаются ботаники, «проникновением экономически малоценных растений в травянистый вельд». В полупустынной Северо-Капской провинции широко распространен тип растительности, который обычно называют «кару». Он характеризуется разреженным невысоким злаковым покровом, а также низкими кустарниками и многочисленными суккулентными растениями. Всё это — последствия перевыпаса... Заросли кустарников с редкими деревьями и обилием травы, известные под названием бушвелд, занимают северо-западную часть Центрального плато и продолжают к востоку на территории, имеющей форму полумесяца, через Трансваальский Низкий Велд (или Вельд) на север Квазулу-Наталя. Здесь преобладают акации, гигантские баобабы и мопане. Большая часть засушливой Северо-Западной провинции покрыта колючими кустарниками, злаками и отдельно стоящими деревьями. Эта территория известна как бушвелд Калахари. Капский район покрыт преимущественно кустарниковой растительностью, известной под названиями финбос, или маккия, которая очень

Баобаб

сходна с маквисом Южной Франции и чаппаралем Южной Калифорнии. Этот район отличается большим разнообразием видов. У этих растений твердые кожистые листья и смолистый сок. В диком состоянии встречаются многочисленные каллы. Раньше южные и юго-восточные прибрежные районы были покрыты густыми субтропическими лесами. Широко встречались окотея пузырчатая, применявшаяся для изготовления мебели, и железное дерево, древесина которого шла на различные цели.

С появлением темнокожих скотоводов банту и черных и белых земледельцев за последние два-три столетия почти все леса были вырублены или выжжены под пашни. Однако остатки коренных лесов кое-где все же сохранились на крутых склонах гор и особенно близ г. Кнайсна (или Найсна). На месте старых лесов были посажены плантации акаций, сосен и эвкалиптов, завезенных из Австралии, а в устьях рек сохранились мангровые заросли.

Многие путешественники, отправлявшиеся в Южную Африку, выслушивали перед отъездом туда бесконечные истории и легенды о деревьях-людоедах, якобы ожидающих свои жертвы в отдаленных уголках страны. Есть ли в них хоть доля правды?

Не пугайтесь. Никакого дерева-людоеда в природе не существует, нет никакого «утерянного звена» между растительным и животным царствами, как пытались окрестить эти создания природы. Однако доля истины в пресловутой легенде о зловещем дереве все же имеется.

Ряд исследователей обращается в поисках объяснений к растениям-хищникам. Эти удивительные представители зеленого мира безусловно вдохновили ряд сочинителей с непомерно развитым воображением.

В Африке много растений-хищников. У маленькой росянки с болот листья собраны в розетку, внутри которой находятся «щупальца», затягивающие насекомых на погибель. В горах Седарберг, недалеко от Кейптауна, растет росянка королевская, размером с добрый куст. Она ловит и поглощает все живое величиной с маленькую лягушку. Такое растение может с успехом питаться и мелкими млекопитающими, например мышами. По берегам рек и ручьев произрастает пузырчатка, дверцы ловушек которой всегда готовы впустить неболь-

Мангровые заросли — уникальный переходный тип растительности от моря к суше

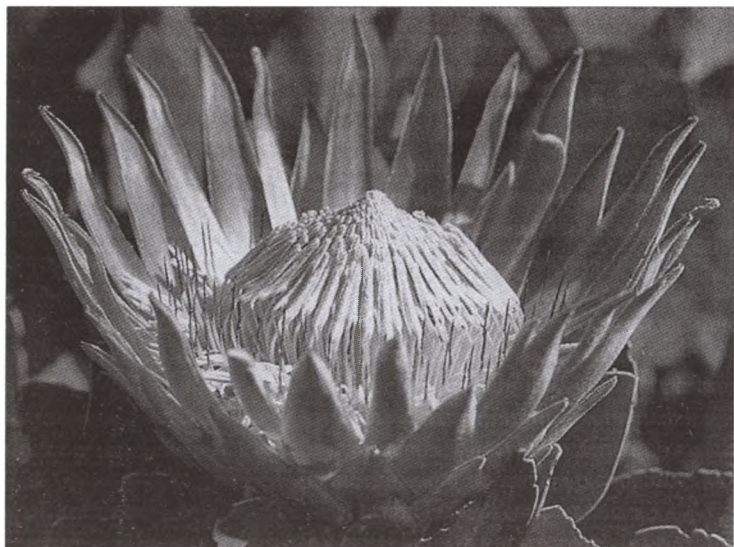

шую рыбку, икру, насекомое. Пустить, но, увы, не выпустить.

Эти и другие растения, в том числе с эффектными кувшинообразными листьями, ловят и переваривают свою добычу. Возможно, растения-хищники действительно ответственны за появление разных сказок и легенд, в том числе, например, легенды о «цветке смерти», который якобы своим странным ароматом заманивает путешественника в пещеру, одурманивает запахом, а затем обвивает лепестками, выделяющими кислоту, что растворяет плоть, оставляя только кости.

Слыхали мы и о плотоядной лиане, что поймала и сожрала в тропических джунглях собаку одного белого охотника. Охотник, пытаясь освободить собаку, вдруг к своему ужасу почувствовал, что лиана впилась ему в руку своими живыми хищными «пальцами». Он уцелел, но рука была изодрана до крови.

Фигурирует еще и «дерево-змея», хватающее любую птицу, присевшую к нему на ветки. Землю под ним сплошь

Королевская протейя — национальный цветок ЮАР

устилают перья и кости. Некий путешественник в научных целях специально скармливал этому дереву цыплят и обнаружил на его ветвях присоски, точь-в-точь как у осьминога. С их помощью дерево высасывало кровь у своих жертв. Другое дерево под названием «ловушка для обезьян» специализируется, как говорят, исключительно на этих животных. Не успеет обезьяна вскарабкаться по стволу, как листья вокруг нее смыкаются, и единственное, что остается от несчастной, — это ее косточки, упавшие на землю через несколько дней.

Верить или не верить в эти истории — личное дело каждого читателя...

Всего же в ЮАР насчитывается около 16 тыс. видов растений. Национальный цветок (с 1975 г.) — гигантская, или королевская, протей. Она распространена на юго-западе и на юге Западного Кейпа, от гор Седарберг до Грэхемстауна. Головка цветка, напоминающая артишок, стала причиной того, что на латыни его стали называть «*sunaroides*», что означает «похожий на артишок». Разумеется, такое имя кажется несправедливым по отношению к самой крупной из протей. Можно найти королевскую протейю разных цветов и с разной формой листьев, но самая красивая — с серебристо-розовыми прицветниками. (Сейчас ее можно приобрести в цветочных магазинах Москвы.)

В стране созданы 18 национальных парков, в том числе парк Крюгера (один из старейших и самых известных в мире, основан в 1898 г.). Но о них чуть позже.

Животный мир

До того как здесь появились европейцы, фауна Южной Африки была сказочно богатой. Однако за последние два-три столетия усиленной охоты животный мир сильно обеднел. Некоторые виды были выбиты подчистую, а большая часть крупных животных перебралась в горные и пустынные районы Северного Трансвааля, в частности на территорию национального парка Крюгера. Прежде слоны обитали на всей территории страны, исключая Намакваленд; ныне те, что уцелели, обитают только в лесах близ Кнайсны и кустарниковых зарослях национального парка Аддо на

Носорог в парке Пиланесберг

юго-востоке страны (близ Порт-Элизабет), хотя большие популяции можно еще встретить в национальном парке Крюгера.

Белые носороги, некогда многочисленные во внутренних районах страны, в настоящее время представлены лишь несколькими особями в резервате Хлухлуве-Умфолози в Квазулу-Натале.

Львов, широко распространенных в прошлом (имелось несколько подвидов) по всей территории Южной Африки, можно

«Большая охота»

Великий вегетарианец

встретить только в некоторых национальных парках, например в парке Крюгера и вдоль границы с Ботсваной.

Огромное количество антилоп и зебр некогда паслось на саваннах Центрального плато, а сегодня небольшие стада встречаются только вдоль границы с Ботсваной и в восточной части Северного Трансвааля, а зебры почти исчезли. Национальный парк Калахари-Гемсбок в Северо-Капской провинции предоставляет убежище ряду животных, включая антилопу спрингбок, гепарда и гиену. Бабуины, гиены, шакалы, дикие собаки и несколько видов мелких кошачьих все еще встречаются в горных местностях, а обезьяны населяют леса Квазулу-Наталя.

Леопарды, некогда бывшие грозой домашнего скота по всей Южной Африке, к середине 1970-х гг. оказались под угрозой уничтожения, и сегодня, чтобы их увидеть, нужно подняться до рассвета и долго искать с помощью мощной оптики среди ветвей в парке Крюгера. На островках у западного побережья, омываемого холодными водами, водятся пингвины. Попутай и птицы-носороги встречаются вдоль всего теплого восточного побережья. Страусы были обычны и имели большое коммерческое значение полвека назад; сейчас они перебрались в малонаселенные внутренние районы и... на многочисленные фермы. По-прежнему многочисленны рептилии.

Крокодилы встречаются в прибрежных реках на севере Квазулу-Наталя, много змей, включая африканских гадюк, кобр, древесных змей и мамб.

Традиционной «приманкой» для туристов считается «биг файв» — «Большая пятерка», пять крупнейших животных Южной Африки, как бы ее визитная карточка: слон, лев, кафрский буйвол (свирепое животное, с которым надо вести себя весьма осторожно), носорог и леопард. Всех их, да еще, пожалуй, гиппопотама и жирафа, сегодня можно увидеть только в заповедниках.

Национальные парки

Во всех девяти провинциях страны есть национальные парки и заповедники. Самый известный из них — национальный парк Крюгера.

Парк Крюгера, бесспорно, самое лучшее из мест в Южной Африке, которое желают посетить большинство из приезжающих в страну туристов. Этот заповедник площадью около 20 000 кв. км является од-

Начало заповедной земли

ним из десяти крупнейших парков в мире. Он протянулся на расстояние около 414 км узкой полосой вдоль границы ЮАР с Мозамбиком и благодаря своей развитой инфраструктуре, включающей в себя и систему грунтовых дорог, наряду с главными представителями африканской фауны привлекает к себе огромное количество любителей природы и экотуризма. Преимуществом данного парка является и тот факт, что здесь практически нет разносчиков малярии, за исключением, быть может, только самых северных его районов.

В парке расположено большое количество как частных (весьма и весьма недешевых!) гейм-лоджей, так и довольно дешевых кемпинг-сайтов, или государственных лоджей. В этих отелях, замечательно вписанных в окружающую природу, можно провести от двух до нескольких дней, исследуя дикую природу африканского буша и саванны.

Равный по площади небольшому государству, этот уникальный заповедник охраняет животный и растительный мир саванн и полупустынь юга Африки — более 50 видов рыб, 114 видов рептилий, 507 видов птиц (среди которых и так называемая «Большая африканская шестерка», по аналогии с «Большой пятеркой», — седлоклювый аист, дрофа, орел, гриф, сова-рыболов и птица-носорог) и 147 видов млекопитающих. Вокруг него сосредоточено несколько не менее привлекательных резерватов — Саб-Санд, питомник Скукуза, Маниелети-Гейм и другие.

Парк занимает огромную территорию, поэтому для его посещения рекомендуется выделить не менее трех дней. Некоторые любители дикой природы живут здесь неделями.

Пауль Крюгер, бывший президент бурской республики Трансвааль (1883—1902), в честь которого и был назван парк, часто представляется весьма дальновидным политиком, который стремился сохранить дикую природу. На самом деле эта характеристика весьма далека от реальности, и именно Джеймс Стивенсон-Гамильтон, который являлся в свое время первым управляющим парка, пролил свет на чисто номинальную роль Пауля Крюгера в истории создания парка.

Пауль Крюгер — президент
бурской республики
Трансвааль

В то время необходимо было укрепить правящую власть и сломить оппозицию. Охрана природы была как нельзя более подходящим способом набора очков, что и было использовано.

На самом же деле Стивенсон-Гамильтон, внося предложение о наименовании парка, хорошо знал, что Крюгер был заядлым охотником и вовсе не являлся борцом за сохранение животных. «...Пауль никогда в своей жизни не думал о животных кроме как в виде билтонга», — писал Джеймс в своих частных письмах. Билтонг представляет собой вяленое мясо различных животных (в том числе и диких!) по особому африканскому рецепту и очень популярен в Южной Африке. Именно Джеймс Стивенсон-Гамильтон во время своего управления парком спас жизни многим животным, которые наверняка погибли бы по той или иной причине.

В 1998 г. во главе парка встает первый чернокожий — Дэвид Мабула. Естественно, под его руководством произошел ряд изменений, которые не все оценивают однозначно. Что ждет Крюгер-парк в будущем, покажет время.

Национальный парк Пиланесберг расположен рядом со знаменитым Сан-Сити в кратере гигантского вулкана, возраст которого — 1200 млн лет, и его территория состоит из живописнейших зеленых холмов. Не так давно здесь жили земледельцы и скотоводы тсвана, но люди вынуждены были уступить место диким животным. Пиланесберг уникален тем, что он был создан искусственно. Более чем 6000 животных переместили сюда с 1979 г. Здесь собраны более 30 видов крупных млекопитающих, здесь

встречаются все представители «Большой пятерки» — лев, леопард, носорог, слон и буйвол, хотя встретить их не так просто. Опытные рейнджеры сопровождают группы туристов на вездеходах или воздушных шарах. Всего здесь бывает около 120 тыс. туристов в год. Популярны ночные сафари, когда в лучах фар их участниками без труда узнаются крупные дикие кошки типа каракала или циветты из семейства виверровых.

Национальный парк Эддо Элефант — в 40 мин. езды от г. Порт-Элизабет. Парк знаменит тем, что на достаточно ограниченной территории здесь обитает около 200 слонов (!). Где еще можно наблюдать картину, как несколько десятков животных неторопливой цепочкой в строгом иерархическом порядке идут на водопой? Разве что в Восточной Африке... Кроме слонов в парке вы сможете встретить антилоп и многих других диких африканских животных. Еще один известный парк расположен в двух часах езды от Дурбана — это Хлуклуве-Умфолози (провинция Квазулу-Наталь), самый старый из национальных парков ЮАР. На территории парка обитает более одной пятой всей мировой популяции чёрных и белых носорогов.

Заповедник Санта-Лючия (Мапутуленд, Квазулу-Наталь) простирается на 70 км вдоль побережья одноимённого озера. Здесь

Водопады в национальном парке Ауграбис-Фолс

одни из самых высоких прибрежных песчаных дюн в мире, тропические растения, множество животных, в том числе около 7000 бегемотов и крокодилов.

Озеро Санта-Лючия (вариант написания: Санта-Лусия) изначально было названо «Rio de la Medaos do Ouça» в 1554 г. пассажирами, спасшимися с португальского корабля «Святой Бенедикт». В то время устье реки Тугелы было известно как Санта-Лючия.

13 декабря 1575 г., в день празднования святой Лусии, Мануэл Перестереллу переименовал область устья реки в Санта-Лусию. В 1822 г. район Санта-Лючия был объявлен владением Британии. В 1895 г. он стал заповедной территорией. В 1971 г. озеро Санта-Лючия, черепаховые пляжи и коралловые рифы Мапутуленда были включены в Список заболоченных территорий международного значения (RAMSAR).

В декабре 1999 г. Большой парк заболоченных территорий Санта-Лючия был внесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Парк с его озерами, многочисленными лагунами, пресными болотами и пастбищами имеет больше разновидностей животных, чем иные именитые парки в Южной Африке.

Парк Санта-Лючия состоит из 13 смежных защищенных областей общей площадью 234,5 га. Местность является самой большой приустьевой системой Африки и включает самую южную протяженность коралловых рифов на материке.

Населенный более чем 530 видами птиц, парк является истинным раем для наблюдателей за птицами. Санта-Лючия предлагает наблюдение за дикими животными, самостоятельные прогулки, прогулки на катере к гиппопотамам и крокодилам, пикники, рыбалку, прогулки на лодке, плавание под водой с маской и трубкой, а также сезонные туры к черепахам и наблюдение за китами.

Парк Тэмби (Мапутулэнд, Квазулу-Наталь) расположен на границе с Мозамбиком и был создан для сохранения популяции слонов. На сегодняшний день их в парке обитает более сотни. Слоновьи нервы тщательно охраняются: на территорию парка пропускают в день только по три группы посетителей.

Парк Эддо расположен в 70 км от Порт-Элизабет в Восточном Кейпе. На его территории обитают две сотни слонов (было всего 11 в 1931 г.), капские буйволы и примерно 20 чёрных носорогов (во

всём мире их осталось чуть больше 2500), а также множество антилоп, рептилий и более 185 разновидностей птиц.

Цицикамма (Западный и Восточный Кейп) — первый национальный морской парк в Африке. Это 80 км скалистого побережья с тихими заливами, оврагами, лесами и песчаными пляжами. Здесь обитает множество мелких лесных животных и птиц, а для туристов создано много пеших маршрутов разной протяжённости и сложности. Морская часть заповедника, выходящая в океан на 5 км, предоставляет прекрасные возможности для дайвинга.

Национальный парк Вест-Кост (Западный Кейп) расположен в 120 км севернее Кейптауна. Основные обитатели парка — птицы, их здесь более 55 000, включая пеликанов, фламинго и чаек. С августа по октябрь вся территория парка расцветает сотнями тысяч полевых цветов.

Калахари-Гемсбок (Северный Кейп) находится на территории двух стран (ЮАР и Ботсваны). Ландшафт парка — огромные дюны из красного песка. Основные обитатели — сотни антилоп, хищные птицы, львы, леопарды, гепарды.

Парк Голден-Гейт (Свободный штат) радует эффектными видами и горными ландшафтами. Основные его обитатели — зебры, различные виды антилоп и более 140 видов птиц.

Еще одна природная достопримечательность ЮАР — национальный парк Хлухлуве-Умфолози, который находится в Северном Зулулунде, в 280 км от Дурбана. Национальным парком эта местность была объявлена в 1895 г., и причиной этому послужила защита носорогов от браконьеров. Однако, несмотря на принятые меры, к 1960 г. численность носорогов сократилась до 500 голов. Благодаря работе специалистов в настоящее время их численность достигла 6000. Недавно к его территории присоединили парк Умфолози. Это означает, что теперь площадь заповедника достигла 96 000 га.

Для любителей активного отдыха парк предлагает прогулки на открытых джипах, лошадях и каноэ.

Глава II. НАСЕЛЕНИЕ ЮАР

В 2009 г. население ЮАР составило 49,1 тыс. человек. Оно представлено черными, белыми, индийцами и метисами, причем каждая группа обладает четкими отличительными характеристиками. Нынешняя демографическая картина не отражает бывшего разнообразия культурно-этнических групп, населявших юг Африканского континента с доисторических времен. Если принять во внимание историко-лингвистические особенности сегодняшнего населения Южной Африки, можно выделить следующие группы.

Бушмены

Народ сан, или бушмены, — потомки некогда многочисленного народа, занимавшегося охотой и собирательством и кочевавшего по пространствам к югу от реки Замбези задолго до прихода черных народов. В их внешности есть ряд характерных черт. В настоящее время разбросанные охотничьи группы бушменов можно встретить в западной части юга Африки.

Готтентоты

Своим внешним обликом готтентоты (народ койкоин) очень напоминают бушменов. В культуре этих двух народов также много общего, и очень часто обе этнические группы обозначаются общим названием «койсанский народ». В отличие от бушменов готтентоты были скотоводами. Они разводили длиннорогий скот и грустошерстных курдючных овец. Первые европейцы, прибывшие на Капский полуостров, встретились с разрозненными группами готтентотов, живших в западных и южных прибрежных районах, а также на землях, несколько отдаленных от берега. Среди предков нынешних метисов были и готтентоты, которые ассимилировались с более крупными народами.

Банту

Южноафриканцы банту происходят от различных негроидных народов, переселившихся с севера много веков назад. В настоящее время это население состоит из четырех основных этнических групп: нгуни, суто-тсвана, венда и тсонга.

*Этнические деревни
 Южной Африки —
 раздолье для туристов*

Нгуни

Народы нгуни в настоящее время делятся на четыре основные языковые группы: зулу, коса, свази и ндебеле.

Народы, говорящие на зулу, живут в основном в провинции Квазулу-Наталь. Эти районы в начале XIX в. были населены различными самостоятельными племенами. В 1815 г. зулусский престол захватил Чака, приступивший к реорганизации армии. Это позволило ему к 1823 г. подчинить себе соседние племена, совершенно различные в этническом отношении. Некоторым племенам удалось уйти в другие земли. Все это породило межплеменную рознь. Началась продолжительная междоусобица, охватившая глубинные районы. Наталь покинули племена под предводительством военачальника Мзиликази. Их потомками являются сегодняшние ндебеле, живущие в Зимбабве. Потомками племен, которыми правил Сошангана и которые покинули Наталь, является сегодняшний народ шангана, живущий в Восточном Трансваале. После того как в 1828 г. Чака был убит, зулусская экспансия постепенно пошла на убыль.

Народы, говорящие на коса, живут в Сискее и Транскее. Они первыми из черных народов переселились на юг и поэтому были первыми, с кем встретились готтентоты и белые пионеры неподалеку от реки Кей. Другими предками северных нгуни считаются некоторые племена, сумевшие уйти из-под власти Чаки и нашедшие убежище на землях нынешних Сискея и Транскея.

Люди, говорящие на свази, в основном живут в королевстве Свазиленд и в Кангване. Они потомки тех нгуни, которые пришли с северо-востока и, перейдя горы Лебомбо, стали покорять соседние племена. В годы царствования короля Собузы I племена свази осели в районе Манзини, на территории нынешнего Свазиленда. В эпоху правления Мсвати, сына Собузы I, они впервые встретили белых людей. Трансваальских ндебеле можно разделить на две группы — северную и южную. На культуру и язык ндебеле Северного Трансвааля сильное влияние оказали северные суто. В настоящее время ндебеле живут на территории Квандебеле и в прилегающих районах к востоку и северо-востоку от Претории. Эти группы не следуют смешивать с зимбабвийскими ндебеле, или матабеле.

Народы суто-тсвана

Северные суто говорят преимущественно на языке педи и в настоящее время населяют хоумленд Лебова и прилегающие районы Северного Трансвааля. К северным суто относится множество племен. Некоторые из этих племен когда-то входили в империю, созданную правителями племени педи. Конец верховенству педи положили ндебеле (матабеле) из Мзиликази (см. о народах, говорящих на зулу). Затем наступила эпоха небывалого рассеяния, раздробленности и сокращения населения. Когда пришли белые, вождю педи Секвати удалось частично восстановить порядок.

Западные суто, или народы, говорящие на тсвана, живут в Ботсване, Бопутатсване, в отдельных районах западного Трансвааля и на севере Капской провинции. Предки этих народов пришли сюда в результате нескольких миграционных приливов с севера. Постоянная борьба привела к тому, что этот народ разбился на множество племен. Этому способствовали и опустошительные набеги ндебеле (матабеле). В 1885 г. Ботсвана получила статус британского протектората, и народ тсвана оказался разделенным на тех, кто жил в самой Ботсване и за ее пределами.

Землями южных суто считаются горное королевство Лесото, бывший хоумленд Кваква и восточные районы Оранжевого Свободного государства. История этого народа прослеживается с 1822 г., когда война, развязанная в Натале Чакой, перекинулась в глубинные районы на юге Африки. Так началась эпоха дифакане (или мфекане), период межплеменных войн. Вождю племени тлоква Секоньеле и вождю племени квена Мошвешве I удалось отстоять свои земли в горах и основать каждому свою империю. Позже Секоньеле был изгнан, а Мошвешве I стал единоличным правителем Лесото. С 1875 г. этнически связанные между собой группы, составляющие народ южных суто, живут на землях бывшего хоумленда Кваква, прилегающих к Королевству Лесото.

Тсонга

Народ, говорящий на тсонга, первоначально населял районы к востоку от гор Лебомбо. Когда Сошангана, вождь, бежавший из Натала, перешел со своими людьми в Мозамбик и стал притеснять местных тсонга, часть из них ушли на запад и осели на равнинах

Восточного Трансвааля. Созданная Сошанганой в Мозамбике империя со временем пришла в упадок, и после 1894 г. часть шанганов ушли туда же. Жителей этих мест, известных как Газанкулу, иногда именуют шангана-тсонга.

Венда

Народ, говорящий на венда, позже других переселился к югу от реки Лимпопо. Когда-то он входил в империю Мономотапа в Зимбабве, а затем большими группами стал переходить на южный берег реки Лимпопо и селиться в горах Сутспансберг. Последняя миграционная волна пришлось примерно на 1700 г. На территориях венда помимо одноименного народа живут также лемба, которых считают потомками семитских торговцев.

Белое население

История белых Южной Африки восходит к 1652 г., когда на мысе Доброй Надежды голландская Ост-Индская компания оборудовала морскую стоянку. За первыми поселенцами последовали новые иммигранты — большей частью голландского, немецкого и французского происхождения. Смешавшись между собой, они образовали особую культурную группу, представителей которой со временем нарекли африканерами. В 1820 г. в Южную Африку прибыла большая партия британских переселенцев. В настоящее время около 60 % белых говорят на языке африкаанс. Африкаанс и английский — официальные языки ЮАР.

Среди южноафриканцев европейского происхождения немало общин — в частности, выходцев из Великобритании, Португалии, Германии, Нидерландов, Бельгии, Швейцарии, Италии, Франции, Скандинавии и Греции, — которые говорят как на обоих официальных, так и на родном языке. В стране есть и сильная еврейская община, в основном говорящая по-английски.

Метисы

Со временем население Капской колонии стало расти за счет рабов из Западной Африки, с Мадагаскара, из Индии, Индонезии и Малайи. В результате смешения этих людей с готтентотами, евро-

пейцами, а позже и с черным населением, появились метисы. Среди них выделяются две культурно-этнические группы. Это гриква и капские малайцы. За исключением малайцев, большинство метисов — христиане и придерживаются явно западного образа жизни. Большинство метисов говорит на африкаанс. Более 80 % из них проживают в Капской провинции.

Азиатское население

Народ азиатского происхождения в Южной Африке состоит большей частью из индийцев, но есть выходцы и из других стран.

Азиатская община начала формироваться в 1860 г., когда значительное число индийцев (в основном — мадрасские индусы) приехали в Южную Африку работать на плантациях сахарного тростника в Наталь. За ними последовали мусульмане, говорящие на гуджарати. Более 80 % всех индийцев и по сей день живут в Натале. Большинство свободно говорят по-английски, а некоторые — и на африкаанс. Внутри различных общин по-прежнему говорят и на родных языках: тамильском, телугу, хинди, гуджарати и урау.

В 1904—1906 гг. на золотые шахты Витватерсранда нанялись более 63 тыс. китайских рабочих. После 1907 г. большинство вернулись на родину, но и сегодня в Южной Африке насчитывается около 13 тыс. лиц китайского происхождения. Китайцы свободно владеют английским языком, а часто и африкаанс, а в некоторых семьях до сих пор говорят на гуанчжоуском и пекинском диалектах китайского.

Более 80 % населения исповедуют христианство. Другие религии — индуизм, ислам, иудаизм и традиционные африканские культы.

Распространение христианства началось в середине XVII в. и связано с деятельностью европейских миссионеров. В г. Мидранд, расположенном недалеко от столицы, находится храм Преподобного Сергия Радонежского (первая русская церковь на юге Африки). Действуют ряд христианско-африканских церквей, возникших в 1880-х гг. на базе раскольниковских движений. Часть африканцев придерживается традиционных африканских верований (анимализм, фетишизм, культ предков, хранителей домашнего очага, сил природы и др.). К мусульманской общине (большинство ис-

поведуют ислам суннитского направления) относятся капские майайцы, индийцы, выходцы из Северного Мозамбика и др. Среди индийского населения есть также шииты-исмаилиты. Существует община индуистов. Распространен иудаизм, насчитывается около 200 иудейских обществ.

Как мы уже отмечали, по конституции 1996 г., в ЮАР имеется 11 государственных языков, что делает её второй по их числу после Индии.

В 1984—2002 гг. население увеличилось на 30 %. Темпы прироста населения в 1980-х гг. составляли 2,9 %, но затем стали постепенно снижаться, а в конце 1990-х гг. резко упали. Наиболее плотно населены районы городов Йоханнесбург, Кейптаун и Дурбан. По сложившейся традиции, в ЮАР на работу в шахтах и на фермах приезжают трудовые мигранты из Свазиленда, Лесото и Ботсваны.

В последние годы в городах и посёлках жило 50 % населения. Грамотность — 85,5 %. Пенсионный возраст — 65 лет.

Эмигранты из ЮАР живут в Намибии и других африканских странах. Стоит проблема т.н. «утечки мозгов». В 2003 г. из ЮАР в США, страны Европы, Австралию и Новую Зеландию эмигрировали более 10 тыс. человек, среди которых было много медицинских работников, бухгалтеров, учителей, а также специалистов в области информационных технологий.

1 января отмечается Новый год, 21 марта — День защиты прав человека, 16 апреля — День семьи, 27 апреля — День независимости, 1 мая — День трудящихся, 16 июня — День молодежи, 9 августа — Национальный женский день, 16 декабря — День примирения (Дингаана), 25 декабря — Рождество, 26 декабря — День благодарения.

КУЛЬТУРА И РЕМЕСЛА

На территории ЮАР имеются очаги древнейшей наскальной живописи, принадлежащие первым обитателям этих мест, выполненные естественными минеральными красками (фигуры животных, сцены охоты, угона скота, битв). Голландцы принесли на юг Африки свою архитектуру, все началось с середины XVII в., с сооружения форта на мысе Доброй Надежды, на территории буду-

Барабанищик и «слушатели»

Бегемот-скамья

щего Кейптауна. В созданной голландской Ост-Индской компанией Капской колонии велось интенсивное строительство. В 1666—1672 г. был построен пятиугольный в плане каменный замок; улицы Кейптауна и многочисленные посёлки, возникавшие в колонии, застраивались зданиями в духе голландской архитектуры XVII—XVIII вв., переработанной в соответствии с местными условиями. В конце XVIII в. зодчий Л.М. Тибо и скульптор А. Анрейт привнесли в архитектуру ЮАР элементы французского ренессансного зодчества. С начала XIX в. в связи с открытием месторождений драгоценных металлов и притоком населения начался интенсивный рост городов, в застройке которых до начала XX в. господствовал эклектизм. В Кейптауне преобладала неоготика, в Претории удерживались традиции «капской архитектуры», в Йоханнесбурге — неоклассицизм. В конце 20-х гг. в архитектуре ЮАР появились функционалистские постройки, а с 30-х гг. на неё оказывало влияние творчество крупнейших архитекторов стран Европы, США и Латинской Америки. Для современной застройки городов ЮАР характерен резкий контраст между благоустроенными районами с импозантными зданиями административных центров, торговых фирм, контор, банков, богатых особняков и трущобами в неблагоустроенных пригородах — бидонвиями. Основной тип сельского

поселения коренных пастушьих народностей ЮАР — крааль с поставленными по кругу разборными хижинами, образующими внутреннюю площадь, которая служит загонем для скота.

С конца XVIII в. в ЮАР работали европейские скульпторы (А. Анрейт) и живописцы (Т.У. Боулер, Д.У. Ангас и др.), оказавшие воздействие на сложение изобразительного искусства страны. Среди современных художников выделяются живописец Ж. Секото (создавший галерею портретов своих соотечественников) и резчик по дереву Дж. Кекана. Художники получают образование в местной художественной школе в Ндалени. Живописцы Й. Масике, Э. Нгкобо, А. Нибе стремятся к правдивому отражению жизни современной ЮАР, скульпторы Дж. Кубхека, С. Кумапо, С.К. Седибане украшают резными композициями общественные и административные здания. Заметное развитие получили станковая графика (А. Дламини, Дж. Митчелл), книжная иллюстрация (П. Кларк). Из художественных ремёсел распространены обработка металлов, гончарство, изготовление резной утвари, обработка шкур, плетение.

Научная работа ведётся в университетах и научно исследовательских институтах. В 2000 г. в стране было 22 университета и 15 технических вузов («техниканы»). В 2002 г. начата реформа университетской системы, в результате которой некоторые университеты будут закрыты, но откроются новые. Научные институты ведут исследования во многих областях: астрономия, физика, биология, медицина, общественные науки. ЮАР — первая страна, где была проведена пересадка сердца.

РУССКИЙ УЧИТЕЛЬ И ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ УЧЕНИК

Сейчас уже широко известно о том, что Кристиаан Барнард, южноафриканский хирург, впервые в мире осуществивший операцию по пересадке сердца человеку, считал своим учителем советского учёного Владимира Демикова...

Владимир Петрович Демиков родился в 1915 г. в крестьянской семье. В раннем детстве пытался оперировать собак, чтобы посмотреть, как устроено их сердце. Учился на слесаря. На своём станке сделал стальную копию человеческого сердца. Затем поехал в Москву и по-

ступил в МГУ на биологический факультет. Демихов так и не получил медицинского образования, в чём его позднее упрекали оппоненты.

Эксперименты с сердцем Демихов начал с 1921 г. Приехав в столицу, он продал свой костюм, купил серебряные пластины и сделал модель искусственного сердца. В 1938 г. он пересаживал его на место удалённого сердца собаки. Животное после операции жило до двух с половиной часов.

Демихов закончил университет в 1940 г. Войну Владимир Петрович прошёл рядовым. Не любил о ней вспоминать, говоря, что она на несколько лет оторвала его от исследований.

После войны учёный работал в Институте хирургии. Директор института, академик А.В. Вишневский проявлял большой интерес к деятельности Демихова и не раз спасал его лабораторию от закрытия.

С 1947 по 1954 г. учёный осуществил первую в мире пересадку лёгкого, трансплантацию предплечья. Ему удалось поддерживать жизнь собаки без головы.

В последующие годы он сделал несколько успешных операций животным.

Многие считали саму идею пересадки сердца человеку, которую защищал учёный, аморальной. Тем временем видные медики Чехословакии, Великобритании и США приезжали в СССР лишь для того, чтобы присутствовать на операциях Демихова. Ему присылали персональные приглашения на симпозиумы в Европе и США, причём принимающая сторона нередко соглашалась взять на себя все расходы. Однако Владимира Петровича выпустили за границу только однажды. В 1958 г. он выехал в Мюнхен на симпозиум по трансплантологии. Его выступление там произвело сенсацию. Однако чиновники Министерства здравоохранения посчитали, что Демихов разглашает советские секретные исследования, и больше он за границу ездить не мог.

После смерти академика Вишневого Демихов вынужден был перейти на работу в Институт имени Склифосовского, где для него открыли «лабораторию по пересадке жизненно важных органов». Это было небольшое помещение в подвале института, сырое и плохо освещённое.

В 1962 г. в Москву приехал южноафриканский врач Кристиан Барнард. Незадолго до этого он, директор отдела хирургиче-

ских исследований кейптаунской больницы «Хруте Схююр», пришёл собаке вторую голову, повторив эксперимент Демихова. Он снял на киноплёнку, как двуглавая собака пьёт молоко обоими ртами.

Получив стипендию Оппенгеймера для научных командировок за границу, Барнард отправился в исследовательские центры Европы и США. Он хотел также посетить Владимира Демихова в Москве и показать ему кинофильм о двуглавой собаке. Поэтому Кристиаан Барнард написал письмо советскому министру здравоохранения с просьбой организовать посещение исследовательских центров в СССР, проводящих эксперименты в области трансплантации органов.

Вероятно, хирургу не удалось получить разрешения стажироваться у Демихова. Тогда Барнард приехал в СССР как простой турист. В подвалах Института Склифосовского он ассистировал Владимиру Петровичу во время операций на собаках. Эти эксперименты, по словам Барнарда, окончательно убедили его, что пересадка сердца человеку возможна.

В течение последующих шести лет он отрабатывал технику пересадки сердца. В ночь с 2 на 3 декабря 1967 г. Кристиаан Барнард впервые в мире осуществил операцию по пересадке сердца человеку. Его пациентом стал 55-летний бакалейщик Луи Вашкански. Группа врачей из 20 человек под руководством Барнарда пересадила Вашкански сердце 25-летней Дениз Дарваль, погибшей в автотрагедии.

В первом же интервью хирург сообщил, что пациент обязан жизнью Владимиру Демихову. Это помогло советскому учёному: как раз в то время собирались в очередной раз закрывать его лабораторию. Кроме того, в день окончания операции Барнард позвонил Владимиру Петровичу и назвал его своим учителем.

Эксперимент Барнарда вдохновил хирургов всего мира. За полгода было осуществлено более ста операций по пересадке человеческого сердца.

В нашей стране первая успешная операция была совершена в 1987 г. кардиохирургом Валерием Шумаковым.

Демихов прожил остаток своих дней в относительной неизвестности. Когда знаменитый хирург Майкл Дебейки прилетал в Москву проводить коронарное шунтирование Ельцину, также изобре-

тённое Владимиром Петровичем, то спросил: «Могу ли я встретиться с Демиховым?» Никто не знал, кто такой Демихов.

Лишь незадолго до его смерти Владимира Петровича «нашли» сотрудники Российского центра репродукции человека Минздрава России и сделали своим почётным директором. Кроме того, они добились награждения великого учёного орденом «За заслуги перед Отечеством III степени».

В последние годы Владимир Петрович жил на весьма скромную пенсию в однокомнатной квартире на окраине Москвы. «Я ни на кого не обижаюсь», — сказал он корреспонденту газеты «Аргументы и факты». А репортёр из «Общей газеты» вспоминала: «Несколько раз, забыв, что повторяется, он протягивал мне снимок, где был изображён нестареющий улыбающийся южноафриканец с молодой женой, и спрашивал: “Вы узнаете Барнарда? Он сделал ЭТО!”»

В 90-е гг. Кристиаан Барнард жил на собственной овцеводческой ферме в Южной Африке. «В жизни я брался за всё, и всё мне удавалось», — говорит он.

Барнард впервые показал одну из аномалий беременности, вызываемую недостаточным кровоснабжением плода, и разработал операцию, устраняющую этот фатальный для матери и ребёнка дефект. В 2000 г. он был признан одним из 200 самых известных людей XX столетия.

В декабре 1996 г. Барнард впервые после почти 35 лет прилетел в Москву и принял участие в III Всероссийском съезде сердечно-сосудистых хирургов. Ему была вручена медаль В.И. Бураковского и диплом за выдающиеся заслуги в деле развития сердечно-сосудистой хирургии. В ответном слове Барнард сказал, что «если бы не подвалы Института Склифосовского, я никогда не сумел бы сделать этого».

С конца XIX в. существует богатая южноафриканская литература на английском, африкаанс и африканских языках. Во всём мире известны имена таких писателей, как О. Шрайнер, Б. Вилакази, А. Джордан, П. Абрахамс и др. Н. Гординер удостоена Нобелевской премии по литературе.

Всемирную известность получило южноафриканское церковное хоровое пение.

Южная Африка является родным домом для множества разнообразных культур, которые были подавлены во времена апартеида, упрощались и уничтожались. В обществе, где могли посадить в тюрьму за «неправильную» живопись, серьезное искусство было отправлено в подполье.

Радует то, что сегодня страна находится на пике культурного возрождения. Создаются ретроспективные галереи черных художников, как современных, так и традиционных; а музыканты со всей Африки выступают на грандиозных фестивалях.

Между тем многие из африканских ремесел сейчас переживают упадок, сохраняются только в сельской местности или существуют в весьма ограниченных рамках, диктуемых потребностями туризма. На продажу изготавливаются украшения — бисерные поделки, медные браслеты, кольца, ожерелья; широк ассортимент изделий из кожи — сумки, пояса, обувь, кисеты, фартуки. Из дерева делают предметы домашнего обихода — мебель, ложки и украшенные резьбой блюда, а также маски. Очень распространены плетенные из пальмового лыка, слоновой травы, тростника циновки, сумки, подставки, различные туески. В сельской местности пользуются керамической посудой разного назначения, в том числе изготовленной без применения гончарного круга. Различные этнонациональные общины вносят в народное искусство только им присущие черты. В саваннах Трансвааля у южных ндебеле чрезвычайно развита роспись стен. Причем по краскам, узорам, расположению росписи можно узнать об обитателях жилища. Бисер (привозной) используется в женских украшениях по всей стране, набор цветов орнаментах разнится в зависимости от этнической принадлежности и возраста мастерицы, назначения украшения. Особенно роскошны свадебные головные уборы и украшения у зулусов. Особняком в русле азиатской традиции держатся индийские ремесленники, среди которых распространено производство ювелирных поделок, чеканка и резьба по металлу.

ПАРАД ФЕСТИВАЛЕЙ

— Cape Town Minstrel Carnival (Кейптаун, январь) — знаменитый уличный новогодний карнавал

— Duzi Canoe Marathon (Дурбан, январь) — гонки на каноэ

— Spier Festival (Стелленбош, январь—февраль) — фестиваль искусств и вина

— Cape Argus Cycle Tour (Кейптаун, март) — велосипедный марафон вокруг Капского полуострова

— Klein Karoo Arts Festival (Оудтсворн, март) — фестиваль искусств

— Two Oceans Marathon (Кейптаун, апрель) — марафон вокруг Капского полуострова

— Festival of Light Sri Siva (Питермарицбург, апрель) — фестиваль индуистского огня

— National Hot-air Ballooning Championships (Бетлехем, май) — национальный чемпионат воздушных шаров

— Cape Gourmet Festival (Кейптаун, май) — на этот фестиваль приезжают кулинары со всего мира, чтобы продемонстрировать свое искусство

Сувенирный развал в Кейптауне

- Sabie Forest Fair (Саби, май) — арт-фестиваль
- Pink Lorie (Найзна, июнь) — гей-лесби карнавал
- Food & Wine Festival (Малмсбери, июнь, август) — фестиваль вина и кухни

- The Sardin Run — гонка сардин — (южное побережье Квазулу-Наталя, конец июня) — уникальная миграция сардин, когда косяки рыбы растягиваются на десятки километров, сопровождаемые сотнями дельфинов, акул, чаек; это зрелище собирает множество людей со всего мира — одни лишь наблюдают, другие с удочками, сетями, корзинами и всевозможной утварью, годной для «ловли» сардин, буквально выгребают рыбу из океана

- Knysna Oyster Festival (Найсна, июль) — 10-дневное мероприятие, включающее состязания по приготовлению и поеданию устриц, дегустацию вина, спортивные мероприятия, демонстрацию классических автомобилей и др.

- Standard Bank National Arts Festival — (Грэхемстаун, июль) — один из крупнейших в стране уличных фестивалей искусств

- Wildflower Show — (Гленвильям, август) — фестиваль цветов

- Flower Festival — (Вредендал, август) — фестиваль цветов

- Young Wine Show — (Вустер, август) — праздник молодого вина

- Caledon Wild Flower Show (Западный Кейп, сентябрь) — каждую весну в ботаническом саду, расположенном на склоне горы, собираются тысячи людей, чтобы полюбоваться редкими видами дикорастущих цветов

- Cape Town Waterfront Wine Festival (Кейптаун, сентябрь—октябрь) — крупнейший фестиваль вина, на котором можно продегустировать более 300 сортов капских вин, а также вино, произведенное в других странах

- Guinness Jazz Festival — (Йоханнесбург, сентябрь) — крупнейший джазовый фестиваль

- Karoo Festival — (Грааф-Рейнет, сентябрь) — фестиваль искусств

- Фестиваль китов (Херманус, конец сентября) — театрализованные представления, дегустация вина, различные состязания в разгар «сезона китов»: в июле киты приплывают к побережью Западного Кейпа выводить потомство и остаются в здешних водах до ноября, за ними можно наблюдать с берега или из лодки

— Food & Wine Show — (Стелленбош, сентябрь) — фестиваль еды и вина

— SAAF Air Show — (Кейптаун, октябрь) — крупнейшее аэрошоу

— Jacaranda Festival — (Претория, октябрь) — фестиваль джакаранды, приурочен ко времени ее цветения, когда весь город покрывается удивительным фиолетовым цветом

— Mango Festival — (Ходспрут, декабрь) — фестиваль манго

— Heldeberg Festival of Lights — (Сомерсет Вест, декабрь) — шоу огней

— Spier Summer Festival — (Стелленбош, декабрь) — фестиваль искусств и кухни

— Million Dollar Golf Challenge — (Сан-Сити, декабрь) — известный гольф-турнир

— Miss South Africa — (Сан-Сити, декабрь) — финал конкурса красоты.

КУХНЯ ЮАР

Мир южноафриканской кухни полон неожиданностей и тайн. Южная Африка — рай для гурманов. Кухня Южной Африки родилась из смеси разных кухонь. Европейская колонизация, адаптация традиционной кухни народов банту и огромное количество иммигрантов — все повлияло на развитие южноафриканского застолья. Голландские поселенцы принесли с собой свои способы ведения сельского хозяйства, британские торговцы внедриli мясное ассорти, в которое теперь входит и африканская дичь. Французы окультивировали виноградники, которые сегодня известны во всем мире. Малайские рабочие предоставили карри. Дичь, баранина и местные лангусты при бесконечном разнообразии океанической рыбы составляют действительно космополитическую кухню.

Разнообразнейшая по национальным особенностям кухня ЮАР — это результат смешения огромного количества кулинарных традиций народов со всего мира. Кебаб и домашние колбаски, каши из кукурузной муки и shebu (растительная жидкая приправа), binyani (маринованный цыпленок со специями в горшочке), biltong (вяленое мясо), chillibites (шашлык) и множество

других блюд делают кухню ЮАР одной из самых экзотических и разнообразных в мире. Поражает многообразие греческих, итальянских, китайских, японских, мексиканских и португальских ресторанов.

Во многих домах традиционным является браайфлейс (жаркое, приготовленное на открытом огне или гриле). Оно являет со-

«Крылышки» по-южноафрикански

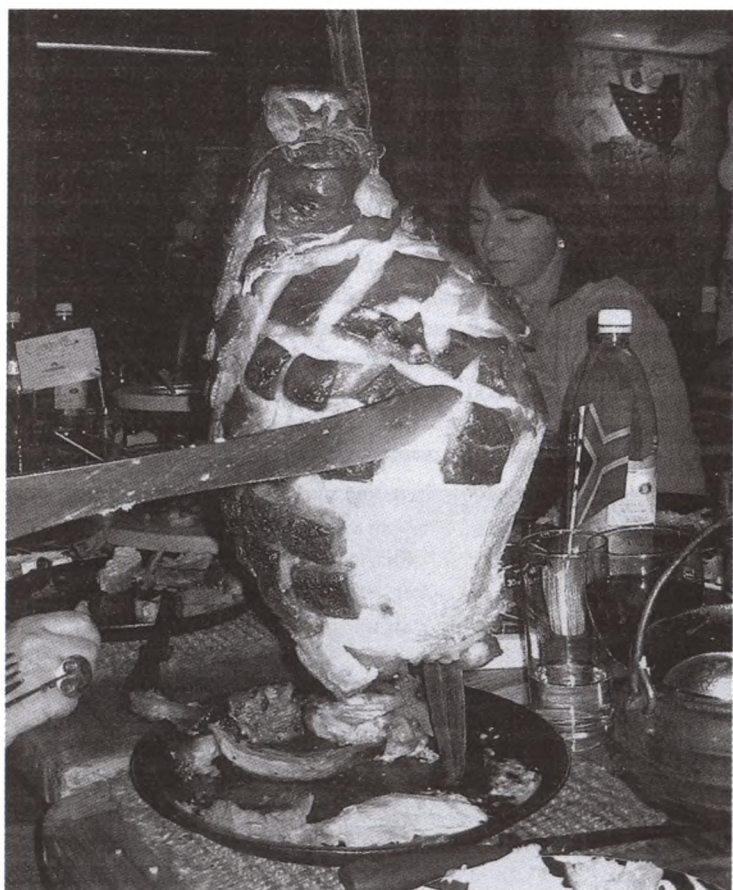
Так подают лобстера на Кане

бой смесь элементов африканской, малайской, индийской и бурской кулинарных традиций. Вам могут предложить закусить бильтонгом (кусочки вяленой говядины, дичи или страусинового мяса) и чилибайтс (острая закуска), пока будут готовиться сосатис (шашлык по-южноафрикански) и бурворс (пикантные домашние колбаски). Вместе с основным блюдом, скорее всего, будет подан пап (кукурузная каша) с шебу (жидкая растительная приправа) и горшочек бирияни (рыба, птица или мясо в горшочке с овощами и рисом). Чаще всего туристы отказываются пробовать предлагаемый им машонза (гусеницы, живущие на деревьях торапи). Они, конечно, немного жилистые, но если их приготовить с красным перцем (попросите повара положить еще и арахис), блюдо получится достаточно интересным. Незабываемое впечатление оставят блюда тшуку — жареные термиты и кси-фу-фу-ну-ну — подрумяненные на огне личинки скарабея.

Страна издавна славится своими виноградными винами, созданными в хозяйствах, многие из которых родились еще во времена голландской Ост-Индской компании. Ян ван Рибек вырастил первую

виноградную лозу в «Компани Гарден» и семь лет спустя после высадки в Кейпе в 1652 г. записал в своем дневнике: «Сегодня с Божьего благословения впервые вино изготовлено из капского винограда». Сегодня в Стелленбоше и других городках на «Винном пути» производится и продается огромное разнообразие вин: сладких, полусладких, полусухих и сухих; как белых, так и красных. Есть и вина десертные, игристые, портвейны и другие.

Нарезка окорока в ЮАР

Глава III. ИСТОРИЯ ЮАР

ВМЕСТО УВЕРТЮРЫ: МИНУЯ КАБО ТОРМЕНТОЗО

Многие по традиции считают, что мыс Доброй Надежды — самая южная точка Африканского материка. Вероятно, это впечатление складывается из-за мелкого масштаба карт полушарий. На них он действительно смотрится оконечностью. Фактически же Африка заканчивается мысом Игольным. Но, конечно, скромному Игольному нечего и думать тягаться в славе со своим знаменитым соседом, овеянным столькими легендами...

В поэме Луиса Камозенса «Лузиады» есть красочное описание встречи командора да Гамы с «Духом бурь»: «Вдруг ночью, когда мы бодрствовали на палубе, густое облако, поднявшись над головой, скрыло от нас звезды. Это была какая-то тень, страшный и мрачный призрак, один вид которого способен привести в трепет самых неустрашимых. В то же время слух наш порастил страшный шум, напоминавший грохот, который производят волны, налетающие на скалы, хотя небо и море не указывали на близость урагана...

В воздух вытянулся призрак необыкновенной величины, безобразии лица его соответствовало громадности роста. Знаменитый

«Летучий Голландец»

Колосс Родосский, считающийся одним из семи чудес света, высотой не мог сравниться с этим грозным привидением. Его отвратительные члены тела, казалось, были одушевлены невидимой силой: мерзость, грубость, жестокость были разлиты во всем его существовании, черты лица его — какие-то унылые и мрачные; голова печально опущена на грудь, борода густая, длинная, всклокоченная; глаза сверкают, точно из темного рва исходит синевато-багровое, скорее кровавое, чем сверкающее, пламя, цвет лица бледный, землистый; волосы курчавые, губы черноватые и зубы желтые... Он испускает оглушительный рев, который, казалось, исходит из глубочайших морских бездн. Волосы наши приподнялись на головах, его вид и голос леденили кровь в наших жилах.

Отважный Васко да Гама спрашивает чудище:

— Кто же ты? Нас удивляет твой рост, но угрозы твои не могут нас смутить.

И призрак отвечает мореплавателям:

— Я тот большой мыс, что вы, португальцы, зовете Мысом Бурь. Ни Птолемей, ни Плиний, ни Страбон, ни Помпоний Мела не знали. Я стою здесь, на грани Африканского материка и южных стран. Я был братом Энкелада, Бриарея и других великанов, которых породила земля. Имя мое — Адамастор».

Говорят, именно здесь появился «Летучий голландец», и был он не голландцем, а чистокровным португальцем. Дело было так.

На протяжении всего XV века, стремясь пробиться морем в Индию, португальские мореплаватели не раз пытались обогнуть южную оконечность Африки. Сюда направляли бушприты своих каравелл знаменитые капитаны принца Генриха-мореплавателя — Нунью Триштан, Альвизе Кадамосто, Диогу Кан, Диего Голиз, Фернандо По. Но первым, кому это наконец удалось, был Бартоломеу Диаш.

В августе 1488 г. три корабля под его командованием вышли из Лиссабона, чтобы открыть дорогу в «Страну пряностей». Близ 33-го градуса южной широты, когда корабли находились у залива Святой Елены, поднялся сильный ветер. Боясь, что суда разобьет о прибрежные скалы, Диаш вывел их в открытый океан. Ветер перешел в шторм, и португальцы потеряли из виду берега Африки. Страшная буря трепала корабли, относя их все дальше к югу. Когда океан несколько успокоился, Диаш приказал взять курс на восток.

На кораблях начался ропот: потеряв надежду на спасение, моряки требовали повернуть обратно. Но, говорят, Диаш поклялся «всеми дьяволами», что если он не обогнет проклятый мыс, то будет плавать до тех пор, пока с ним не случится то, что «будет угодно богу».

Несколько дней корабли шли на восток, но потерянный берег Африки все не показывался. Командор решил тогда, что, должно быть, уже обогнул южную оконечность Африки во время шторма. Чтобы убедиться в этом, он повернул корабли на север.

И вот на третий день показались горы. Диаш повел флотилию вдоль берега на восток. Достигнув широкой открытой в сторону океана бухты (это был залив Алгоа, где позже расположится город Лоренсу-Маркиш, столица Мозамбика, позже переименованный в Мапуту), он понял, что берег плавно поворачивал на северо-восток. Португалец не ошибся: его корабли, обогнув «проклятый мыс», вышли в Индийский океан, который ранее все считали замкнутым морем. Дорога к пряностям была открыта.

Но измученные долгими скитаниями в океане матросы взбунтовались и потребовали немедленного возвращения домой. Диаш был на этот раз вынужден уступить и повернул обратно, так и не добравшись до Индии и не обретя славы первого европейца, приплывшего в «Страну пряностей».

Идя обратно на запад вдоль южной оконечности Африки, Диаш увидел далеко выступающий в море мыс. В память о пережитом здесь двухнедельном шторме португальский мореход назвал его Кабо Торментозо — мыс Бурь.

В декабре 1488 г. Бартоломеу Диаш вернулся в Лиссабон. Король Жуан II, выслушав доклад своего капитана, повелел переименовать Кабо Торментозо в мыс Доброй Надежды. Ведь открытие дало, наконец, португальцам надежду достигнуть морским путем Индии.

Надежда эта сбылась лишь через десятилетие, в 1498 г., когда другой португалец — Васко да Гама — высадился в Индии. Отчаянные плавания португальцев в районе Мыса Бурь, невиданные в других широтах штормы породили у мореходов начала XVI в. фантастические рассказы об обитавшем у мыса «Духе бурь» — Адамасторе.

Но вернемся к Бартоломео Диашу, первым явившемуся на свидание с Адамастором. По возвращении в Лиссабон моряки его эки-

пажа разнесли по пристаням рассказ о своем несчастном плавании. В порту стали открыто говорить, что за свою дерзость и страшную клятву Диаш был проклят богом и обречен стать вечным рабом Кабо Торментозо.

Однако смелый капитан не побоялся вновь снарядить корабли и выйти в море... чтобы действительно стать легендой: 29 мая 1500 г. корабль Бартоломеу Диаша пропал без вести у мыса Бурь...

Молва быстро превратила гибель Диаша в «исполнение воли божьей». Возвращающиеся из Индии португальские моряки клянутся, что видели своими глазами во время шторма у мыса Доброй Надежды его корабль... Так в истории мореплавания появляется первый «Летучий Голландец» — вечный скиталец океана.

ИЗ КРАТКОЙ ХРОНИКИ ОТКРЫТИЙ

Кто открыл Южную Африку? Согласимся — вопрос звучит довольно непривычно. Действительно, открывали Америку, а в Южную Африку плавали, огибали ее у мыса Доброй Надежды и шли дальше — в Индию и к островам Индонезии. Первым, по официальной версии, это сделал португалец Васко да Гама. 25 декабря 1497 г. он пристал к гористым берегам нынешней провинции Квазулу-Наталь и сообщил потомкам, что жители строят дома из веток и травы, орудия труда изготавливают из железа, а украшения — из меди, что они приветливы и радушны.

О ком это? О народе коса? А может быть, о нгуни? Моряки так и не услышали от жителей названия их клана или племени, и свидетельство их осталось навеки общим — так, вообще о жителях Наталя. А потом наступило затишье лет на сто пятьдесят.

И наступил XVII век, и 1652 год, когда голландская Ост-Индская компания учредила «Колонию Доброй Надежды» — Капскую колонию с главным городом Капстадом, с удобной и большой гаванью для океанских судов.

Появилась «точка отсчета». С этого года длится история «белой» Южной Африки — сотни лет конфронтации «белого» и «черного», войн, грабежей, насилия, временных договоренностей, подачек и сноса восстаний и войн, закончившихся только сравнительно недавно.

...Итак, они закрепились на Капе. И сразу же начали войны с местными племенами за жизненное пространство. Итог: «...они,

Ян ван Рибек высаживается в Столовой бухте

готтентоты, потеряли эти земли в результате войны... Их земля досталась нам, она получена нами справедливым путем, в оборонительной войне, и мы намерены удержать ее». Это строки из дневника Яна ван Рибекса, первого губернатора Капской колонии. Но в том же дневнике — отдадим должное его здравомыслящему автору — есть слова об аборигенах, живущих не как звери и дикари, «которые находятся в стадии весьма примитивной», а об «отличных охотниках, земледельцах, скотоводах, жителях, владеющих искусством кузнецов и гончаров».

В 1686 г. у юго-восточного побережья потерпели крушение английское судно «Бонавентура» и голландское «Ставенисса». Команды разными путями добрались до Капской колонии. Они собрали много новых сведений о народе коса — те занимаются земледе-

лием и скотоводством, имеют кур, овец, отличаются гостеприимством. Три года спустя команда другого судна — рабовладельческого «Норда» — сообщила с досадой, что у коса невозможно купить рабов, ибо те не ведают, что такое продавать людей в неволю.

Все это никак не вязалось с образом дикаря — уроженца Южной Африки — с крайне примитивным сознанием и бытом, который сложился в голландской литературе XVII в. Сложился, вопреки свидетельству Рибекы и многих моряков, оказавшихся волею судьбы среди африканцев после того, как их суда были выброшены на скалы в самых разных точках побережья — в Атлантике или Индийском океане. «Люди этого племени, обитающие по берегам Оранжевой реки недалеко от ее устья, — доброжелательный, любезный, сдержанный, сильный и сметливый народ, который почитает своих вождей и живет общинами в удобных домах», — это отзыв простых голландских матросов о племени гриквы.

Но шли годы, и их близких и дальних родичей теснили все дальше и дальше на север. В результате активной экспансии голландцев койкоины отходили в глубь материка. За два столетия пришельцы полностью истребили племена кочоква, чайноква, атаква...

Традиционная охота на слонов с помощью ям

Из дневника Симона ван дер Стела, губернатора Капской колонии, ноябрь 1685 г.: «Вож-ди амаква, которые сопровождали нас до сих пор, вдруг стали возражать против нашего дальнейшего путеше-ствия по их землям и не хотели больше показывать нам дорогу... Они стали упрячиться и даже неверно указывали нам дорогу, чтобы помешать осуществлению наших на-мерений. Когда командир узнал об этом, он спросил, поче-му они стали лгать, вместо того чтобы показывать нам дорогу. На это они ответили, что у них от разговоров раз-болелась голова. После этого они молчали весь вечер и не отвечали ни на какие вопросы».

Три года спустя: Совет Семнадцати Ост-Индской ком-пании — Совету Капа:

«Следует учесть, что, по имеющимся сведениям, с во-ждем этого района (территория сегодняшнего Мозамби-ка. — Авт.) можно улаживать дела с помощью бутылки водки или бренди».

Пройдут десятилетия, а точнее — столетия, и историки соберут все эти материалы в «Синие книги» — сборники официальных и полуофициальных документов, где и сохранятся тексты договоров с вождями племен, переписка губернаторов, донесения о расселе-нии тех или иных народов, насильственном их перемещении... Спе-циально созданные комиссии и подкомиссии опросят чиновников, колонистов, миссионеров, вождей племен, и в ответах проступит картина жизни южноафриканских народов — бесценная хроника раннего периода колониального покорения Африки, калейдоскоп человеческих судеб.

Переселенцев становилось все больше, и всех их волновал се-вер — неизвестные манящие земли, где текут широкие реки, ра-стут невиданные деревья, пасутся огромные стада буйволов, анти-лоп и слонов. И, конечно же, живут другие, неведомые племена...

Самое первое путешествие на север состоялось в 1655 г. Спустя три года после учреждения колонии группа поселенцев отправи-лась на поиски легендарной страны Мономотапы, южные и запад-ные границы которой на старых картах простирались гораздо юж-нее, чем следовало. Путешественники обнаружили, что в глубине

страны тоже есть пастбища и есть с кем торговать, например, на землях племени намаква.

Через двадцать с лишним лет сами намаква пришли в Капстад и принесли образцы меди, добытой ими в их горах. Посланцы рассказали, что севернее их страны течет большая река и люди там одеваются не так, как он, готтентоты, и живут не так вовсе. Голландцы срочно снарядили экспедицию, но ни она, ни две последующие тех мест достичь не смогли. Тогда уже известный нам губернатор ван дер Стил лично возглавил одну из групп.

Тот поход, не имевший себе равных по организации и масштабам, преследовал две цели — установить «дружеские» отношения с намаква и наладить торговлю медью.

В чем-то им повезло: к началу дождливого сезона они достигли Медных гор в районе сегодняшнего Спрингбока. Нашли и проявления желтого металла. Но добыча оказалась проблемой. Экспедиция не обнаружила готтентотов и не смогла перейти полноводную реку...

XVIII век стал свидетелем множества походов во всех направлениях — главным образом в поисках пастбищ и участков для земледелия. То, что через столетие назовут великим бурским треком, пока было явлением спонтанным, практически неуправляемым.

История сохранила память о бесчисленных человеческих трагедиях, которые разыгрывались в жарких саваннах Южной Африки. Исчезали люди. Пропадали целые экспедиции. Известно, что в 1736 г. отряд Германуса Гибнера посетил земли коса и тембу и нашел там несколько англичан, которые охотились на слонов и торговали бивнями. После этого у экспедиции еще хватило сил пересечь реку Гонуби, но потом они благоразумно повернули назад, прихватив, правда, с собой пять тонн слоновой кости — той самой, что заготавливали англичане. Они намеревались безбедно провести остатки дней на Капе, но судьба распорядилась иначе. Вооруженное нападение местных жителей погубило всех участников экспедиции...

В 1760 г. фермер из Пикетберга по фамилии Якоб Котсе (примерно то же, что в России «Василий Иванов») в поисках слоновьих стад пересек Медные горы, открыл Гроот, или Оранжевую реку, пересек другую — Неувен, или Снежную, и подошел к местам, где сейчас находится городок Вармбад. Вернувшись потом домой, он рассказал: в 60 днях пути от Оранжевой реки живет народ с длинны-

ми волосами, одевается в материю.. Другой смельчак, Гендрик Хооп, решил проверить, так ли это, и в сопровождении 13 молодых колонистов, среди которых были ботаник, хирург и минералог, достигли района Керум (позже — Грюндорн-он-Браус) у северной оконечности горной гряды Карас. Нехватка воды заставила отряд вернуться.

Рабовладельческий рынок в Капстаде

Итак, прошли XV, XVI, XVII века, а о зулусах мы так ничего и не узнали. Им суждено будет выйти на историческую арену чуть позже, но так, что о них заговорит весь мир. Однако белые «пионеры» (впоследствии мы будем употреблять это слово без кавычек) — колонисты, ученые, авантюристы — подбирались все ближе...

В 70-е гг. XVIII в. началась эра научных экспедиций. Первым был швед Карл Тунберг, который за три года тщательно изучил геологию страны. Его называют отцом ботаники Капской колонии. В его путешествиях ему помогал спутник — Андреас Спаррман, оставивший первое подробное описание жизни готтентотов и бушменов.

А первым англичанином, посвятившим целую научную книгу Южной Африке, был Уильям Паттерсон. Болезнь помешала ему участвовать в походе полковника Гордона в 1777 г., который в составе комплексной шотландской экспедиции отправился на обследование Оранжевой реки. Но два года спустя Паттерсон все же побывал в ее устье, а нижнее течение изучил швед Викар, сбегавший со службы в Ост-Индской компании.

Первым переправился через Оранжевую в 1799 г. Уильям Андерссон, член Лондонского миссионерского общества. Но он и его спутники не могли пройти дальше, напуганные агрессивными действиями тсвана (бечуанов) возле местечка Латако.

Конец XVIII, начало XIX в. оставили в истории географических открытий в Южной Африке имена блестящих путешественников — натуралистов и миссионеров: Франсуа Левайяна, Джорджа Томпсона, Уильяма Бурчелла, Джона Филипа, Джона Кэмпбелла, капитана Альберти, Роберта Моффата... Некоторые из их трудов были даже переведены на русский язык.

Среди нескольких фамилий, которые мы позволили себе выделить из длинного списка имен, вошедших в историю географии и этнографии, нас особенно интересуют две. Это Дж. Томпсон и Р. Моффат. Последнему, замечательному человеку, известному во всем мире и прожившему среди африканцев более пятидесяти лет, будет посвящено отдельное место в нашем повествовании.

А вот Томпсона знают мало. У него имелось несколько однофамильцев-путешественников, и потому Томпсона путают с другими, более поздними исследователями Южной и Восточной Африки. Наверняка немногим известно, что он был одним из первых, кто рассказал, хотя и кратко, на страницах своих «Путешествий и приключений в Южной Африке» о зарождающейся империи Чаки.

Из записок Дж. Томпсона, Лондон, 1827 г.: «От границ амакондо (их еще называют кафры гамбона) — на юго-западе до Мапуты у залива Делагоа — на севере и вглубь до большой цепи гор все земли населены страшным племенем под управлением Чаки. Этот человек — вождь таинственного народа зулу, или ватва — за последние восемь-девять лет покорил племена от Делагоа до Гамбоны и учредил варварское царство, основанное на военной деспотии, резко контрастирующее с патриархальным укладом остальных племен кафров. Точное происхождение их неизвестно, но, вероятно, они тоже родственники кафров. Миссионер Трефолл в письме мне из Делагоа в августе 1823 г. сообщал, что ему кажется, что зулу и мантати — две ветви одного дерева.

Мощное племя ватва покорило все мелкие племена в соседстве с заливом Делагоа. У них, очень воинственных и жестоких, в мочках ушей большие дырки, в которые они просовывают различные предметы значительного веса. У них самые совершенные фигуры из всех чернокожих, которых я только видел. Они не признают изделия нашей мануфактуры, которыми мы снабжаем местные племена, а признают только шкуры и питаются продуктами скотоводства. На войне они одной рукой прикрывают тело широкими щитами из буйволово́й кожи, а в другой руке держат копье или 6—8 ассегав. Они по характеру очень непосредственны, никогда не нападают на противника, не послав ему уведомления о времени, когда они появятся».

Сам, правда, зулусов не видевший и склонный, как и большинство его современников-англичан, приписывать африканцам чрезмерную жестокость и дикость Томпсон довольно точно описал в своей книге, вышедшей в Лондоне в 1827 г., некоторые особенности быта зулусов и историю зарождения государства Чаки. И это за несколько лет до выхода классических первых повествований о зулусах — записок Генри Финна, Натаниэла Айзекса и Алана Гардинера!

Именно с этих лет произведения путешественников по Южной Африке, добравшихся наконец до Наталя, начинают наполняться всевозможными сведениями об удивительном и могущественном государстве, где правит Чака.

Зулу открывали миру свою страну и свои обычаи.

Разными путями шли те сведения — через таверны портовых городков и скупые на слова, но наполненные цифрами отчеты купцов, бортовые журналы и похожие на сказки истории пилигримов и мореходов. И рождались образы.

У наших предков, россиян, тоже был свой образ Южной Африки!

«ДО НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ ВЕСЬМА НЕИЗВЕСТНЫЕ»

Пальцы наборщика привычно сновали, подбирая нужные литеры. Раз-два — вылетали свежие пахучие полосы, страницы будущей журнальной книжки. За двадцать лет работы у пожилого наборщика выработалась привычка читать то, что он набирал, это было свойственно далеко не каждому работнику типографии.

Подслеповатыми глазами он пробежал по первым строчкам статьи: «С мыса Доброй Надежды уведомляют от 3 августа, что армия короля Чаки идет на владения каффров. Подполковник Сомерсет выступил для прикрытия границы и для содействия каффрам».

«Эвон о чем! Знакомое дело! Кабы был я помоложе, непременно подался б в те далекие земли, матросом хотя б...» И наборщик показал отчеркнутое ногтем место на гранке напарнику-мастеровому.

То была давнишняя и несбыточная, конечно, мечта старого типографского мастера. Читать об Африке, точнее, об Африке Южной, ему доводилось и ранее: издавали в типографии и учебники географии, и лоции, и переводы записок иностранных путешественников. Да и в журнальных статьях встречалось это жаркое словечко — Африка, и еще — мыс Доброй Надежды, и племя зулусов...

Не знаем мы имени того наборщика, да и неважно это: внуки его шагнули в век двадцатый — им досталось многое повидать, о многом услышать, поболее деда! Но не станем заблуждаться и, ссылаясь на старые времена, утверждать, что в начале прошлого века о народах Южной Африки и знать не знали. Знали! Правда, не так

хорошо, как сейчас. И доказательство тому — журналы и книги той эпохи. Не белые и не гладкие сегодня их страницы, их отнюдь не украшают бесчисленные штампы частных коллекций и библиотек. Сколько рук листало те, еще свежие, журналы... А сколько было устных пересказов прочитанного! Далеко, на другом конце Африки, еще был жив Чака! И не одна воспаленная душа рвалась потом в далекую Африку, чтобы помочь справедливой борьбе тех самых зулусов, которые привлекли внимание старого наборщика в далеком 1828 году в сырой и полутемной петербургской типографии.

В огромной снежной России рождался свой образ Южной Африки. Из крошечных коломенских окошек кто-то пристально всматривался в даль, пытаясь разглядеть просторы африканских саванн, крааль зулусов, длинные караваны бурских фургонов, уходящие на север...

Не потому ли в далеком утолке Рязанской губернии появилась когда-то деревенька с таким неблизким, но столь понятным названием Мыс Доброй Надежды?

Да, в далекой России знали о Южной Африке, о зулусах. Но что это были за сведения? Какие книжки и статьи определили представления русских о зулусах в далеком прошлом?

Представления одних народов о других — тема молодой еще науки имагологии. В начале XIX в. никто, кроме путешественников, никаких сведений о Южной Африке доставить не мог. Но отношение к африканцам у каждого путешественника зависело от той главной цели, которую он себе поставил. Давайте сравним.

Эдуард Мор. Путешествие в Африку к водопадам. Виктория на Замбези. СПб., 1876 г.: «Иностранец, путешествующий по землям племени зулов или матабелов; в мирное время, когда цари спокойно управляют страной, окруженные своими "идинас" (индунами. — Авт.), уважающий обычай народа находится в совершенной безопасности как в отношении своей жизни, так и имущества. Я уверен даже, что здесь гораздо больше шансов на безопасность, чем в цивилизованных государствах Европы, потому что разврат и грубость нравов, господствующие на грязных плебейских улицах наших больших городов, здешним варварам еще неизвестны».

А вот чем порадовал читателя журнал «Телескоп» в 1831 г.: «Вообще колониальный готтентот есть существо развратное, неспо-

собное противиться искушениям, вполне чувствующее преимущества европейца, которого поля он возделывает...»

Это строчки из высказываний англичанина, некоего Купер-Роуза, видимо, офицера, четыре года прожившего в далекой Капской колонии и пронесшего через всю жизнь ненависть и презрение к африканцам. Но чуть ниже, сам себе противореча, он говорит об их смекалке и природных способностях: «Нередко попадались нам огромные следы слонов, и готтентоты, смотря на оные, определяли время, в которое прошел зверь. “Этот шел третьего дня, этот сегодня ночью”, — говорили они».

В начале XX в. исследователь Д.С. Милль писал, что сведения, выносимые средним путешественником из чужой страны в качестве его личных впечатлений, почти всегда в точности подтверждают те его мнения, с какими он отправился в путь. Он имел глаза и уши для того, что он ожидал увидеть и услышать. Так стоит ли многого требовать от офицера колониальных войск?

За последние лет триста родилась огромная библиотека обо всех племенах и народах земли. Есть книги, которые оказались единственными в своем роде и определили на десятилетия представления того или иного народа о другом. Вспомним Дэвида Ливингстона. Несмотря на то что после публикации его записок появились сотни томов разноязыкой литературы об Африке, именно его рассказами зачитывались и зачитываются сегодня миллионы людей во всем мире, хотя многие научные выводы и наблюдения шотландского путешественника, мягко говоря, устарели...

Д. Ливингстон. *Путешествие по реке Замбези*. М., 1867 г.: «Африканские туземцы всегда вместо неинтересной правды говорят то, что считают интересным для собеседника. Например, географ спрашивает туземца из внутренней части страны, высоки ли горы у него на родине, где он провел свою юность; туманно припоминая что-то в этом роде и стремясь доставить удовольствие, туземец отвечает положительно. И так бывает всегда, о чем бы вы ни спрашивали — о золоте, единорогах, людях с хвостами...»

Или еще одно место у Ливингстона под условной рубрикой «было — не было»: «Европейцы слышали много страшного о тех местах, но шли и шли. Там изготавливают яды специально для умерщвления людей. Яд накладывается на маленькие деревянные острые стрелы и прикрывается кукурузным листом. Если взять в рот хоть каплю —

Вождь зулусов Дингаан

немеет язык. Бушмены используют для его приготовления внутренность одной гусеницы — “нга”. Говорят, что яд действует так сильно, что вызывает бред, и человек, находясь при смерти, впадает в младенческое состояние, просит грудь матери. Львы, подстреленные такими стрелами, умирают в страшных мучениях. Возможно, ядовитость гусениц зависит от ядов растения, листьями которого она питается».

Младший современник Д. Ливингстона чех Эмиль Голуб, главной целью жизни которого было «сорвать покров с таинственных стран, дружелюбно улыбавшихся смельчаку», писал: «Некогда добрый отец посеял в моем сердце семена любви к природе. Дневники Ливингстона помогли им прорасти. Я сменил берега Влтавы на южноафриканские степи, а стобащенную Прагу на палаточный городок Нью-Раш. Я стоял на пороге того Эльдorado, о котором мечтал двадцать лет...»

Сколько исследователей могли подписаться под этими словами!

В чем бешеный успех «Копей царя Соломона» Райдера Хаггарда? Да в том, что он использовал достоверный материал из жизни зулусов! «Его фантазия не буйная, не пламенная, а приземистая, очень солидная, обуздываемая на каждом шагу холодными прикосновениями фактов», — это написал в 1922 г. Корней Чуковский в предисловии к первому советскому изданию этой книги.

Владимир Осипович Ключевский, говоря о книгах иностранцев, написанных о России, замечал, что иностранцу быть и характер русских людей должен показаться странным. Слишком уж он не похож на его понятия и привычки, чтобы отнестись к нему с полным спокойствием, взглянуть на него не со своей личной точки зрения, а со стороны

тех исторических условий, под влиянием которых складывается этот быт и характер. Как эта мысль верна и в применении к Африке! Классический пример заблуждения наблюдателей — повествования английских путешественников по Южной Африке, живописавших «монархические порядки, как в Европе» и не заметивших, кстати, отсутствия у африканцев частной собственности на землю!

Виной этому — этноцентризм, невольное желание сопоставить, сравнить свое с новым, только что узнанным. И оценить, но только своими, привычными мерками. И заменить действительность сказками...

Известный русский просветитель Н. Рубакин пересказал в серии «Географическая библиотека» рассказ английских моряков, потерпевших крушение у берегов Африки в конце XVIII в. Основываясь на свидетельствах матросов, автор описывает быт зулусов и потом замечает: «Войны кафров тянутся недолго. Они никогда не бывают кровопролитны. Войны дикарей не то, что войны образованных народов, убивающих друг друга сотнями тысяч...» Англичане долго жили среди зулусов, имели возможность тщательно изучить их обычаи и историю. Вроде бы все правдоподобно. Однако все перечеркивает одна лишь фраза автора, где он упоминает вождя Дингаана, страдавшего падучей, которого видели пленники.

Но они не могли его видеть, ибо потерпели крушение вскоре после 1782 г., когда Дингаана еще не было на свете!..

Желание пофантазировать, приписать то, чего не было, видно и в книжке «Земноводного круга краткое описание...» Иоганна Гибнера, изданной в Москве в 1719 г. Она выдержала 36 изданий общим тиражом 100 тыс. экземпляров! Вот что пишет автор о Каффрарии: «Жители этой страны человеческое мясо жрут. В земле своей называются оные потентотен, а говорят языком, подобно как у нас куры кричат».

Для начала XVIII в. это было простительно. Салонные разговоры об Африке без упоминания о людоедстве были скучны. Но прошли века, наступил двадцатый век, а вездесущая заманчивая фраза о каннибализме у зулусов прошмыгнула в такие солидные издания, как «Африка» Ф. Гана 1903 г. Она затерялась среди реалистичного описания событий в землях зулусов и матабеле, и потому была воспринята с верой. Вот это место у Гана.

Ф. Ган. Африка. М., 1903 г.: «В последние годы часто приходилось слышать о народе матабелей, или матебелей, область которых на севере граничила с рекой Замбези, а на юге с Лимпопо. Главное занятие их заключалось в охоте, грабеже и войне, земледелие находилось в пренебрежении, а скотоводство ограничено распространением мухи цеце. Уже своей наружностью матабели производили впечатление крайней дикости. Увешанные шкурами диких зверей, украшенные леопардовыми хвостами, прикрытые шапкой из шкуры дикой кошки или зебры, они носили в руках короткие пики, колоссальные копья и огромные щиты, их хищнические походы сопровождалась ужасами, опустошением и избиением людей в самых больших размерах. Это неудивительно потому, что у них существовало людоедство, которое подтверждается найденными в пещерах черепами и раздробленными мозговыми костями...»

Между тем каннибализма у матабеле не было — это доказали миссионеры, жившие среди них подолгу, да и современные ученые. Правда, тут возможно другое: в краях этого народа обитали представители других племен, покоренных воинами матабеле. Эти чужеродные элементы в армии матабеле широко использовались в дальних походах. Возможно, среди них были и каннибалы...

Не будем так уж строги к первым, да и не только первым наблюдателям быта далеких народов. Вспомним В.Г. Белинского: «Часто путешественники вредят себе и своим книгам дурной замашкою видеть в той или иной стране не то, что в ней есть, но то, что они заранее еще у себя дома решили в ней видеть...»

В свое время известный немецкий писатель Г. Белль опубликовал свои наблюдения за своеобразными штампами в описании тех или иных народов.

«Русские непременно с бородой, одержимые страстями и немного фантазеры; голландцы неуклюжие и как дети наивные; англичане скупые или чересчур “оксфордистые”; французы то чрезмерно чувственные, то невероятно рассудительные; немцы либо целиком поглощены музыкой, либо беспрестанно поглощают кислую капусту; венгры, как правило, безумно страстные, таинственные и накаленные, как нить электрозажигалки...»

А зулусы? Пожалуй, такого емкого, но в то же время краткого и точного определения в литературе прошлых веков, изданной в России, не найдешь. В большинстве своем это пространные описа-

ния, заимствованные у миссионеров, и схожи с теми, что опубликованы в вышедшей в 1846 г. книге «Известия о коренных жителях Южной Африки и о распространении между ними христианства»: «Земли Южной Африки принадлежат к числу тех стран, которые не могут обращать на себя всеобщего внимания ни по каким-нибудь историческим событиям, ни по памятникам древности, ни по политическим переворотам, ни по славным подвигам их обитателей... Напротив того, состояние несчастных юго-африканцев, которое путешественники обычно изображают во всех известиях о них самыми мрачными чертами, возбуждают в читателях часто отвращение или даже презрение к этим народам».

И вообще, «природные жители Южной Африки состоят из нескольких племен, из которых более всего известны готтентотское и каффрское».

Но было бы несправедливо представлять давнюю африканистику полностью в кривых зеркалах. Журнал «Библиотека для чтения» в № 3 за 1834 г. в разделе «Смесь» публикует рассказ некоего лейтенанта Роджерса, который служил в Южной Африке и привез в Европу интересные сведения о «кафрах». Вот что пишет этот наблюдатель о военных действиях: «Вид кафров, идущих в атаку на неприятеля, поразителен. Они скидают с себя каро, или епанчи из размяченной бычьей шкуры, носимые обыкновенно через плечо, и идут в атаку совсем нагие; на темно-бурой лоснящейся их коже, облитой ручьями пота, яснеют только медные и костяные кольца, которыми они унижают себе не пальцы, а руки, да нити цветных бус, которые носят они на шее или по поясу, считая талисманами...

Кафры кажутся высоки в сражении, но в самом деле рост их невелик, и все вообще сложение уступает европейскому. Только от постоянного движения лядвеи, голени и ступни становятся у них огромные до уродливости, так что легко различить след кафра по его величине и расширению пальцев».

И еще один любопытный пассаж: «Они неутомимые путешественники и деятельны до чрезвычайности, точно сайги, которые, говорят, и простреленные пулей, с ног не валятся, а безут далее, собственно уже до смерти...»

Будем откровенны: экзотика и ощущение отдаленности всего происходящего довлела в представлениях о южноафриканцах у давних читателей, наших соотечественников. Для большинства европейцев они были просто кафрами или готтентотами.

Были кафры, и были буры и англичане. Кто-то с кем-то постоянно враждовал. Кто-то был жесток. Кто-то страдал. Кто-то куда-то плавал. Что-то видел. Что-то привез и рассказал.

Мы прикоснулись лишь к краешку южноафриканской истории, пролистав несколько ее страничек. Какие-то главы этой большой книги прописаны подробно и обстоятельно. О чем-то сохранились лишь отрывочные, противоречивые сведения.

На самом деле история Южной Африки еще не написана. Каждый год происходят все новые и новые открытия, которые зачеркивают предыдущие главы и заставляют по-новому взглянуть на прошлое. Поэтому не удивляйтесь, если в нашем повествовании мы позволим себе (и уже позволили) неожиданные экскурсы в разные времена и земли. Вот и сейчас, рассказав, казалось бы, о многом, мы вновь уходим в прошлое. Итак...

В ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ

Человек появился на территории страны в глубокой древности (о чём свидетельствуют находки в пещерах возле Стеркфонтейна, Кромдрая и Макапансхата), тем не менее надёжных сведений о ранней истории этого региона очень мало. До прихода из более северных районов Африки племён языковой группы банту (реки Лимпопо на севере страны они достигли в середине I тысячелетия н.э.) эта территория была населена скотоводами-готтентотами и собирателями-бушменами. Земледельцы-банту продвигались на юго-запад, уничтожая в местных схватках либо ассимилируя коренное население. Примерно к 1050 г. относятся археологические свидетельства об их присутствии в нынешней провинции Квазулу-Наталь. Ко времени прихода европейцев область мыса Доброй Надежды была заселена готтентотами, а банту (племена коса) достигли уже берегов Фиш-ривер. Бушмены населяли Африку уже 10 тыс. лет назад. Несколько сотен человек, хранителей наследия древней культуры, которые до сих пор оставались в своем развитии на доисторическом уровне, и сегодня живут во внутренних областях Кап-

ской провинции. Название «бушмены» дано им европейцами за образ жизни в африканском буше. Антропологи же предпочитают использовать собирательное имя «койсан», объединяющее как бушменов, охотников-собирателей, так и готтентотов, охотников-собирателей, занимающихся скотоводством. Эти первобытные народы занимали в прошлом большую часть территории Восточной Африки, прежде чем они переселились на юг, изгнанные банту. На территории сегодняшней Танзании и сегодня живут отдельные группы родственных южноафриканским бушменам племен — хадзапи и сандава. (Впрочем, имеется и другая версия их происхождения: они являются прямыми потомками древнейшего населения Южной Африки — тех самых обладателей знаменитых черепов австралопитеков, фрагменты которых открывали в XX в. антропологи Р. Дарт и Р. Брум.)

Бушмены и готтентоты, часть древнейшего населения Земли, имеют желтый цвет кожи, они скорее монголоиды с выступающими скулами и морщинистыми лицами. Основное занятие мужчин из уцелевших сегодня кланов — охота на антилоп, страусов и слонов с помощью отравленных стрел. Причем к слонам они незаметно подкрадывались сзади и подрезали им сухожилия, обездвиживая и добывая ставших беспомощными великанов.

А к страусам подбিরались, наряжаясь в перья этих птиц.

Особенность женской фигуры — массивные жировые отложения на бедрах и ягодицах (стеатопегия) — помогала им переживать голодные времена, когда подходили к концу запасы охотничьей добычи. И в наши дни вы можете увидеть женщин с чрезмерными округлостями на боках.

В знак приветствия койсаны поднимают над головой ладонь правой руки. Язык койсанских народов относится к древнейшим на планете, наполнен щелкающими звуками и нуждается в дальнейшем изучении.

Бушмены оставили вокруг Кейптауна, в Кару и в провинции Оранжевой многочисленные и загадочные наскальные рисунки, говорящие о мудрости и удивительном таланте охотников.

Территорию Африканского континента к югу от реки Замбези можно разделить на несколько различных географических регионов, из которых наиболее благоприятные для деятельности человека — Родезийское плато и плато Высокий Велд в Южной Африке.

На низменных землях прибрежной равнины (за исключением Наталя) и в долинах рек Замбези и Лимпопо водится муха цеце, препятствующая разведению крупного рогатого скота. Зона распространения мухи цеце изолирует Родезийское плато от моря и в значительной степени затрудняет сухопутный доступ во внутренние районы страны, куда можно также попасть по судоходному отрезку Замбези длиной 600 км. Поэтому Родезийского плато можно достигнуть следующими путями: по долине верхнего течения Замбези, по гребню гор Мучинга, по западному берегу озера Ньяса. Именно этими путями и проникли в области к югу от Замбези навыки земледелия, скотоводства, выплавки металлов.

На востоке безлюдная пустыня Калахари отделяет эти два плато от Юго-Западной Африки — пустынной области с редким населением, состоящим из кочевников-скотоводов и охотников-собирателей, история которых остается неизвестной.

На территории к югу от реки Оранжевой и к западу от реки Кей разбросаны готтентоты и бушмены: первые — скотоводы, вторые — охотники-собиратели. Во второй половине XVII в., когда они впервые столкнулись с голландцами, они еще не испытали нажима бантуязычных земледельцев с севера.

Откуда пришли первые земледельцы? Археология с помощью радиоуглеродного метода датирует появление их на Родезийском плато началом нашей эры. Мы не располагаем точными свидетельствами, которые позволили бы определить выращивавшиеся ими растения, однако можно предположить, что это были сорго, просо, элевсина, бобовые и тыквенные растения. Нет у нас и доказательств наличия крупного рогатого скота, хотя такая возможность не исключается; зато разведение овец не вызывает сомнений. Выплавка железа была известна, однако практиковалась она сравнительно редко. Нет данных, которые позволили бы нам определить этническую принадлежность этой первой цивилизации железного

века, которая сменила каменный век, и язык ее представителей. К югу от Лимпопо она распространилась на северную половину плато Высокий Велд, где, как удалось доказать, она существовала в IX в.

В течение второй половины I тыс. начинается разработка месторождений золота и меди, рассыпанных по всему родезийскому плато. Здесь было обнаружено свыше 1 тыс. золотых и 150 медных рудников, а в действительности их было, вероятно, гораздо больше. В глубину шахты в среднем достигали около 15 м, но там, где это позволял уровень подпочвенных вод, они могли уходить и на 30 м. Методы добычи были точно такими же, как и на юге Индии в 300 г. н.э. Найденные в рудниках женские костяки свидетельствуют о применении труда женщин в возрасте от 18 до 25 лет. Известно, что добыча происходила зимой, в мертвый сезон для земледелия. Рудокопы распространились за Лимпопо, на северную часть плато Высокий Велд. Они разрабатывали в Трансваале медь, а также олово. Как и в отношении земледельцев, ничего не известно ни об их этнической принадлежности, ни об их языке...

Начиная с X в. родезийское золото вывозится в Индию (и это за полтысячи лет до плаванья Васко да Гамы!), которая в обмен предоставляет хлопчатобумажную ткань и стеклянные изделия. Посредниками в этой торговле были арабы, которые обосновались в Килве около 957 г., а затем в Софале, основанной, вероятно, в XII в.

А ПОТОМ ПРИШЛИ БУРЫ...

Археология открыла нам существование процветающих общин на плато Высокий Велд в период до XIX в., но нам ничего не известно об их истории. В течение XVI, XVII и XVIII вв. по побережью Наталя неоднократно проходили, как мы уже знаем, группы европейцев, спасшихся после кораблекрушения и пытавшихся добраться либо до мыса Доброй Надежды, либо до Софалы. Из их рассказов складывается впечатление о существовании здесь небольших общин, не имевших надобщинной структуры. К югу от реки Тугела еще в XVII в. было мало общин, которым были известны железо и его обработка.

Семья буров у походного фургона

А затем началась уже немного известная нам история вторжения белого человека. В 1652 г. голландская Ост-Индская компания решила основать на мысе Доброй Надежды «стоянку для отдыха» для флотилий и отдельных кораблей компании, направляющихся в Индию. Ее чиновники наладили там не без больших трудностей сельскохозяйственное производство; они также завязали торговлю с соседними скотоводами-готтентотами, обменивая куски железа и меди на быков и баранов, предназначенных для пополнения мясных запасов на проходящих судах.

Вскоре, хотя и не без колебаний, компания разрешила некоторым из своих чиновников оставить службу и обосноваться здесь частным образом. Животноводство, будучи экстенсивным, лучше приспособленным к среде, а значит, и более прибыльным, сделалось с конца XVI в. главным занятием этих свободных поселенцев, получивших название буров.

В 1688—1689 гг. к ним присоединились около двухсот французских беженцев-гуленотов, изгнанных с родины. Они легко ассимилировались в бурской среде и вскоре перестали пользоваться французским языком.

Постепенно в белой общине стала обнаруживаться тенденция к расколу на две группы: с одной стороны, это были чиновники и богатые собственники; их было немного, и они жили в Капштадте и его окрестностях. С другой стороны, это были кочующие скотоводы внутренних районов страны; они подражали в своем образе жизни коренным жителям, которых они постепенно оттесняли, поработщали или ассимилировали, то есть заключали браки с местным населением.

К 1689 г. готтентоты были вынуждены прекратить борьбу против захвата их земель. Многие из них погибли во время эпидемий оспы в 1713 и 1755 гг.

Экспансия буров-переселенцев распространялась на восток вдоль плодородной прибрежной полосы, не углубляясь в засушливые внутренние области. Пока они не достигли р. Грейт-Фиш, перед переселенцами открывалась малонаселенная обширная территория. За рекой дорогу им преградила плотно заселенная территория бантуязычных земледельцев, которых им так и не удалось вытеснить. Первая ожесточенная стычка произошла в 1779 г. Европейцам пришлось тогда отступить к северу на более засушливые земли.

Кроме огнестрельного оружия в распоряжении буров находились лошади и повозки, запряженные быками. Отсутствие мухи цеце на территории до р. Лимпопо позволило европейцам пользоваться лошадьми на всем плато Высокий Вельд, а позднее даже проникнуть на родезийское плато, пройдя по кромке пустыни Калахари. Тем не менее лошадь так никогда и не распространилась здесь, так как ее повсюду подстерегали другие опасности. Этим объясняется то обстоятельство, что в противоположность американским индейцам местное население Южной Африки мало пользуется лошадьми.

В течение XVIII в. белое население колонии увеличилось в десять раз и достигло в 1795 г. 20 тыс. человек; четверть из них жили в Капштадте и его окрестностях. Этот быстрый прирост населения был вызван не столько иммиграцией, сколько высокой рождаемостью в среде колонистов. На рубеже XVIII в. количество европейцев в пределах колонии уже превосходило число готтентотов, которых

было примерно 15 тыс. человек. Что касается бушменов, то они уже не принимаются в расчет; они были вынуждены прекратить сопротивление продвижению колонистов в начале XIX в.

В 1797—1798 гг. англичанин Джон Барроу путешествовал по территории колонии и оставил очень живое и подробное описание каждодневной жизни буров-переселенцев во внутренних районах страны: «Голландские крестьяне, которых называют бурами и которые могут обеспечить себя в изобилии не только всем необходимым, но и предметами роскоши, живут самым скаредным образом. Они не употребляют ни сливочного масла, ни молока, ни вина,

Переселенцы-буры преодолевают Драконовы горы

хотя в их распоряжении находятся неисчислимые стада и богатые виноградники. Они почти совсем не едят овощей. Единственная пища, которую они подают на стол, это большие куски баранины, плавающие в сале.

Их жилища столь же грубы, как их образ жизни. Большинство из них не имеет кровли; те, что все же имеют ее, попросту покрыты решеткой из палок, на которую уложены куски земли и дерна... Из мебелировки, которая украшает [эти хижины], самыми роскошными предметами являются большой сундук, где хранятся все лучшие вещи хозяина, и два небольших дорожных чемодана. Стулья обиты полосками бычьей кожи.

...Несмотря на этот жалкий внешний вид, бур не лишен собственности. Он владеет землей площадью в несколько миль. Он правит там полновластно, не опасаясь суда со стороны кого бы то ни было. Бедные рабы, или готтентоты, повинуются его безоговорочным приказам. С утра до вечера он не перестает курить, вынимая изо рта свою трубку только для того, чтобы поесть, отдохнуть во время полуденной сиесты или выпить свой зорже (так они называют свою водку).

...Редко можно найти хотя бы единственную книгу в хижинах этих крестьян, разве что Библию... Впрочем, они очень набожны и, чтобы посетить богослужение, пускаются иногда в многодневные путешествия.

...Однако и у этих людей есть добродетель, за которую им можно простить множество недостатков: я имею в виду их гостеприимство. Они принимают любого чужака как родственника или друга.

...Свои земли бур содержит не лучше, чем дом. Те, кто занимается продажей скота, вовсе не сеют зерна, а покупают продукты пропитания в обмен на скот. Но что еще губительней, это то, что сами земледельцы ничего не понимают в земледелии. Они обрабатывают землю с помощью грубого и массивного плуга, который с трудом тащат восемь-десять лошадей или двенадцать быков; они совершенно незнакомы с удобрениями».

Из этого рассказа, может быть несколько высокомерного, но в правдивости которого не возникает никакого сомнения, можно, пожалуй, заключить, что бур благодаря безразличию, апатии и отсутствию предприимчивости жил чуть ли не натуральным хозяйством. Ничего подобного. Скотоводы сознательно избрали такой

образ жизни, следуя закону получения наибольшей прибыли при наименьших затратах. Вкладывая всего пятую часть годового капитала своих конкурентов (эти сведения принадлежат самому Барроу), бур получал прибыль в два раза выше, чем хлебороб, и в четыре раза выше, чем виноградарь. Если его общий годовой доход не превышал половины дохода его конкурентов, то, для того чтобы приняться за дело, ему было достаточно всего лишь пятнадцатой части начального капитала хлебороба и тридцатой части капитала виноградаря. Таким образом, занятие скотоводством было доступно даже для очень небогатых людей.

Кроме того, рынок зерновых в Капской колонии был насыщен, а мясной рынок не насыщался никогда. Количество скота здесь возросло в течение XVIII в. в десять раз, причем число овец в шесть раз превышало поголовье крупного рогатого скота. Однако шерстяная овца появилась лишь в XIX в.

Если бур и являл собой пример удивительной хозяйственной независимости по отношению к внешнему миру, он тем не менее не мог порвать с ним свои связи, пусть и редкие. Ведь в Капштадте он приобретал ружья, порох, железные изделия, сахар, кофе, чай и одежду.

За все эти необходимые товары он платил скотом, кожами, салом, мылом и воском. Обмен с африканцами давал ему шкуры диких зверей, страусовые перья и слоновую кость. Все это нетрудно было пустить в оборот; скот можно было легко пригнать в Капштадт своим ходом, а чтобы продать все остальное и сделать покупки, достаточно было два раза в год отправиться туда на повозке, запряженной быками.

Бур-переселенец не был исключительно скотоводом; он занимался также торговлей с готтентотами, а затем и с пограничными бантуязычными группами, покупая скот за стеклянную посуду, водку, табак, куски железа и меди. Нередко его конкурентом выступал здесь *togtganger* — бродячий торговец, который появился в XVIII в. Торговые контакты с племенами, живущими во внутренних районах страны, естественно, вызывали конфликты, подобно тому, как это было у португальцев к северу от р. Лимпопо. Тем не менее в XVIII в. трения между европейскими поселенцами и африканцами еще не стали столь постоянными и напряженными, как в последующий период.

В первый раз англичане оккупировали Капскую колонию с 1795 по 1803 г., но окончательно она перешла под английское господство в 1806 г. Буры во внутренних районах, которые неохотно принимали контроль даже голландских властей, с еще большей враждебностью отнеслись к установлению английского господства.

ПЕРВЫЕ СТЫЧКИ. СОПРОТИВЛЕНИЕ ГОТТЕНТОТОВ И БУШМЕНОВ. ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОВ

Вопрос о ранних столкновениях с колониализмом на юге Африки, и прежде всего о сопротивлении готтентотов, до сих пор изучен очень мало.

Известно, что первые столкновения коренного населения с колонизаторами произошли еще четыре с лишним века тому назад. Осваивая путь вокруг Африки, к сказочным богатствам Индии и всего Востока, европейцы еще тогда хотели использовать естественную гавань возле самого опасного участка этого пути, где сталкиваются течения двух океанов — Атлантического и Индийского — и воды почти никогда не бывают спокойными. В одной из схваток, в 1510 г., жившие на мысе племена койкоинов (готтентоты) убили 66 высадившихся там португальцев, в том числе и вице-короля Португальской Индии.

Такие схватки резко участились с 1652 г., когда, как мы помним, Голландская Ост-Индская компания основала «Колонию Доброй Надежды» (Капскую колонию) с портом Капстад в качестве стоянки для кораблей.

Письменная история ЮАР началась 6 апреля 1652 г., когда Ян ван Рибек от имени голландской Ост-Индской компании основал поселение на мысе Доброй Надежды. В XVII и XVIII вв. туда прибывали колонисты из Нидерландов, а также французские гугеноты, спасавшиеся от религиозных преследований на родине, и поселенцы из Германии.

Когда на французский трон взошел Людовик XIV, гугенотам оставалось либо отречься от веры, либо покинуть

страну. Сотни тысяч протестантов бежали в Англию, Пруссию, в Америку, а многие — в Голландию. Гийом Шеню, отправившийся на английский судне в Азию, после многочисленных приключений, встречи с пиратами, в феврале 1687 г. высадился вместе с товарищами по несчастью на южноафриканском берегу. Все они, за исключением Шеню, были перебиты воинами племени коса. Сам он несколько месяцев прожил среди туземцев, выучил их язык. Ему все же удалось бежать, и он оставил первые письменные свидетельства о жизни племени коса в XVII в.

Пришельцами, которые стремились закрепиться на новых землях, было решено построить форт вместительностью 80 человек, посадить фруктовые деревья, отвести земли под пастбища. Что касается местных жителей — койсанов, или, как тогда говорили, готтентотов, — их предполагалось отселить и обособить.

В 1657 г. первые 9 колонистов получили право на владение участками земли. Эти «свободные граждане» создали фермы на плодородных землях долины Берг и стали выращивать зерновые культуры и разводить овец. Вскоре они столкнулись с коса, продвигавшимися с северо-востока. Последовала серия столкновений, известных как Капские пограничные войны и вызванных в основном спорами из-за земель, пригодных для сельского хозяйства.

Народность коса, самыми знаменитыми представителями которой сегодня являются недавно действующий президент страны Мбеки и легендарный Н. Мандела, в ходе этого исторического процесса мигрировала из глубины материка.

В ходе интенсивного оспаривания территорий Капская колония стала одной из значительных единиц империи голландцев. Чтобы добиться высокой отдачи от колонии в материальном плане, сюда в огромном количестве были завезены рабы из других частей подконтрольного мира. Малазийцы, индонезийцы и выходцы из Мадагаскара, смешиваясь с коренными племенами, представлявшими собой яркий калейдоскоп коса, банту, койкоин, заложили основу новой нации.

«Капские цветные» — так была названа своеобразная раса людей, ставшая результатом целенаправленного смешения рабов из разных регионов. Нередко совершались браки между колонистами и освобожденными.

денными рабынями-христианками, часто колонисты брали в жены женщин из племени койсан. Француз Франсуа Левайан отмечал в своих путевых записках: «Рабы-креолы ценятся особенно высоко. Поначалу в Кейптауне вызывает удивление то, что среди рабов есть белые... Оказывается, хозяева закрывают глаза на распутство своих черных рабынь с белыми солдатами гарнизона, так как заранее знают, что получают выгоду, поскольку белые рабы стоят намного дороже чернокожих». С другой стороны, европейских женщин в колонии было мало — в среднем одна на десять мужчин. И хотя губернатор получил из Голландии приказ не допускать подобных браков, природа брала свое...

Европейцы, поначалу прибывавшие сюда в качестве равноправных торговых партнеров, возглавили рабовладельческий строй новой эпохи. Со временем смешение по национальному составу предопределило дальнейшую жизнь населения, одно из названий которого звучало как «капекolorадо». Сегодня это примерно половина всех жителей Западного Кейпа.

Первыми, кто выступил против установления колониального господства, были племена койкоин. Правда, поначалу колония была еще слишком слаба, чтобы притеснять их, и скот, который колонистам был крайне нужен, не решались тогда еще отбирать силой, а выменивали на металлическую утварь, водку, табак. Меновые отношения облегчались тем, что среди койкоинов на мысе были люди, и прежде всего вождь Аутшумао (европейцы называли его «Герриготтентот»), которые немного умели изъясняться на ломаном английском языке, — научились у английских моряков, потерпевших кораблекрушение. Голландцы боялись, как бы готтентоты не ушли с мыса и не увели с собой свой скот, оставив колонию без мяса. Поэтому ван Рибек (1618—1677), первый губернатор Капской колонии, стараясь быть обходительным с Аутшумао, даже приглашал его к себе обедать.

Но столкновения были неизбежны. Уже через восемь месяцев после высадки на мысе Доброй Надежды, в конце того же 1652 г., ван Рибек просил у директоров Ост-Индской компании разрешения отбирать у племен койкоинов их скот. «Велико дело — отнять

у них 6 или 8 тысяч голов скота? А для этого тут есть масса возможностей... Часто они лишь вдвоем или втроем гонят тысячу голов скота вблизи от наших пушек, и их очень легко отрезать от своих. Мы видим, что они полностью доверяют нам во всем и без страха приближаются к форту, когда пасут скот».

Поведение койкоинов объяснялось их уверенностью в своем праве жить здесь, строить где угодно свои хижины и пасти скот. В дневнике ван Рибекса, очень интересном документе тех времен, есть, например, запись о том, что 9 февраля 1655 г. около 50 койкоинов занялись постройкой своих хижин возле самого форта и на требование голландцев перебраться подальше «они дерзко ответили, что могут ставить свои хижины, где им вздумается».

Встретив голландцев вполне дружелюбно, местные племена после первых же столкновений начали бойкотировать европейский форт, прекратили меновую торговлю. Южноафриканский историк Л. Формэн назвал это пассивным сопротивлением. Голландцам пришлось отправлять гонцов в глубинные районы мыса, чтобы установить торговые связи с более далекими племенами.

Но особенно крутой поворот в отношениях — переход к вооруженным схваткам — произошел в конце 50-х гг. XVII в., когда колония почувствовала себя уже несколько окрепшей и утвердившейся. Это произошло с введением рабского труда. Рабов привозили из других стран: первые крупные партии — в 1658 г.; в марте — 174 раба из Анголы, в апреле — 200 рабов с гвинейского побережья. Вскоре невольничьи корабли доставили рабов с Мадагаскара, Цейлона, из Индии.

Появление рабов привело не только к тому, что поселенцы переложили на рабов весь тяжелый физический труд. Непосредственным последствием для коренных жителей оказалось и то, что колонисты сразу же расширили занятия сельским хозяйством. Требовались уголья, и колония стала сгонять с земли ее хозяев — племена койкоинов. Войны за землю начались в конце 1560-х гг. и продолжались долго. Первым было изгнано из своих мест койкоинское

племя горингайконов. Их вождя Аутшумао в 1658 г., на седьмом году существования колонии, схватили и «сослали» на остров Роббен (близ Капстада). Аутшумао стал первым политическим ссыльным во всей «Черной Африке», а остров Роббен был впоследствии превращен в место ссылки для особо важных политических (для противников режима апартеида, в том числе и Нельсона Манделы) преступников.

В 1658—1660 гг. колонисты обрушились на горингайконов и на одно из соседних племен. Вскоре войны или, правильнее, завоевательные походы стали частым явлением. Предлоги для этого находились легко. Объявлялось, что то или иное племя поддерживает связь с рабами колонистов, принимает у себя беглых рабов или помогает им. Или что у колонистов якобы крадут скот. Целые поселки уничтожались, хижины и утварь сжигали или сбрасывали со скал в океан. Резюмируя итоги подобных действий за 1658—1660 гг., ван Рибек писал: «Теперь они [готтентоты. — *Авт.*] потеряли эти земли в итоге войны... Их земля досталась нам, она получена нами справедливым путем, в оборонительной войне... и мы намерены удержать ее».

В дальнейшем власти Ост-Индской компании сочетали прямые военные операции с использованием одних племен против других и с обманными договорами. В 1672 г. компания в обмен на бренди, табак и бусы «договорилась» с вождями двух племен о распространении своих владений вплоть до бухты Салданныя, т.е. на сто километров к северу от Капстада.

Наиболее ожесточенное сопротивление колонистам оказало племя кочоква, обитавшее к северу от Капстада. Началось с того, что кочоквы схватили нескольких колонистов, посягнувших на их пастбища. В ответ голландцы в июле 1673 г. отправили против этого племени отряд в 90 человек. Обнаружив никем не охранявшееся стадо, отряд угнал почти 2 тыс. голов скота, но, когда дошло до вооруженных схваток, одержать решительной победы не смог. Кочоквы боролись несколько лет, отбивали нападения пяти или шести посланных против них отрядов, выдержали пять ожесточенных боев. Их вождя Гоннему

голландцы с уважением называли «африканский генерал». Лишь в июне 1677 г. кочоквы признали себя побежденными и согласились платить дань, и то не очень большую — по 30 голов скота в год.

Ввиду разобщенности племен и явного превосходства колонистов в военной технике койкоины не могли оказать достаточно эффективного сопротивления. Даже кочоквы, боровшиеся наиболее упорно, были обескровлены, резко ослаблены. Немалую роль сыграли и непривычные болезни, завезенные из Европы, особенно оспа, от которой в некоторых племенах погибал каждый пятый.

Еще менее эффективным было сопротивление бушменов, стоявших на низшей ступени развития. Колонисты охотились на них, как на диких зверей, «расчищая» для себя обширные равнины Южной Африки.

Борьба рабов была особенно трудной. Не только за попытку поднять руку на хозяина, но и за бегство раба вешали или колесовали. Все же выступления рабов следовали одно за другим. В 1660 г., через два года после появления первых крупных партий невольников, 15 из них вместе с 14 служащими Ост-Индской компании решили перебить охрану форта, захватить корабль и уплыть из Капстада. Однако заговор был раскрыт. В 1686 г. невольник по прозвищу Питер из Батавии был повешен «за то, что подговорил разных других рабов к бегству». В 1707 г. Августин из Батавии с группой в восемь человек попытался бежать на Мадагаскар. В феврале 1714 г. 16 рабов восстали и попытались уйти в Анголу. Нередко готтентоты помогали беглым рабам скрываться в пещерах, на горах.

Были восстания на невольничьих судах, у причала Капстада. В июне 1719 г. восстали 600 рабов на английском корабле. В феврале 1763 г. 140 рабов на голландском судне «Меермин» убили 24 матроса, а офицерам приказали вести корабль в обратный путь, к Мадагаскару. Но офицеры обманом высадили рабов, мало ориентировавшихся во время плавания, на побережье возле мыса Игольный, где буры из форта с тем же названием напали на них, 14 человек застрелили и почти всех остальных захватили.

На закате времен рабства и работорговли, в первые десятилетия XIX столетия, характер выступлений изменился. Были уже не просто попытки к бегству, а массовые требования об освобождении.

В октябре 1808 г. двое рабов и двое свободных (ирландцы — рабочий и матрос) организовали массовый поход рабов к Капстаду, который англичане называли Кейптауном. Они освобождали рабов на фермах, «арестовывали» рабовладельцев. Участники похода надеялись, что губернатор Капской колонии, находившейся с начала XIX в. уже в руках англичан, освободит их. Против восставших рабов выслали отряд солдат. 326 участников похода были схвачены, несколько повешены, в том числе и ирландец-рабочий. Подобные же события разыгрались в г. Уорчестере (к востоку от Кейптауна) в 1825 г., за несколько лет до отмены рабства.

В целом можно сказать, что восстания рабов, как и борьба готтентотов и бушменов, не требовали от колонии максимального напряжения всех сил, не выливались в поистине грозные народные движения.

Наиболее серьезное сопротивление колониализму в Южной Африке могли оказать народы банту. Но они жили в значительном удалении от района первоначальной колонизации. Первые столкновения с ближайшим из народов банту — коса — произошли лишь в 70-х гг. XVIII в., когда колонисты, осваивая новые земли, продвинулись к востоку от Кейптауна на 400 миль.

Но к этому времени и колония уже представляла собой внушительную силу. Она захватила обширные земли. К голландцам прибавились переселенцы из Франции, прибывшие на юг Африки в конце XVIII в. В 1773 г. там жило около 10 тыс. белых (в 1700 г. — тысяча), из них 8,5 тыс. фермеров. В результате военных набегов у них оказались крупные стада — 40 тыс. голов крупного рогатого скота и 30 тыс. овец. Тогдашние методы ведения бурского хозяйства можно, наверное, назвать рабовладельчески-крепостническими. Наряду с рабами, численность которых примерно равнялась численности белых жителей колонии, в прямую внеэкономическую зависимость от фермеров были поставлены целые готтентотские поселения.

Колония имела ряд фортов, опорных военных пунктов, а после того, как на рубеже XVIII и XIX вв. перешла в руки Великобритании, на страже ее интересов оказались и английские войска.

К тому же против наступления Капской колонии народы банту выступали разобщенно и в разное время: сперва — племена коса, только через 50—60 лет — зулусы, затем — басуты, а ряд других народов — и еще позже.

СОПРОТИВЛЕНИЕ КОСА, ИЛИ КАФРСКИЕ ВОЙНЫ

Вооруженное антиколониальное сопротивление племен коса продолжалось в течение ста лет — с 1779 по 1879 г. Столкновения были весьма различными по силе и размаху — от мелких локальных схваток до войн, в которых участвовали тысячи воинов.

Первые схватки были вызваны набегами бурских отрядов с целью угона скота. Для поселков коса эти набеги были неожиданностью, и они не могли оказать серьезного сопротивления. Среди бурских командос, нападавших в конце XVIII в. на поселения коса, большинство иногда составляли мобилизованные готтентоты. Но были и случаи, например в 1799 г., когда готтентоты, находившиеся на положении рабов, вставали на сторону коса, объединялись с ними.

Крупные столкновения в официальной южноафриканской историографии именуются кафрскими войнами — от слова «кафр» (от арабского «каффир» — «язычник»). Кафрами поначалу называли только народ коса, но в дальнейшем это слово приобре-

Кафрские войны: британская кавалерия врывается в крааль

ло в Южной Африке расистский характер и стало употребляться как бранная кличка по отношению ко всем африканцам. «Кафрских войн» насчитывают около десяти: 1779—1781, 1789—1793, 1799—1803, 1811—1812, 1818—1819, 1829, 1834—1835, 1845—1847, 1850—1853, 1877—1879 гг.

Наиболее значительные войны произошли в XIX в., после перехода Капской колонии к Великобритании. Племена коса столкнулись уже с частями английской регулярной армии. Начало этим столкновениям было положено в 1811—1812 гг., когда британские войска согнали 20 тыс. западных коса с их земель и заставили уйти на восток, за реку Грейт-Фиш.

В истории тогдашней борьбы за сохранение независимости запечатлелись имена не только вождей, но и тех, кто выдвинулся из рядовых общинников. Одним из них был Макана, по прозвищу Нкселе (Левша), из западных коса. В молодости он не раз бывал в Капской колонии и, таким образом, представлял себе, какая угроза нависла над его народом. Макана объявил себя пророком, посланным свыше, чтобы изгнать белых. Он стремился объединить всех западных коса под руководством вождя Ндламбе, чтобы они могли сообща противостоять натиску из Капской колонии. Вместе с Ндламбе в битве при Амалинде (близ современного Ист-Лондона) он разбил вождя Нгкику, который сотрудничал с властями колонии. Английские войска, перейдя в 1818 г. реку Грейт-Фиш, считавшуюся восточной «границей» колонии, оттеснили Макану и Ндламбе, восстановили власть Нгкики и захватили 23 тыс. голов скота.

Но после ухода англичан Макана и Ндламбе снова разбили Нгкику, перешли Грейт-Фиш и вторглись в Капскую колонию. 23 апреля 1819 г. они во главе 10 тыс. воинов атаковали Грехэмстаун, но были вынуждены отступить. Через три месяца войска колонии опустошили всю территорию между реками Грейт-Фиш и Кей, истребляя людей, сжигая деревни и угоняя скот.

Макана сам явился в английский лагерь и сдался, чтобы прекратить карательные операции. Колониальный суд приговорил его к пожизненному заключению на острове Роббен. 9 июня 1820 г. заключенные под руководством Маканы восстали, обезоружили

охрану и, захватив большую шляпку, покинули остров. Но в пути перегруженная шляпка перевернулась. До суши вплавь добрались все, кроме Маканы.

Память о Макане оказалась настолько живой, что о нем писал, например, русский путешественник А.В. Вишеславцов, побывавший в Южной Африке через 40 лет после его смерти. Вишеславцова взволновали тогдашние события. Обнаружив текст речи, с которой гонец западных коса обращался к английскому главнокомандующему, он нашел, что она «полна силы и оригинальной кафрской поэзии», перевел ее на русский язык и привел в своей книге, вышедшей в Петербурге в 1862 и 1867 гг. Вот отрывки из этой речи, которая действительно является крайне интересным и редким памятником.

«Английский вождь! Эта война — несправедливая война; вы хотите покорить народ, который сами же заставили взяться за оружие. Когда наши отцы и белые встретились в первый раз... они стали жить в мире, их стада паслись вместе по холмам и долинам, а хозяева их курили из одной трубки; они были как братья. Колонисты стали жадны, и когда им нельзя было выменять всего нашего скота на свои старые пуговицы и бисер, они захотели отнять у нас скот силою. Наши отцы были мужи; они любили свой скот: их жены и дети питались его молоком; они стали оборонять собственность, и началась война. Буры ненавидели нас, но покорить не могли. Но вы [англичане] пришли сюда и подружились с нашими врагами... Мы хотим мира, хотим отдохнуть в своих хижинах, нам надобно молока для детей, мы хотим охотиться и желаем, чтобы наших жен оставили в покое. Но ваши войска заняли наши степи, скрываются в чаще лесов и там, не различая мужчины от женщины, убивают всех одинаково!»

Положение коса все ухудшалось из-за постоянных грабительских набегов многочисленных командос на их земли, а в 1834 г. еще более усугубилось сильной засухой. 21 декабря 1834 г. 12 тыс. людей, находившихся на грани отчаяния, вторглись на территорию

Капской колонии. Во главе их встал вождь Макомо [сын Нгкики], который в детстве был обращен в христианство, а впоследствии, видя, как солдаты жгут деревни и посевы его страны, сказал английскому офицеру: «Учитель говорил мне, что Господь будет судить всех людей по их делам... И вы и я предстанем перед Богом. Он будет судить нас... Я согласен: пусть он судит».

Эти отчаявшиеся люди убивали ненавистных им торговцев, в которых они видели своих врагов. Но в отличие от английских карателей они не трогали женщин и детей. Решительной битвы между коса и посланными против них английскими войсками в 1835 г. не произошло: воины коса умело избегали боя на открытой местности, который мог кончиться для них только разгромом. Подобная тактика помогала сохранять силы, но воины коса не могли спасти свои жилища и посевы от огня.

В апреле 1835 г. верховный вождь коса Хинца отправился к англичанам для переговоров о мире. Ему продиктовали безжалостные условия: граница колонии отодвигалась еще дальше на восток, в пределы колонии включались все земли между реками Кей и Кейскамма. Коса должны были отдать англичанам 50 тыс. голов скота. На следующий день после объявления условий мира, 11 мая 1835 г., Хинца был застрелен «при попытке к бегству».

Войны второй половины 40-х и начала 50-х гг. связаны больше всего с именем Сандиле, другого сына Нгкики. В 1846 г. началась «война топора» — англичане обвинили коса в том, что они освободили из-под стражи и скрыли у себя соплеменника, укравшего топор. Англичане сосредоточили на землях коса 14-тысячную колониальную армию, в которой большинство составляли абамбо, готтентоты и капские малайцы. Особенно много было воинов-абамбо. В Южной Африке их называли тогда «финго» — «бездомные скитальцы». Это были остатки племен, ранее живших к югу от Наталя, а в 20-х гг. разбитых и отброшенных на юг натиском зулусов. Оказавшись на землях коса, эти люди чувствовали себя чужаками, что и позволило англичанам использовать их в своих целях.

В сентябре 1846 г. войска коса отбросили колониальную армию и вторглись на земли, которые колония уже считала своими. Но в декабре 1847 г. Сандиле все же был разбит.

В конце 1850 г. племена коса снова поднялись на борьбу. Правда, среди них не было единства — англичане всячески противопо-

ставляли «лояльных» вождей «мятежным». Но на стороне выступавших племен на этот раз оказалось немало готтентотов и цветных (метисы). Посланный против коса отряд капской «цветной» конной полиции взбунтовался и перешел на их сторону. К повстанцам прибыли эмиссары от Мошеша (Мшешве), правителя басуто. Во главе борьбы вновь встал Сандиле.

Через несколько лет после этой войны Вышеславцов назвал Сандиле кафрским Шамилем. «Военный талант его признают сами англичане; он постоянно разнообразил свои маневры, сбивая с толку европейскую тактику: то стремительно нападал сильной колонной, то разделял ее на малочисленные отряды, направляя их на разные точки, и потом, в быстром отступлении, снова соединял их; то, наконец, рассыпал войско в застрельщики, смотря по местности, и вдруг, собравшись быстро в массу, ударял опять сомкнутым фронтом. Преследуя кафров, колонисты и английские войска истомлялись трудными переходами, в продолжение которых, иногда по нескольку дней, не видели неприятеля; между тем кафры, выждав удобную минуту, быстро и неожиданно нападали, скрываясь так же быстро и снова появлялись в таком месте, где их всего меньше могли ожидать. Лучшие нельзя было действовать в их положении».

Но и эта война, в которой впервые появились зачатки единого антиколониального фронта нескольких южноафриканских народов, кончилась победой англичан.

Особенно страшным ударом оказались для коса события 1856—1857 гг., когда произошла одна из самых больших трагедий в истории Африки. В 1856 г. среди коса распространилось предсказание, по сегодняшним представлениям совершенно фантастическое. Молодая девушка по имени Нокаусе заявила, что ей было видение: духи сказали ей, что если ее народ уничтожит весь свой скот и все свои запасы зерна и таким образом вручит свою судьбу потусторонним силам, то в феврале 1857 г. наступит великий день, из-под земли выйдут стада скота, зерно появится в изобилии, погибшие воины восстанут из мертвых и сбросят белых людей в море.

Соплеменники Нокаусе, измученные неуклонным наступлением Капской колонии на их земли, непрерывными набегами колонистов, уверовали в спасительное предсказание. Особенно рьяно выполнили «волю» духов в области к западу от реки Кей — на тогдашних картах она обозначалась как Кафрария, а позже стала именоваться Сискей. Эта область испытывала на себе куда более явное британское господство, чем племена и роды коса, жившие восточнее, в Транскее. Считается, что в одном лишь Сискее было уничтожено 200 тыс. голов скота.

Голод охватил земли, населенные сотнями тысяч людей. Погибло больше 25 тыс. человек, а остальных страх перед голодной смертью погнал от родных мест. Население Сискея с января по июль 1857 г. сократилось со 105 до 37 тыс.

Власти Капской колонии оказались в двойном выигрыше. Во-первых, западные коса исчезли как военная сила, больше того, их земли обезлюдели и стали добычей белых поселенцев. Во-вторых, западные коса, гонимые голодом, стали для «белой» Южной Африки даровой рабочей силой. Был ли призыв к уничтожению скота как-то инспирирован властями колонии — не удалось установить.

Так, несмотря на мужественное сопротивление, коса, в ту пору самый многочисленный из южных народов банту, шаг за шагом утрачивали свою независимость.

МЕСТЬ ДИНГААНА

Другой из крупнейших народов банту — зулусы — включился в вооруженную борьбу в 30-х гг. XIX столетия. В 1837 г. на землях зулусов, в Натале, появилась первая большая группа бурских переселенцев — треккеров, осваивавших новые районы. Глава этой группы Питер Ретиф обратился к зулусскому инкоси (правителю) Дингаану с просьбой о разрешении жить в Южном Натале. За просьбой скрывалось стремление обосноваться на зулусских землях, с тем чтобы потом установить господство и над самими зулусами. Весьма вероятно, что Дингаан это понимал: он знал, как обращаются буры с другими африканскими народами. По свидетельствам буров, 4 февраля 1838 г. Ретифу удалось убедить Дингаана, и инкоси будто бы «подписал» договор, т.е. поставил своей рукой кре-

стик, заменяющий подпись. Но через два дня Ретиф и его спутники по приказу Дингаана были убиты в его краале.

История с заключением «договора» и убийством до сих пор окружена тайной. Сам «договор» был якобы впоследствии обнаружен и до сих пор служит доказательством стародавних «законных» прав буров на земли Наталя. Но по прошествии 85 лет, в 20-х гг. XX в., известный историк Д. Кори, автор шеститомного исследования «Ста-новление Южной Африки», привел убедительные доказательства того, что дошедший до нас документ является фальшивым.

Все подобные «договоры» являются фальшивками даже в тех случаях, когда африканские правители и вожди «подписывали» их — при-кладывали к ним свой палец или ставили крестик. Содержание «до-говора» им, как правило, объясняли неверно, да если бы и объясняли правильно, африканцы все равно вряд ли смогли бы понять: уж очень различны были у тогдашних европейцев и африканцев все представле-ния, слишком разный смысл они вкладывали в одни и те же слова.

Но «договор Ретиф — Дингаан» (так он именуется в английской и южноафриканской историографии), по мнению историка Кори, во-обще не существовал, а фальшивка была сфабрикована в более поз-дние времена. Что касается убийства Ретифа, то дневники и записки не-которых современников дают основания полагать, что тут могли быть замешаны и английские агенты. Во всяком случае, британские власти крайне не хотели, чтобы буры прорва-лись к океанскому побережью.

*Питер Ретиф —
жертва Дингаана*

Вслед за убийством Ретифа на-чался период вооруженной борьбы между бурами и зулусами. Наконец, 16 декабря 1838 г. на реке Инко-ме произошло решающее сражение. К этому времени до Наталя добра-лось уже большое число переселен-цев, и зулусская армия при всем сво-ем героизме не смогла противосто-ять огнестрельному оружию. Меткий огонь буров стоил жизни нескольким тысячам зулусских воинов. Вода в Ин-коме окрасилась в красный цвет, и с тех пор река называется Кровавой (Блад-ривер).

Это сражение сыграло большую роль в истории Южной Африки. Бурам удалось разбить самую крупную по тому времени военную силу южных банту. Перед сражением переселенцы дали торжественную клятву, что в случае победы они ежегодно будут благодарить Бога. После битвы этот день получил у буров название «День Дингаана». До сих пор 16 декабря считается в Южно-Африканской Республике важнейшим государственным праздником, отмечаемым как белыми, так и чернокожими жителями.

После битвы на Кровавой реке Дингаан был вынужден уступить бурам всю южную половину Натала южнее реки Тугела. Переселенцы этим не удовлетворились. Они боялись возрождения зулусской военной мощи, делали всё, чтобы поддержать притязания зулусской знати и ослабить центральную власть. Пользуясь своим явным военным превосходством, треккеры предъявляли Дингаану непомерные требования, взымали с него контрибуцию в виде скота — тысячами голов, слоновой кости — тоннами. Наконец, добившись раскола среди зулусов, буры поддержали притязания Мпанды, брата Дингаана, на зулусский «престол». В январе 1840 г. они помогли ему разгромить войска, сохранявшие верность Дингаану, и в феврале провозгласили Мпанду «королем» зулусов, устроив даже процедуру «коронации». Дингаан бежал в Свазиленд, где был убит в 1843 г.

От Мпанды треккеры добились уступки значительной территории к северу от Тугелы вплоть до реки Блек-Умфолози. Зулусам была оставлена лишь северная часть Натала.

На отнятых у зулусов землях треккеры провозгласили свою республику. Однако Англия не допустила, чтобы буры основали свое государство в таком выгодном географическом районе Южной Африки. В 1843 г. Великобритания аннексировала Наталь; в 1844 г. он был включен в состав Капской колонии, а в 1856 г. объявлен отдельной колонией.

Что собой представляли бурские республики и почему Великобритания решила на них напасть?

Эти республики оказались препятствием на пути включения в Британскую империю всей южной, самой богатой части Афри-

А. Преториус — покоритель зулусов и основатель первой бурской республики

канского континента. Была и совсем конкретная причина: на территории одной из этих республик обнаружили самые богатые в мире месторождения золота.

Республики возникли в 1850-х гг. Одна из них, находившаяся за рекой Вааль, официально назвала себя Южно-Африканской Республикой, но она более известна как Трансвааль. Вторая, расположенная возле реки Оранжевая, именовала себя Оранжевое Свободное государство. В просторечии ее называли Оранжевой республикой. Обе они возникли в результате переселения буров с южной оконечности материка

в более глубинную ее часть, на север. Причина? Во время Наполеоновских войн Великобритания захватила Капскую колонию, основанную голландцами в XVII в., и установила там свои порядки. Значительная часть бурского населения не захотела жить под властью англичан. Погрузив свой скarb в большие фургоны, они двинулись на север. То был великий бурский трек.

Путь был долгий и трудный: неизведанные края, враждебные племена, суровая природа, неизвестные звери. Треккерам надо было перебираться через хребты скал, горные стремнины. В фургоны запрягали до 24 пар волов. Внутри фургонов делали из шкур что-то вроде русских полатей, чтобы могли спать женщины и дети. Впереди колонны и по бокам — хорошо вооруженные всадники, на случай непредвиденных опасностей. Колонны передвигались медленно. Выбирали места для остановки на несколько месяцев, чтобы посеять и собрать урожай, запастись провизией для дальнейшего пути.

Африканские племена, на чьи земли переселялись буры, считали это грабительским нашествием.

Великий трек начался в середине 1830-х и завершился в середине 1850-х созданием Трансвааля и Оранжевой.

АЛМАЗНАЯ ЛИХОРАДКА

В период передела мира жаркие схватки происходили даже из-за территорий, не представлявших в тот момент хозяйственной ценности и захватывавшихся на будущее, впрок. А на юге Африки — и к тому же недалеко друг от друга — в те годы были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота — в западной литературе это называли «вторым открытием» Южной Африки. Неудивительно, что борьба за такой богатый район земного шара достигала по временам исключительной силы.

Алмазы были найдены в 1860-е гг. близ слияния Вааля с Оранжевой, в области, названной Западным Гриквалендом. Одновременно было обнаружено и золото в междуречье Замбези — Лимпопо, но в этот глубинный район Южной Африки европейцы в те времена могли добраться лишь с большим трудом, через безводные пустыни и почти неизведанные земли. Поэтому золотая лихорадка началась лишь полтора десятилетия спустя после алмазной, в середине 80-х гг., когда громадные месторождения золота были обнаружены в другой части Южной Африки, на уже освоенных европейцами трансваальских землях. Оказалось, что желтым металлом богата горная область в центре Трансвааля — Витватерсранд («Хребет живой воды»), или, сокращенно, Ранд.

Как только алмазы были найдены, Оранжевая республика заявила, что месторождения находятся в пределах ее территории и являются ее неотъемлемой собственностью. Но события развивались так же молниеносно, как в известном рассказе Марка Твена «Похищение белого слона», где «между Великобританией и Сиамом возникли недоразумения по поводу пограничной линии, и, как сразу же выяснилось, Сиа́м был неправ».

Англия аннексировала Западный Грикваленд в 1871 г. и присоединила к Капской колонии, а Оранжевой республике выплатили компенсацию в 90 тыс. фунтов — сумма ничтожная по сравнению со стоимостью алмазов, добытых здесь старателями уже в первые месяцы. О настоящих хо-

заявах земли, местном африканском населении, никто и не вспомнил...

Слухи об алмазах молниеносно распространились по всему свету, и уже в 1870—1871 гг. начался громадный наплыв искателей наживы и приключений из разных стран. Стихийно возник поселок старателей, быстро превратившийся в город, названный Кимберли по имени английского министра колоний, так стремительно захватившего район месторождений. На несколько десятилетий юг Африканского материка стал для авантюристов всех мастей и калибров новым Эльдорадо.

В значительной степени именно на южноафриканском материале возникла легенда о том, что Британскую империю создала не сознательная и целенаправленная деятельность ее правящих классов, а романтика искателей приключений, возвеличенных этой легендой в ранг национальных героев.

Раньше Южная Африка оставалась вне столбовой дороги европейской эмиграции, а с начала 1870-х гг. численность белого населения стала здесь очень быстро увеличиваться. Люди приезжали,

Алмазные копи Южной Африки

надеясь разбогатеть и тут же уехать. Но богатство пришло к немногим, а большинство лишь потратили привезенные с собой деньги. Нередко и те и другие оставались в Южной Африке на всю жизнь: одни — чтобы не бросать прибыльное дело, другие — потому, что не имели средств на обратную дорогу. Эти последние, уже простыми рабочими, заполнили потом южноафриканские города, фермы, рудники. Они же, как торговцы и охотники, проникали далеко в глубь материка и были проводниками колониальных войск или сами составляли отряды «волонтеров» для могущественных «строителей империи».

Алмазная горячка вызвала не только бурный приток европейских иммигрантов. Она дала толчок развитию всей «европейской экономики» Южной Африки. По подсчетам известного английского экономиста С. Френкеля, к 1882 г. алмазов здесь было добыто на 26 млн фунтов, т.е. по стоимости больше, чем весь экспорт Капской колонии с 1826 по 1861 г.

В том же 1882 г. стоимость вывезенных из Капской колонии алмазов (4 млн фунтов) превышала весь экспорт остальной Африки южнее Сахары.

Для развития горнорудного дела нужно было ввозить оборудование, нужны были железные дороги. Для железных дорог требовалось начать добычу угля, значительные залежи которого были здесь найдены.

В связи с притоком людей резко возрос спрос на предметы широкого потребления, продовольствие. Все это привело к развитию промышленности и торговли, быстрому росту городов.

«Второе открытие» Южной Африки стало важной вехой не только в развитии «европейского» сектора экономики и истории европейской иммиграции, но и в судьбах африканского населения огромной части континента. Резко возросшая потребность в рабочей силе привела к тому, что все большее число африканцев начинало работать на алмазных коях, а затем и в других отраслях экономики.

Это было началом процесса, который так или иначе затронул в дальнейшем народы не только Южной, но и значительной части Центральной и Восточной Африки. Из поколения в поколение нарастал поток африканцев, отправлявшихся работать в копи и на рудники Южной Африки из Мозамбика, с берегов Замбези, из района Великих африканских озер.

Именно в Кимберли началось становление африканского промышленного пролетариата — впервые в истории Африки.

В алмазных копях африканский труд стал применяться с первых же лет их существования. Уже в первые годы туда шли не только жители районов, непосредственно примыкавших к Западному Грикваленду, но даже зулусы, обитавшие за 600—700 км. Здесь в процессе совместной работы близко знакомились друг с другом представители различных племен и народов. Труд африканцев применялся для дробления породы и доставки ее наверх, для первоначальной сортировки — в общем, для всей тяжелой физической работы. В течение всего срока контракта рабочие должны были жить в полутюремных условиях, в так называемых компаундах. Компаунд представлял собой лагерь, отгороженный железной оградой или колючей проволокой, за пределы которого африканцев не выпускали в течение всего срока найма. Разговаривать с родными рабочему позволяли только через двойную решетку, чтобы нельзя было ничего передать. По окончании срока контракта, перед уходом из компаунда, рабочих тщательным образом обыскивали, давали слабительное, а впоследствии стали даже просвечивать рентгеновскими лучами: владельцы копей хотели быть гарантированы от кражи алмазов.

ИДЕЯ «БЕЛОЙ АФРИКИ»

«Второе открытие» Южной Африки привело, естественно, к усилению экспансионистских стремлений Англии в этом районе, но вражда между Англией и бурскими республиками, значительно осложнявшаяся тем, что в самой английской Капской колонии буров было больше, чем англичан, отвлекала внимание и силы от новых захватов. Поэтому захват бурских республик имел для Англии большое значение. Такое «присоединение», особенно если бы его удалось провести без грубого насилия над национальными чувствами буров, означало бы объединение сил для подавления африканцев. Оно создало бы также более широкую и прочную базу для экспансии в глубь материка.

Эта идея легла в основу плана образования Федерации Южной Африки. План этот — яркий пример того, что модные в английских правящих кругах федералистские идеи призваны были не только укрепить связи между отдельными частями Британской империи, но и упрочить английское господство в каждой из этих частей и создать более широкие возможности для дальнейшей экспансии.

Мысль о федерации английских колоний и бурских республик возникла еще во второй половине 50-х гг. и выдвигалась, с одной стороны, тогдашним губернатором Капской колонии Г. Греем, а с другой — некоторыми политиками Оранжевой республики, считавшими, что без английской поддержки треккерам трудно будет справиться с народом басуто и другими народами банту.

После аннексии алмазных месторождений бурские республики стали относиться к идее федерации очень скептически, видя в ней лишь замаскированный план британской агрессии. Однако, несмотря на явно отрицательное отношение буров, английское правительство в ноябре 1871 г. обязало министра колоний Кимберли осуществлять идею объединения «белой» Южной Африки.

Премьер-министр Гладстон писал королеве Виктории, что объединение должно быть осуществлено «на тех же принципах, на основе которых был создан доминион Канада».

В Капской колонии в 1872 г. усилиями лорда Кимберли была образована специальная комиссия. Она должна была от имени местного белого населения дать согласие на создание федерации, но так и не смогла прийти к единому мнению из-за острых противоречий в рядах самих колонистов.

Преемник либерала Кимберли консерватор Карнарвон отправил в Южную Африку Дж. Фруда, одного из идеологов британской империалистической политики, для переговоров об объединении «белых» стран Южной Африки. Но конференция государств Южной Африки, собравшаяся 3 августа 1876 г. в Лондоне, кончилась полным провалом. Буры категорически отвергли объединение.

Британские власти не были обескуражены неудачей конференции. В середине 1870-х гг. лондонское правительство издало «Си-

нюю книгу», составленную в основном из антибурских статей английских газет, обвинявших буров в жестокостях по отношению к коренному населению и утверждавших одновременно, что буры «находятся во власти туземцев». Обработав таким образом общественное мнение, английские власти 12 апреля 1877 г. аннексировали Трансвааль. По ряду обстоятельств захвачен был именно Трансвааль, а не Оранжевая республика. Во-первых, Трансвааль более активно выступал против плана федерации. Во-вторых, захват Трансвааля означал почти полное окружение Оранжевой республики английскими владениями и тем самым ставил ее в зависимое положение. В-третьих, захват Трансвааля открывал дорогу на север, во внутренние области материка.

Англия выбрала для аннексии Трансвааля чрезвычайно удобный момент. Правительство республики фактически не контролировало положение в стране. На востоке народ бапеди стремился изгнать буров, обосновавшихся на его землях. В 1876—1877 гг. вождь бапеди Секукуни развернул энергичную борьбу против Трансвааля. Президент Т.Ф. Бюргерс не мог послать против бапеди сколько-нибудь внушительные вооруженные силы, потому что постоянной армии республика не имела.

Для аннексии оказался достаточным отряд всего в 25 английских солдат. Водружая «Юнион Джек» над столицей Трансвааля Преторией, они не встретили сопротивления. Аннексия Трансвааля была проведена без единого выстрела.

Последний король зулусов Кетчвайо, плененный англичанами

Важной, если не важнейшей причиной такой бесславной капитуляции Трансвааля было то, что к востоку от бурской республики воссоздалась военная мощь зулусов.

«ЧЕРНЫЕ СПАРТАНЦЫ» В КОНЦЕ 1870-Х ГГ.

Зулусы не могли примириться со своим нынешним положением: в народной памяти свежо было яркое прошлое — эпоха военных походов Чаки и Дингаана. Мпанде, брата последнего, считали ставленником европейцев. Как он, так и его любимый сын Умбулази были очень непопулярны в народе. Подрастающая молодежь спланировала вокруг другого сына Мпанде — Кетчвайю.

Борьба между Кетчвайю и Умбулази в середине 1850-х гг. была не просто столкновением претендентов на власть, «престол», а борьбой двух резко противоположных политических линий. Она разрослась чуть ли не до настоящей гражданской войны. Чувствуя, что большинство народа — против него, Умбулази с несколькими братьями, ближайшими родственниками и поддерживавшими его отрядами воинов в октябре 1856 г. стал отходить к реке Тугела, границе британского Наталя.

Кетчвайю понимал, что брат может попросить помощи у белых. Он с верными ему войсками догнал Умбулази. Произошло кровопролитное сражение. Умбулази и сопровождавшие его еще пять сыновей Мпанде оказались в числе убитых.

В ноябре 1856 г. в краале Мпанде состоялось всеобщее народное собрание зулусов. На нем было решено, что управлять страной будет Кетчвайю, хотя Мпанде формально останется зулусским вождем — инкоси. Так и было вплоть до 1872 г., когда Мпанде умер и Кетчвайю провозгласили инкоси официально.

Кетчвайю не разочаровал тех, кто видел в нем продолжателя традиций Чаки и Дингаана. Он стал восстанавливать единство страны.

Многочисленным европейским очевидцам бросались в глаза недюжинный государственный ум Кетчвайю, его дипломатические и военные способности. Кетчвайю видел, как неуклонно расширяются границы ан-

глийских и бурских владений, видел судьбу других народов банту и понимал, что зулусов тоже не минует эта горькая чаша, что европейское вторжение неизбежно.

Из южной части Наталя, захваченной англичанами в 1843 г., приходили вести об устанавливаемых там жестоких колониальных порядках. В 1874 г. там было подавлено восстание местного населения, которое возглавлял Лангалибалеле.

Кетчвайо не просто восстанавливал то, что было при Чаке и Дингаане, ибо понимал, как тяжело с копьями и щитами противостоять пулям и снарядам. Кетчвайо поставил своей задачей приобрести огнестрельное оружие и обучить обращению с ним как можно больше воинов. Ружья покупали и выменивали в Мозамбике или у охотников и «трейдеров» — торговцев, приезжавших из Капской колонии, Наталя, бурских республик. Юноши-зулусы уходили в Кимберли и нанимались там рабочими на алмазные россыпи, а на заработанные деньги покупали ружья и возвращались с ними на родину. Таким образом, в зулусском войске появились сотни ружей.

Но этого было недостаточно, необходимо было также заполучить инструкторов, которые научили бы воинов обращаться с оружием и ухаживать за ним. Кетчвайо сумел получить и такого инструктора: английский торговец Дж. Данн подрядился обучить большой отряд зулусов. Сохранились фотографии этого отряда — воины с ружьями, в европейской форме. Кетчвайо обучал их ездить на конях, пытался создать кавалерию.

К концу 1870-х гг. зулусское войско превратилось в такую силу, какой еще не знали южные банту.

АНГЛО-ЗУЛУССКАЯ ВОЙНА

В период, предшествовавший аннексии Трансвааля, британские власти делали вид, что они не намерены выступить против зулусов и что в случае столкновения между бурами и зулусами они сохраняют нейтралитет. Чиновники Капской колонии и Наталя даже смотрели сквозь пальцы на приток огнестрельного оружия в страну зулусов.

Конечно, британское правительство внимательно следило за событиями в зулусском стане. На церемонии провозглашения Кетчвайо зулусским инкоси присутствовала официальная британская делегация, но вместе с тем власти Наталя отказали Кетчвайо в выдаче двух его братьев, бежавших к англичанам. В Натале охотно принимали зулусов, недовольных политикой Кетчвайо. Британские власти Наталя как бы давали Кетчвайо понять, что они в любой момент могут объявить его узурпатором и начать интервенцию под предлогом поддержки «законных прав» его беглых братьев.

После захвата Трансвааля для английских властей отпала нужда в заигрываниях с Кетчвайо. Новый генерал-губернатор Капской колонии и верховный комиссар Южной Африки Б. Фрер намеревался подчинить себе весь африканский юг и имел для этого достаточно широкие полномочия.

Зулусы были наиболее опасными врагами, само существование их армии действовало ободряюще на другие южноафриканские народы. И Фрер сразу же после аннексии Трансвааля начал готовить войну против зулусов. Из Англии были вызваны подкрепления. Был разработан план кампании против зулусов с учетом даже возможности высадки десанта со стороны океанского побережья.

11 декабря 1878 г. английские чиновники передали представителям Кетчвайо послание Фрера. В ультимативной форме Фрер потребовал распустить зулусское войско и допустить в страну английского резидента. В дальнейшем по условиям ультиматума Кетчвайо лишился права выносить какие бы то ни было серьезные приговоры без санкции резидента. Предписывалось также разрешить свободный въезд в страну миссионерам.

Английские чиновники не потрудились даже толком объяснить неграмотным зулусам смысл послания Фрера. Однако Кетчвайо, судя по его действиям, понял цель этого британского шага. Он увидел, что над страной нависла угроза войны, и изо всех сил старался оттянуть ее. Он направлял одно за другим письма к Фреру с согласием вести переговоры даже на основе этого ультиматума, предельно оскорбительного для гордых зулусов.

Но Фреру и стоявшим за его спиной силам нужны были не переговоры, а война. Уже к моменту вручения ультиматума возле пограничной реки Тудела были стянуты шесть батальонов и артиллерия. Африканцев, жителей британского Наталя, вовлекли во вспомогательные «туземные войска».

11 января 1879 г. истек срок ультиматума, и в тот же день британские войска перешли Тугелу. Они двигались тремя колоннами, в каждой по 1,5—2 тыс. человек.

Зулусы могли выставить около 25 тыс. воинов. Несмотря на все старания Кетчвайо, основным их оружием оставалось копье. Ружья имела относительно небольшая часть воинов, да и те зачастую не могли их как следует использовать: не было опыта стрельбы в боевых условиях.

И все-таки в первом же крупном бою зулусы нанесли противнику ошеломляющее поражение. 22 января они напали на английский отряд, расположившийся возле холма Изаңдлвана. (Это была та колонна, в которой находился командующий британскими силами в этой войне лорд Челмсфорд, но в момент нападения его в лагере не было: он выехал на рекогносцировку.)

Зулусы смогли подойти к английскому лагерю и с фронта и с тыла, а после того как англичане забили тревогу, бросились в атаку бегом, сплошной лавиной. Сотни воинов падали под огнем ружей и пушек, но остальные продолжали не останавливаясь бежать вперед, пока не ворвались в британский лагерь.

Навязав противнику рукопашный бой, зулусы добились полной победы. Были убиты более 800 европейцев и почти 500 африканцев из «туземных войск». Из всего английского отряда лишь несколько человек каким-то чудом спаслись. Победа досталась зулусам нелегко: под Изаңдлваной полегли 3 тыс. воинов.

В журнале «Эдинбург ревю» битва описывалась так: «Зулусы надвигались как прилив, не останавливаясь ни на одну минуту, молча, пока не окружили наших со всех сторон. Тогда они с громким кличем бросились на лагерь, и через пять минут в живых не осталось ни одного человека».

Известие о сражении под Изаңдлваной вызвало переполох в Натале. Вторжения зулусов ожидали со дня на день. Среди английского населения царил паника.

Кетчвайо не вторгся в Наталь. Наоборот, он отправлял к англичанам одного гонца за другим с предложением заключить мир. Он вновь и вновь спрашивал, чем навлек на себя британское вторжение, подчеркивал, что он никогда не отвергал ультиматума Фрера.

Но британский «престиж» не позволял идти на переговоры после такого разгрома. Из Англии прибывали новые и новые корабли с подкреплениями, пока численность британских войск в Натале не превысила 20 тыс. — цифры, неслыханной для «колонциальной войны». А с гонцами Кетчвайо обращались как со шпионами.

В дальнейших военных действиях зулусам не раз удавалось добиться успеха, хотя и не такого ошеломляющего, как под Изандлваной.

В одном из сравнительно небольших столкновений был убит последний представитель династии Бонапартов — сын Наполеона III, которого называли «имперским принцем», будущим Наполеоном IV. Хотя во Франции уже в течение нескольких лет, со времени франко-прусской войны и Парижской коммуны, существовала республика, партия бонапартистов была очень сильна. Для упрочения своих шансов на престол «имперский принц» хотел добиться лавров и воинской славы и поехал воевать против зулусов.

Сражение, решившее исход войны, произошло 4 июля 1879 г. близ крааля Улунди. Англичанам удалось выбрать позицию в совершенно открытой местности, где огонь 5 тыс. ружей и нескольких пушек так и не дал зулусам довести дело до рукопашного боя. Они не смогли приблизиться к английскому каре ближе, чем на 30 м. Атака захлебнулась, воины начали отступать. «Мы убили их около 2300, а когда они стали отступать, все находившиеся в лагере кавалеристы погнались за ними, преследовали на протяжении восьми миль и повсюду рубили этих зверей. Я сказал своим солдатам: “Пощады не давать”». Это письмо одного из участников битвы было потом зачитано вслух на заседании британской палаты общин.

После этого сражения зулусское войско фактически перестало существовать. Английские отряды рыскали по стране в поисках Кетчвайо, сжигая при этом краали, уводя в плен наиболее уважаемых в стране людей, захватывая скот. Кетчвайо был схвачен и отправлен в Англию. Всю страну разделили на несколько округов, во главе каждого из них поставили соперничавших друг с другом вождей, и на протяжении нескольких лет страну раздирали междуоу-

собные войны. Они стоили зулусам еще дороже, чем война 1879 г. В 1887 г., когда народ был обескровлен этими многолетними междоусобицами, английское правительство официально аннексировало страну и под названием «Зулуленд» включило ее в состав колонии Наталь.

Героизм зулусского народа, проявившийся в войне с Англией, вызвал восхищение далеко за пределами Африки. Сообщениями об их борьбе была полна западноевропейская и русская пресса. Британский епископ Наталя Дж. У. Коленсо возглавил кампанию против этой войны. Даже один из главных виновников агрессии против зулусов, английский премьер-министр Дизраэли, сказал с горечью и изумлением: «Что за восхитительный народ — он убивает наших генералов, обращает наших епископов в свою веру и пишет — “ко-нец” — на истории французской династии!»

Великобритании война стоила большого напряжения сил и сказала на внутривнутриполитическом положении. Серьезные людские потери, отправка крупной армии за океан, 5 млн фунтов, истраченных на эту войну, наконец, падение «престижа» страны в глазах других правительств Запада из-за поражений в «колониальной» войне — все это вызвало резкую критику консервативного кабинета Дизраэли со стороны самых различных социальных слоев.

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1880—1881 ГГ.

Избавившись от опасных соседей — местных племен, и прежде всего зулусов, буры стали активнее выступать против англичан, которые скомпрометировали южноафриканскую захватническую политику Великобритании, привлекли к ней пристальное внимание английской и мировой общественности и тем самым на какой-то срок затруднили английскому правительству дальнейшее проведение этой политики.

Недовольство трансваальских буров установлением английско-го господства начало проявляться уже вскоре после аннексии Трансвааля. Но лишь после англо-зулусской войны, уже в 1880 г., это недовольство вылилось в вооруженную борьбу.

Непосредственным поводом к волнениям среди буров послужил начатый английскими властями сбор недоимок по налогам за годы, предшествовавшие британской оккупации Трансвааля. У очень многих буров задолженность была велика, и такая мера грозила им полным разорением! Первое крупное столкновение с полицией произошло из-за попытки властей отнять у одного из буров фургон и продать его с аукциона за неуплату стародавних налогов.

8 декабря 1880 г. в Паардекраале, селении, расположенном между Преторией и Почефструмом, собралось много буров из разных частей страны. После пятидневных жарких споров они решили снова провозгласить Южно-Африканскую Республику и с оружием в руках выступить против английского господства. В качестве временно-го правительства был избран триумвират — П. Крюгер, П. Жубер и М. Преториус. В «День Дингаана», 16 декабря, в городе Хейдельберхе был поднят флаг республики.

Бурь создали несколько отрядов и с середины декабря начали военные действия. Первое нападение произошло 14 декабря 1880 г. и было для англичан совершенно неожиданным. Две английские роты маршировали по проселочной дороге. Впереди шел оркестр, исполняя мелодию «Поцелуй меня, мама!». Бурский парламентар предло-жил командиру отряда сдаться, а тем временем залегшие возле доро-ги взяли на прицел почти каждого из английских офицеров и солдат. За отказом сдаться последовал фактически расстрел находившихся в полном замешательстве людей. Из отряда более чем в 200 человек лишь 20 были взяты в плен целыми и невредимыми. 86 англичан были убиты, 83 ранены. Из буров был убит лишь один.

Вооруженные столкновения продолжались до марта 1881 г. при постоянном успехе буров. Желание освободиться от инозем-ного господства охватило весь бурский народ Трансвааля. Умение хорошо стрелять, ездить верхом, знание местности и природных условий — все это даже при слабой организованности дало бурам неоценимое преимущество перед англичанами.

К тому же английские войска в Трансваале были совершенно не подготовлены к этой войне, состояли в значительной части из

Претория — столица Трансвааля

рекрутов, молодых фабричных рабочих. Находившиеся в других частях Южной Африки британские войска не могли оказать большой поддержки: им приходилось подавлять восставших в это время басуто. Война против зулусов и последняя «кафрская война» лишь недавно кончились, и власти опасались новых восстаний.

Бурь в Трансваале окружили и блокировали английские гарнизоны нескольких городов. Была окружена и Претория, где к этому времени большинство четырехтысячного населения составляли англичане.

Решающее сражение произошло 27 февраля 1881 г. на холме Маджуба. Пришедшие из Наталя английские войска во главе с генералом Колли были атакованы несколькими бурскими отрядами. Погибли 80 англичан, в том числе и сам Колли, 160 были ранены, 60 взяты в плен. Бурь потеряли одного убитым и шестерых ранеными. Общая численность потерь английских войск в Трансваале достигла 900 человек.

Между тем в Англии росло возмущение дорогостоящими авантюрами в Южной Африке. Люди снова вспоминали разгром у Из-

Семья буров после изгнания с собственной фермы англичанами

андвану и предвыборные заверения Гладстона, что он покончит с южноафриканскими войнами.

Поражение при Маджубе заставило Гладстона пойти на переговоры. 23 марта 1881 г. было подписано перемирие, а 3 августа — Преторийская конвенция, по которой признавалась полная самостоятельность Трансвааля во внутренних делах.

В тексте конвенции страна называлась Трансваалем, но уже через несколько дней после ее подписания, 9 августа, бурское правительство в своей прокламации объявило страну Южно-Африканской Республикой. Президентом стал Крюгер, главнокомандующим вооруженных сил — Жубер.

В феврале 1884 г. Крюгер во время визита в Лондон добился подписания новой конвенции, заменившей Преторийскую. В Лондонской конвенции уже не было прямого указания на британский сюзеренитет. Но независимость республики все же ограничивалась некоторыми статьями.

ЗОЛОТОЙ МАГНИТ

Каковы бы ни были трактовки Лондонской конвенции, она, без сомнения, укрепила положение Трансвааля. Поэтому, когда через несколько месяцев после ее подписания в Трансваале было обнаружено золото, английские правящие круги сочли большой ошибкой сделанные уступки.

В район Витватерсранда, где оказалось золото, ринулись со всего света старатели в количестве еще большем, чем в начале алмазной лихорадки. Возле приисков выросли домики из гофрированного железа — поселок старателей Йоханнесбург. В 1886 г. там жили уже несколько тысяч человек, и город рос очень быстро. Через несколько лет население «Золотого города» превысило 100 тыс.

Но возможности для обогащения у простых старателей на золотых приисках были значительно меньше, чем на алмазных копях. Тогда кое-кто из рядовых старателей смог обогатиться, создать крупное состояние. В момент открытия золота такие случайности стали менее вероятны.

Крупнейшие финансовые дома Европы уже проложили сюда дорогу, их представители появились здесь и зорко следили за конкурентами, стараясь не упустить выгодных дел.

Не имевшие капиталов и быстро разорявшиеся старатели вынуждены были нередко за бесценок продавать свои участки скуп-

щикам, которые в течение нескольких лет сколотили на этом миллионные состояния. Уже в начале 80-х гг. почти вся добыча алмазов сосредоточилась в руках компаний, созданных такими людьми.

Типичной для преуспевающих южноафриканских дельцов была на первых своих этапах карьера Сесилия Родса. С. Родс вместе со своим компаньоном Ч.Д. Раддом начиная с 1873 г. скупал обанкротившиеся предприятия, принимал в партнеры владельцев мелких рудников и путем последовательных успешных спекуляций создал к 1880 г. «Де Беерс майнинг компани» с капиталом 200 тыс. фунтов. Учредители компании и в дальнейшем пользовались каждым случаем, чтобы скупать участки.

Памятник С. Родсу
в Йоханнесбурге

К 1887—1888 гг. алмазное дело сосредоточилось в руках двух сильнейших компаний: «Де Беерс» и «Кимберли сентрал майнинг компани», возглавлявшейся Барнеем Барнато, также выходцем из Великобритании. Между ними началась ожесточенная борьба за монополию. Исход битвы решило вмешательство крупнейших банкиров Англии — Ротшильдов.

С 1880 г. Ротшильды были держателями южноафриканских акций. Лорд Н. Ротшильд давно следил за развитием событий в Южной Африке, держал там своего представителя и во время пребывания Родса в Лондоне пообещал ему финансовую поддержку. Родс получил крупную ссуду на покупку акций французской компании, владевшей частью рудников Кимберли. Это решительное вторжение в район, где господство Барнато считалось неоспоримым, вынудило Барнато принять предложение Родса, тем более что план Родса был обоюдовыгодным: Родс предлагал объединиться и ограничить добычу, установив высокий уровень рыночных цен.

В марте 1888 г. место соперничавших компаний заняла «Де Беерс консолидейтед майнз компани», во главе которой встали пять директоров. Фактически же руководили трое: Родс, Барнато и Бейт. В то время как дивиденды по обычным акциям компании были заранее ограничены фиксированным доходом, все превышения над ним, которые были очень велики, так как прибыли далеко превосходили ожидания, делились между этими тремя людьми. Вскоре после образования компании Родс, Радд, Вернер, Бейт и Ротшильд стали пожизненными ее управителями.

Монополизация этими магнатами почти всего горнорудного дела в Южной Африке дала им возможность получать сказочно высокие прибыли.

В 1888 г., во время заключительных переговоров Барнато с группой Родса о создании объединенной компании «Де Беерс», было решено считать целью создававшейся монополии кроме добычи алмазов аннексию внутренних частей Африки.

Захватнические планы Родса, выражаясь современным языком, были поистине глобальными. Его девиз: «Расширение — это все». Еще в 1877 г. он писал о необходимости захвата Африки, остро-

вов Тихого океана, Малайского архипелага, береговой полосы Китая и Японии и целого ряда других областей Азии, возврата США в систему Британской империи. «Мир почти весь поделен,— писал Родс,— а то, что от него осталось, сейчас делится, завоевывается и колонизируется. Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами ночью в небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог; я часто думаю об этом. Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими».

Но, мечтая об аннексии планет, Родс был весьма реалистичен в подходе к южноафриканским проблемам. Рассуждая о подчинении всего мира англосаксонской расе, он поставил для своей практической деятельности конкретную задачу: захватить область среднего течения Замбези и объединить всю Южную Африку под британским флагом. Главным стержнем планов Родса, для осуществления которых он приложил больше всего энергии и сил, стал захват территорий, названных впоследствии в его честь Родезией.

Глубинные районы континента притягивали Родса и потому, что здесь было золото, и потому, что владение ими, по его мнению, гарантировало превращение всей Южной Африки в британскую колониальную империю. Он считал, что «государство, владеющее землями тсвана и матабеле — Бечуаналендом и Матабелелендом, будет владеть Южной Африкой».

В 1888 г., после создания алмазной монополии, Родс в одной из своих речей подчеркивал: «Мы должны всегда помнить, что суть южноафриканского вопроса лежит в расширении Капской колонии до Замбези». С именем Родса тесно связывался и план создания непрерывной полосы британских владений от Кейптауна до Каира.

Политика захватов в Южной Африке поддерживалась английскими банкирами. Важным орудием финансового проникновения в Южную Африку были так называемые имперские банки. Если в 1862 г. в Капской колонии было 29 местных банков, то к началу 90-х гг. их место заняли три имперских банка, принадлежавших английскому капиталу и имевших главные конторы в Лондоне: «Стандард бэнк оф Сауз Африка» (основан в 1862 г., в 1887 г. слился с другим имперским банком — «Лондон энд Сауз Африка»), «Бэнк оф Африка» (основан в 1879 г.) и «Африкен бэнкинг корпорейшн» (основан в 1879 г.).

Здесь сходятся два океана — Атлантический и Индийский

Кейптаун. Набережная Виктории и Альфреда

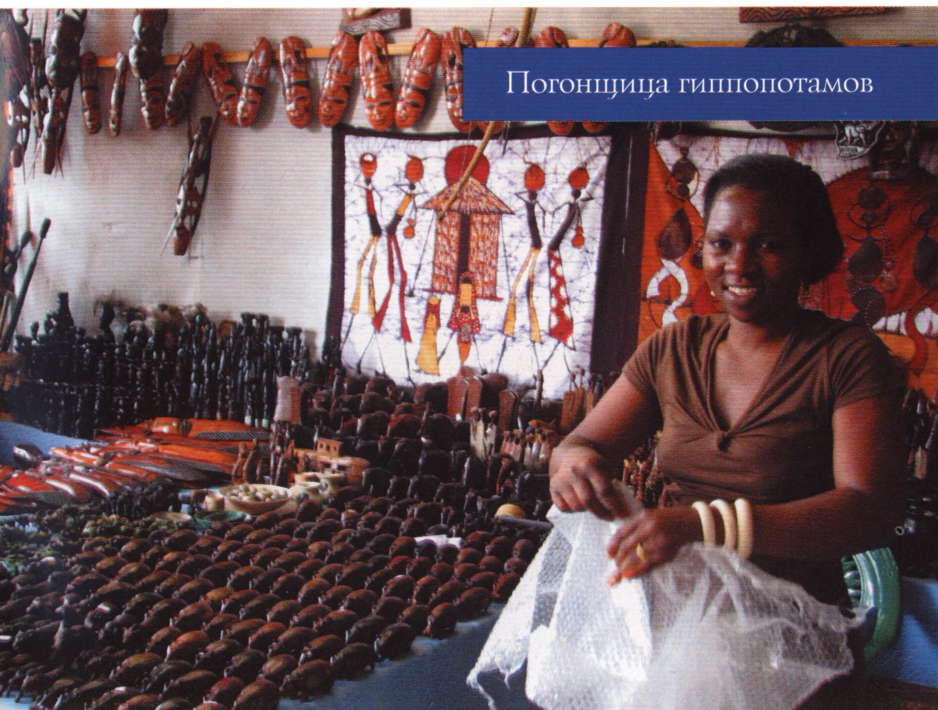
Когда облака опускаются на Столовую гору...

Пингвинье царство

Погонщица гиппопотамов

Палас-отель, Сан-Сити

Йоханнесбург с птичьего полета

«Козлики» на фасаде

Продавец статуэток

В «Карниворе» угощают мясом диких животных

Сколь энергичной была с самых первых шагов деятельность имперских банков, свидетельствует тот факт, что фолькераад Оранжевой республики уже в 1865 г. решил закрыть отделение «Стандард бэнк» и впредь не допускать деятельности иностранных банков на территории республики. В резолюции фолькераада говорилось: «Если дальнейшая деятельность банковских учреждений и их отделений не будет запрещена, весь народ постепенно подпадет под их влияние и станет зависим от иностранных капиталистов». И «Стандард бэнк» смог вернуться в Оранжевую республику лишь с отрядами английских войск в 1900 г.

Имперские банки быстро увеличивали свой капитал и выплачивали большие дивиденды. Особенно быстро росли капиталовложения в золотодобывающую промышленность.

Агрессивные устремления в глубь Африки поддерживались и торгово-промышленной буржуазией Англии. Развитие алмазо- и золотодобывающей промышленности, возникновение новых городов (Кимберли, Йоханнесбург и др.), развернувшееся железнодорожное строительство и рост ряда других отраслей экономики превращали Южную Африку в 80-е гг. в емкий рынок для британских товаров. Владельцы сталеплавильных предприятий Шеффилда и Бирмингема рассчитывали на строительство железной дороги и телеграфа Кейптаун — Каир. Манчестерская торговая палата в 1884 г. бурными аплодисментами встретила слова журналиста и путешественника Г.М. Стэнли о том, что, если «цивилизация» приучит африканцев носить хлопчатобумажную одежду хотя бы только по воскресеньям, это даст возможность продать 320 млн ярдов манчестерских хлопчатобумажных тканей.

Делегация от южноафриканской секции торговой палаты, посетив в январе 1889 г. министра колоний Натсфорда, потребовала «удержать» районы к северу от Капской колонии и проложить железную дорогу в глубь материка.

В последние десятилетия XIX в. в экономическом проникновении в Южную Африку с Англией соперничали Германия и в меньшей степени США и еще несколько держав. Германские экономические интересы концентрировались в Трансваале. Торговый договор Германии с Трансваалем, заключенный в 1884 г., открыл дорогу для немецких дельцов. Бурское правительство шло навстречу германским капиталистам, видя в них противовес английскому влиянию.

Но экономическое соперничество мало страшило Англию. Ее экономические позиции в Южной Африке были очень прочны. Неизмеримо опаснее для нее были аннексионистские устремления других европейских государств.

В Германии требования о территориальных приобретениях в Южной Африке раздавались уже со второй половины 70-х гг. В 1876 г. один из владельцев южноафриканских рудников, фон Вебер, и бременский купец Людериц, поддержанные группой бременских купцов, предложили Бисмарку основать немецкую колонию на землях буров. Ряд буржуазных исследователей считают, что толчком к аннексии Трансвааля Англией в конце 70-х гг. явились «неосторожно» высказанные немецкими авторами мысли о германской южноафриканской империи, о «южнонемецких братьях» и протекторате Германии над Трансваалем, о «второй Индии — под германским контролем». В 1878 г. в Берлине возникло Германское африканское общество, ставившее задачей не только исследовательскую работу, но и экономическое проникновение в Африку.

Самой могущественной организацией колониальной пропаганды стало с 1882 г. Колониальное общество, в создании которого участвовали видные судовладельцы, коммерсанты, а также принц Гогенлоэ. А основанное в 1884 г. Карлом Петерсом Общество германской колонизации ставило конкретные практические цели — собирало деньги для устройства колоний в Африке.

В ранний период германской колониальной активности ведущую роль в ней играли ганзейские купцы и судовладельцы.

Уже в 1876 г. Бисмарк говорил Людерицу, что «такая великая нация, как Германия, не сможет в конечном счете обойтись без колоний». Но бросать только что возникшее государство в колониальные авантюры Бисмарк боялся. Это и обусловило наличие «периода настроенного ожидания» в немецкой колониальной политике.

А потом начались захваты в Юго-Западной Африке. В результате всех этих захватов немецкое правительство заявило о создании колонии «Германская Юго-Западная Африка». 1884 год обычно считается датой немецкого захвата территории, которая вскоре стала отмечаться на картах под этим названием. Но в

действительности завоевание тогда лишь началось. Большинство живших на этой территории народов и племен было подчинено немцам значительно позже.

А ПОКА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ЗАМБЕЗИ — ЛИМПОПО...

Земли, лежавшие между этими реками, представляли для европейских завоевателей ценность не только как обязательное условие гигантских планов дальнейшей экспансии, но и сами по себе. Еще португальцы, побывавшие в устье Замбези в XVI в., писали, что этот район богат золотом. Через 300 лет, после открытия трансваальских россыпей, об этих рассказах снова вспомнили.

Самые фантастические легенды стали распространяться о богатствах междуречья. Широкую известность получило предположение, будто именно здесь находилась до начала христианской эры библейская страна Офир, откуда царь Соломон вывозил золото.

Но если междуречье имело в глазах «строителей империи» особую ценность, то и овладение им составляло особую сложность. Удаленность от побережья, от уже «освоенных» районов, отсутствие дорог — все это делало междуречье труднодоступным районом.

А самым большим препятствием считалось войско народа ндебеле, которое после разгрома зулусов в 1879 г. было самой крупной военной силой южноафриканских банту. (На самом деле это были те же зулусы, много лет назад ушедшие от основного народа и создавшие при правителе Мзиликази новый этнос.) По численности оно было меньше зулусского, но подвезти сюда для борьбы против него такие же многочисленные европейские силы, какие действовали в Зулуленде, казалось в 80-е гг. совершенно невыполнимым.

Ндебеле появились в междуречье на рубеже 30—40-х гг., когда они в результате кровопролитной борьбы были изгнаны бурами с территории нынешнего Трансвааля. До прихода ндебеле междуречье населяли в основном племена шона (машона), славившиеся своими ремесленными изделиями. Один из английских миссионеров, Дж. Маккензи, писал о них: «Машона — самое трудолюбивое и искусное племя во всей Южной Африке... оно является первым среди всех племен по своим познаниям в области сельского хозяйства,

по своему искусству плавки металлов и особенно по своей превосходной обработке железных орудий, таких, как наконечники копий, мотыги, топоры, тесаки и т.п.».

Раздробленные племена шона и жившие по соседству с ними батсвана не смогли оказать серьезного сопротивления ндебеле. Поселившись в юго-западной части междуречья, ндебеле подчинили себе некоторые из этих племен, с других собирали дань, а на остальные, сохранившие независимость, иногда совершали набеги.

В английской литературе привился и стал почти общепринятым взгляд на ндебеле как на кровожадных поработителей, варварски угнетавших другие народы и племена. Конечно, ндебеле были воинственны, но кровопролитность их набегов преувеличивается до чудовищных масштабов.

Обычно взаимоотношения ндебеле с соседними племенами шона ограничивались тем, что ндебеле собирали дань, поручали шона пасти скот своего инкоси. Ко времени европейской колонизации ндебеле уже настолько перемешались с остальным населением междуречья, что четкой границы между ними провести было невозможно. Воины ндебеле женились на девушках шона и батсвана. Войско ндебеле непрерывно пополнялось пленными юношами других народов.

Уверения в крайней жестокости ндебеле опровергает и тот факт, что европейцы — охотники и торговцы, годами рыскавшие по их землям, чувствовали себя в полной безопасности. Ни на кого из них никогда не было совершено нападение. Добиться разрешения инкоси на доступ в страну было трудно, но, получив его, европейцы могли путешествовать совершенно беспрепятственно и в полной безопасности.

Основным занятием ндебеле было скотоводство (разводили преимущественно крупный рогатый скот). Это определяло все другие стороны жизни каждой отдельной семьи и всего народа. Захват скота был часто целью набегов на соседей. Скот — эквивалент обмена, общепринятое средство выкупа за невесту.

Земледелие также играло немаловажную роль в жизни этого народа. Земля находилась в общественной собственности, и инкоси распределял ее между крестьянами. Народу ндебеле, как и другим народам банту, было чуждо понятие о купле-продаже земли. Но главное богатство — скот, как и все остальное, кроме земли, на-

ходился в частной собственности. Большие стада (по несколько сотен, а согласно отдельным источникам, даже тысяч голов) принадлежали военачальникам, которые получали от инкоси часть захваченного в удачных походах скота.

Инкоси был самым крупным скотовладельцем. Однако, несмотря на то что он номинально владел почти всеми стадами, пользовался этим скотом в немалой степени народ. Население краалей, которым отдавались на выпас стада инкоси, потребляло все молоко. Во время больших праздников или при формировании новых военных отрядов инкоси разрешал убой большого количества своего скота: шкуры шли на выделку щитов для воинов, а мясо — в пищу.

Ндебеле, как и шона, в конце XIX в. находились на стадии разложения родового общества. Они еще не разделились на эксплуататоров и эксплуатируемых, но уже близко подошли к образованию классов. При рассмотрении общественного устройства ндебеле накануне английского завоевания необходимо учитывать, что действие внутренних сил развития общества ускорялось своеобразными условиями жизни этого народа. Поселившись на завоеванной территории, он держал в повиновении побежденные племена и одновременно боролся с английскими и бурскими захватчиками, непрерывно посягавшими на его независимость. Армия не только защищала страну от нападения извне, но и держала в страхе соседние племена. Влияние ндебеле распространялось на значительную часть территории нынешней Республики Зимбабве.

Специфические условия жизни привели к тому, что родовое деление было заменено у ндебеле военным делением, которое и было в рассматриваемый период основой их общественной организации. Каждый мужчина был воином. Все воспитание юношей направлялось на то, чтобы сделать из них дисциплинированных и не боящихся смерти воинов. Мужчины делились на четыре группы: молодежь, не достигшая призывного возраста, которая пасла скот и проходила предварительное военное обучение; неженатые воины (разрешение жениться давалось лишь после того, как воин отличится в бою); женатые воины, т.е. уже доказавшие свою стойкость на поле битвы; военачальники-индуны, ближайшие советники и помощники инкоси.

Постоянной дружины у инкоси не было. Войско ндебеле — вооруженный народ. Оно насчитывало 15—20 тыс. человек и делилось на импи (полки), каждый численностью около 1 тыс. воинов. Импи

состояли или целиком из женатых воинов, или целиком из холостых. Воины были вооружены копьями.

Структура военной организации у ндебеле, как и у зулусов, была одновременно структурой организации управления страной. Страна делилась на военные округа, и все мужчины одного округа входили в определенный импи. Начальник импи — индуна — стоял и во главе округа.

Власть главы народа — инкоси (с 1870 г. — Лобенгулы, до этого времени — его отца Мзиликази) была очень велика; непрерывные войны еще больше укрепляли ее. Инкоси был не только военачальником, но и главным жрецом. Однако по всем важнейшим вопросам инкоси консультировался с советом индун.

НА ЗАХВАТ СТРАНЫ БАТСВАНА

Междуречье и лежащие за ним глубинные районы материка отделялись от Капской колонии Трансваалем и землями племен батсвана, живших в пустыне Калахари и прилегающих к ней районах. Дорога через Трансвааль с начала 80-х гг. была для англичан отрезана, и они решили захватить земли батсвана.

Это редконаселенное каменистое плоскогорье само по себе большой ценности не представляло. Торговые связи европейцев с батсвана ограничивались покупкой страусовых перьев и слоновой кости. Но страна привлекала англичан тем, что через ее северную оконечность проходил естественный и наиболее удобный путь к бассейну Замбези: «путь на север», «Суэцкий канал, ведущий во внутренние области», «ключ к дороге в глубь материка», «горло бутылки», как называл его С. Родс. В Шошонге, большом населенном пункте одного из племен батсвана — бамангвато, — перекрещивались пути, ведущие с юга к бассейну Замбези.

Вскоре британское правительство нашло удобный предлог для захвата страны батсвана. Уже в первые годы после восстановления независимости Трансвааля буры начали предпринимать здесь аннексионистские действия и основали две марионеточные ре-

спублики — Стеллаланда (1882) и Госен (1883), преодолев вооруженное сопротивление местных жителей. Британское правительство сочло возможным взять на себя роль «спасителя» батсвана от «трансваальских мародеров».

13 марта 1883 г. в обеих палатах английского парламента началось обсуждение вопроса о бурских «флибустьерах» в стране батсвана, и палатой общин была принята резолюция, гласившая, что «необходимо немедленно принять энергичные меры», чтобы батсвана «могли быть спасены от уничтожения, которое им угрожает». Вскоре Дж. Чемберлен заявил членам кабинета, что «горький плач бечуана должен быть услышан», и предложил послать военную экспедицию для изгнания буров.

Был создан отряд из 4 тыс. человек под руководством генерала Уоррена. В декабре 1884 г. отряд прибыл в Южную Африку. С появлением британских сил буры ушли, не оказав никакого сопротивления. Казалось бы, экспедиция на этом должна была закончиться, однако английское правительство не ограничило «спасением» батсвана от буров и в течение первых месяцев 1885 г. отряд Уоррена оккупировал всю страну.

В сентябре 1885 г. британский кабинет объявил южную часть страны до р. Малопо королевской колонией — «Территорией Бечуаналенда», которая была включена потом в Капскую колонию, области же к северу и к западу — «Протекторатом Бечуаналенда». В северных районах, на границе с землями ндебеле, были размещены специально созданные английские военные отряды — так называемая Бечуаналендская пограничная полиция, насчитывавшая несколько сот человек. Это позволило англичанам резко активизировать подготовку аннексии междуречья.

Наступлению на междуречье предшествовал долгий период дипломатической подготовки — «переговоры» с Лобенгулой, которые известный английский экономист Дж. Гобсон назвал «историей комбинированного плутовства и преступлений».

К ЛОБЕНГУЛЕ

Во второй половине 1880-х гг., после открытия трансваальского золота, Булавайо — крааль Лобенгулы, являвшийся, можно сказать, столицей народа ндебеле, стал своеобразным центром империали-

стических интриг в Южной Африке. Сюда, несмотря на все запреты инкоси, проникали десятки европейцев: англичан, буров, немцев, португальцев.

Насколько сильно ндебеле были встревожены деятельностью европейцев в начале 1887 г., можно судить по письму Лобенгулы британскому администратору Бечуаналенда С. Шиппарду. «Белые люди приходят, как волки, без разрешения и прокладывают новые пути в мою страну, — писал он. — Сегодня еще сохраняется мир, но я не знаю, что принесет завтрашний день». Лобенгула пытался принять меры: запрещал делать новые дороги, еще более затрудняя въезд в страну миссионерам и торговцам, но приток европейцев все увеличивался.

Лобенгуле и его советникам трудно было представить расстановку империалистических сил, определить, кто из претендентов на их земли наиболее опасен. Именно на этом непонимании и строились в значительной мере расчеты британских колонизаторов. Они умело использовали отношение населения междуречья Замбези — Лимпопо к португальцам и бурам. Появившись на сопредельных с этим районом территориях значительно раньше англичан, португальцы и буры намного раньше заслужили и вражду коренных жителей.

Английская администрация в Южной Африке старалась использовать не только ненависть к бурам, но и давнишнюю вражду между ндебеле и соседним племенем бамангвато, принадлежавшим к группе племен батсвана. Когда Англия объявила протекторат над всем Северным Бечуаналендом, куда входили и земли бамангвато, Шиппард предложил Лобенгуле и вождю бамангвато Каме провести четкую границу между владениями их народов, а себя выдвинул в качестве третейского судьи. Спор о «границе» неизбежно должен был еще больше обострить отношения между ндебеле и бамангвато и дать британским властям возможность использовать вражду между этими племенами в своих интересах.

Лобенгула разгадал этот маневр и, не считаясь с самолюбием, написал своему старому врагу Каме весьма дружественное письмо, в котором предложил все междоусобные споры решать самим, не допуская вмешательства «белых» людей. После долгих уговоров Лобенгула добился того, что вождь бамангвато также отказался передать спор на решение англичан.

Лобенгула и совет народа ндебеле вели удивительно искусную политику. Они оказывали максимально возможное сопротивление попыткам европейцев подчинить себе эту страну.

Однако британский захват земель батсвана, сближение Камы с англичанами, интриги вокруг вопроса о «границе» привели к тому, что Лобенгула согласился наконец на давнее и настойчивое предложение Трансвааля заключить договор «о дружбе и мире». Эмиссар трансваальского правительства П. Гроблер, явившись в июле 1887 г. в Булавайо, получил не только такой договор, но и согласие на ряд привилегий для буров в стране ндебеле.

Обеспокоенные этим английские власти послали в Булавайо колониального чиновника Дж. Моффата с заданием запугать ндебеле опасностью нависшего над ними нашествия буров, показать, что Гроблер действовал обманным путем.

Угрозы Моффата не были лишены смысла. Трансвааль действительно стремился к экспансии. Лондонская конвенция 1884 г. запрещала расширение Трансвааля на север, но захват мог быть осуществлен в форме создания на землях ндебеле новой бурской республики, фактически находящейся в зависимости от Трансвааля.

Моффат посоветовал ндебеле обеспечить себя надежным союзником и предложил в качестве такового Англию. После долгих и напряженных переговоров 11 февраля 1888 г. Моффату удалось заключить с Лобенгулой договор о дружбе, согласно которому вождь обещал не вступать ни с кем в переговоры и никому не отдавать земель своей страны без предварительного оповещения английского верховного комиссара Южной Африки.

Следующий шаг к проникновению в страну ндебеле был осуществлен уже непосредственно монополистами алмазов и золота в тесном контакте с британскими властями.

В августе 1888 г. к ндебеле было отправлено посольство во главе с одним из основателей алмазной монополии, первым компаньоном Родса — Ч.Д. Раддом. Посланцы хотели получить концессию на минеральные богатства земель шона, а в обмен предложили

1000 карабинов и патроны к ним, канонерку на Замбези, а также уплату Лобенгуле и его наследникам 100 фунтов ежемесячно. Ндебеле не могли, конечно, знать, чем угрожало это предложение. Однако недоверие к европейцам уже сильно возросло.

В течение шести недель Лобенгула под различными предложениями прерывал и затягивал переговоры. Ндебеле все время пытались узнать у Радада истинную цель его прибытия в страну. На собрания совета индун приглашались европейцы, которые жили в это время в Булавайо, и им устраивали нечто вроде перекрестного допроса.

Но на Лобенгулу оказывалось давление, сопротивляться которому было чрезвычайно трудно. Британский колониальный аппарат в Южной Африке сделал все, чтобы заставить ндебеле уступить агентам С. Родса. Имперский комиссар в протекторате Бечуаналенд Шиппард с большим отрядом солдат находился в Тати, на юго-западной окраине страны ндебеле, и ждал сигнала, чтобы устроить демонстрации оружия.

30 октября 1888 г. Лобенгула поставил на документе крестик, долженствующий изображать подпись.

Вскоре до Булавайо дошли слухи о том, что в печати Капской колонии договор Радада с Лобенгулой расценивается как передача англичанам прав на весь Машоналенд. Это вызвало возмущение среди ндебеле. Они открыто роптали против инкоси, что считалось прежде неслыханной дерзостью.

Лобенгула послал в англоязычные южноафриканские газеты письмо: «Как я слышал, в газетах опубликовано, что я даровал концессию на минералы во всей моей стране Ч.Д. Рададу, Маджиру и Томпсону. Поскольку имеется большое недоразумение относительно этого, все действия на основе данной концессии приостановлены; мною намечается проведение расследования в моей стране. Лобенгула. 18 января 1889 г.».

Ндебеле все яснее понимали истинное отношение Англии к их стране, и Лобенгула очень образно охарактеризовал это отношение: «Видели вы когда-нибудь, как хамелеон охотится за мухой? Хамелеон становится позади мухи и некоторое время остается неподвижным, затем начинает осторожно и медленно продвигаться вперед, бесшумно переставляя одну ногу за другой. Наконец, приблизившись достаточно, он выбрасывает свой язык — и муха исчезает. Англия — хамелеон, а я — муха».

10 августа 1889 г. Лобенгула, уже который раз, писал королеве Виктории: «Белые люди очень надоедают мне относительно золота. Если королева услышит, что я отдал всю страну, так это неправда. Я не понимал, о чем идет речь, потому что я неграмотен».

САМАЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ КОМПАНИЯ

Договор Моффата и концессия Радда могли быть использованы как юридические зацепки для аннексии междуречья Замбези — Лимпопо. Но осуществить этот захват в условиях жестокой борьбы европейских держав за Африку было нелегко.

Поэтому английские правящие круги решили обратиться к такому методу аннексии, при помощи которого экспансионистские планы были бы осуществлены наиболее быстро, цинично по отношению к африканскому населению и бесцеремонно по отношению к европейским конкурентам.

В течение последнего двадцатилетия XIX в. британское правительство в подобных случаях прибегало к созданию т.н. привилегированных компаний, получавших от королевы и правительства «хартию» на захват каких-либо территорий и управление ими. Формально за действия привилегированных компаний правительство ответственности не несло. Это позволяло им действовать более смело и решительно, чем могло бы действовать непосредственно само правительство.

По форме английские компании конца XIX в. были очень похожи на существовавшие в XVII—XVIII вв. ассоциации по захвату и ограблению колониальных стран, например на знаменитую Ост-Индскую привилегированную компанию.

Идея их создания получила особенно широкое распространение в английских правящих кругах во второй половине 80-х гг. Все они были созданы именно в это пятилетие. В 1886 г. хартия была дарована «Нигер компани», действовавшей в Западной Африке — в Нигерии и Золотом Береге, в 1888 г. — «Бритиш Ист Африка компани» со сферой деятельности в Восточной Африке.

Среди привилегированных компаний конца XIX в. самой крупной стала «Бритиш Саут Африка компани», основанная С. Родсом и его компаньонами для аннексии междуречья Замбези — Лимпопо и еще намного более обширных земель, лежащих к северу от междуречья.

Создатели компании обратились к королеве Виктории с петицией, в которой просили даровать им хартию. Хартия была подписана королевой 29 октября 1889 г. Она определяла сферу деятельности компании как «район Южной Африки, лежащий непосредственно к северу от Британского Бечуаналенда, к северу и западу от Южно-Африканской Республики и к западу от Португальской Восточной Африки». Граница на севере указана не была, и компании предоставлялась возможность распространять свое влияние насколько она сможет, хоть до Судана.

Хартия дала компании возможность стать «государством в государстве». Но для осуществления этой возможности предстояло разгромить военную силу племен, населявших отведенную компании область.

В 1890-е гг. компания захватила громадные внутренние области континента — всю территорию нынешних Зимбабве, Замбии, Малави. Наиболее ожесточенное сопротивление оказали ндебеле и шона.

ПОХОД ПИОНЕРОВ ДЖЕМСОНА

После получения у Лобенгулы «концессии» на разработку недр компания послала в междуречье вооруженные отряды — они именовались «пионерами». Первый из них, дойдя в сентябре 1890 г. до возвышенности Маунт-Хэмпден в центральной части страны шона, построил здесь крупный форт, назвав его именем высокого покровителя компании — тогдашнего английского премьер-министра Солсбери (впоследствии на месте форта под этим же названием возникла столица Южной Родезии).

К июлю 1893 г. администратор компании в междуречье Л.С. Джемсон, решив, что здесь накопилось уже достаточно вооруженных «пионеров», напал на отряд ндебеле. В европейскую печать дали сообщение, будто атакующей стороной были ндебеле. Это и стало провозглашением войны.

Когда Джемсон запросил у Родса дальнейших инструкций, тот телеграфировал: «Читайте от Луки XIV, 31». Джемсон, раскрыв Евангелие, прочитал в указанном месте: «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостоять идущему на него с двадцатью тысячами?» Таким образом, Родс спрашивал: «Хватит ли сил, чтобы открыть военные действия?» Джемсон ответил утвердительно: «Я прочел от Луки. Все в порядке».

*Л. Джемсон,
он был авантюристом
на службе С. Родса*

Лобенгула стремился предотвратить войну, отправляя письма «белой королеве», но все было напрасно. В октябре 1893 г. после серии новых провокаций войска компании тремя колоннами (более тысячи европейцев и 500 мобилизованных африканцев) вторглись в земли ндебеле. А со стороны Бечуаналенда двигался отряд английских правительственных войск — новое доказательство единства действий компании и английского правительства. Британские власти уговаривали вождей батсвана тоже выступить против ндебеле, но присоединился к англичанам лишь Кама.

Лобенгула и его совет индун, судя по их действиям, понимали полное превосходство европейцев в технике и не надеялись на победу. Правда, ндебеле имели немало ружей различных старых систем, но в подавляющем большинстве воины не умели целиться, и поэтому эффект их стрельбы был ничтожен. Почти половина армии была деморализована неудачным походом на северный берег Замбези и поражена эпидемией оспы.

И все-таки первая же битва принесла ндебеле страшную неожиданность. Против них были применены пулеметы «максим».

24 октября 1893 г. 5 тыс. воинов преградили путь британским колоннам, которые шли к Булавайо, сжигая по дороге краали и захватывая скот. Сражение — оно произошло на р. Шангани — превратилось в побоище. Пулеметный огонь косил воинов сотнями,

не давая им приблизиться к английским позициям. Это оружие произвело впечатление сверхъестественной силы. Полегло около 500 воинов. Еще больше — около 1000 человек — потеряли ндебеле во второй крупной битве, 1 ноября на р. Бембеси, в 48 км от Булавайо.

4 ноября английские войска заняли Булавайо, или, вернее, то место, на котором находилась столица, так как, уходя, население сожгло все постройки. Жители ушли, и победителей встретили лишь два английских торговца, у которых «кровожадные» ндебеле во время войны не тронули волоса на голове.

В течение нескольких следующих месяцев все междуречье было оккупировано компанией, и на картах с 1895 г. оно стало именоваться Родезией в честь Родса.

КОНЕЦ ВОССТАНИЙ

Однако вооруженная борьба на этом не кончилась. В марте 1896 г. вся страна ндебеле поднялась против господства компании. Восстание подготовили индуну и жрецы (сам Лобенгула умер вскоре после захвата Булавайо). К середине апреля на землях ндебеле компания удерживала лишь Булавайо и еще два населенных пункта, да и те были окружены повстанцами.

Действия повстанцев вокруг Булавайо свидетельствуют о наличии определенного плана. Только этим можно объяснить, что повстанцы, окружив город с трех сторон, заняв все пути сообщения и перерезав телеграфные провода, оставили совершенно свободной главную дорогу из Булавайо к английским владениям на юге. На этой дороге за все время восстания не было задержано ни одного экипажа и не было убито ни одного европейца, несмотря на то, что близ дороги находились крупные силы восставших. Очевидно, вожди восстания не хотели большого кровопролития, наивно рассчитывая, что европейцы, испугавшись всенародного подъема, сами покинут страну.

Но среди руководителей восстания не было полного единства. Они не могли договориться относительно того, кто будет избран инкоси. После того как выяснилось, что европейцы не хотят уходить из Булавайо, а, наоборот, укрепляют свой лагерь, встал вопрос о дальнейших действиях. Некоторые индуну предлагали взять Бу-

лавайо штурмом, другие отвергали этот план, считая, что никакой реальной надежды на успех он не давал, так как город был хорошо укреплен и повстанцы полегли бы под огнем пулеметов. В то же время необходимы были быстрые и энергичные действия, поскольку английские силы непрерывно увеличивались и, кроме того, уход мужчин с полей в самый разгар сельскохозяйственных работ создавал по всей стране угрозу голода. Падение скота делало эту опасность еще более грозной.

Часть повстанцев считала, что самым целесообразным было бы, не дожидаясь прихода европейских подкреплений, уйти на северный берег Замбези и обосноваться там. Но всеобщей поддержки этот план не получил, так как такой долгий переход при недостатке скота и запасов продовольствия казался неосуществимым. Оставали и боязнь тропической лихорадки, свирепствовавшей в низменных, прибрежных районах Замбези, отсутствие необходимого для переправы количества лодок и уверенность, что жившие на северном берегу реки баротсе, старые враги ндебеле, постараются сбросить пришельцев в реку.

К началу июня 1896 г. численность британских войск в междуречье достигла 3 тыс. Инициатива перешла к англичанам. Они оттеснили повстанцев от Булавайо и пошли несколькими колоннами по стране, уничтожая краал и сжигая посевы. Употребляя современную терминологию, эти действия можно назвать тактикой «выжженной земли». Народ ндебеле поставили перед угрозой голода.

Основные силы повстанцев отступили в гористый район Матопо, который в июле 1896 г. и стал основным театром военных действий.

Во время боев в Матопо повстанцы показали, что они многому научились в результате войны 1893 г. Они отказались от традиционной тактики ндебеле — массированных лобовых атак, которые были очень эффективными в сражениях с соседними племенами, но пулеметному огню европейцев давали возможность начисто косить ряды атакующих. Если раньше ндебеле сражались на открытой местности, то теперь они стремились как можно полнее

использовать пересеченную местность, особенно богатейшие возможности скал Матопо. Не сосредоточивая свои силы в одном месте, повстанцы лишали англичан возможности расправиться с ними одним ударом.

Значительно лучше использовали повстанцы и огнестрельное оружие. Немногие воины, имевшие исправные ружья, устраивали засады среди скал и кустарников и подпускали врага как можно ближе, чтобы стрелять наверняка.

Среди английских солдат росло недовольство. Сказывались упорное сопротивление повстанцев и трудные условия, в которых приходилось воевать. Действия карателей Родса вызвали энергичные протесты передовой европейской общественности.

Важнейшую роль в дальнейшем развитии событий сыграло начавшееся в июне 1896 г. восстание в ряде районов страны шона. Это очень осложнило положение компании. Для эффективных карательных операций на всей территории междуречья сил не хватало. Международный скандал из-за «Родезии» разрастался: компания в течение нескольких лет рекламировала свою деятельность как «спасение» мирных и трудолюбивых шона от тирании «кровожадных» ндебеле, а тут вдруг оказалось, что шона поднялись против «спасителей».

Все это вынудило компанию пойти на переговоры с ндебеле. Сам Родс и другие директора компании в течение двух месяцев вели переговоры с виднейшими индусами. Англичанам пришлось признать многие из предъявленных обвинений в жестокости установленного ими режима. Пришлось отказаться от широких репрессий против участников восстания; поставить во главе «туземных» округов страны некоторых вождей восстания; пообещать некоторым импи, что им отдадут те же земли, которые они занимали при Лобенгуле.

Эти уступки были, конечно, невелики, но повстанцам трудно было добиться большего. В стране начинался голод. Важной уступкой компании было взятое ею обязательство оказать населению помощь продовольствием.

Борьба шона продолжалась еще долго — до середины 1897 г. Но здесь силы повстанцев были разбиты. Попытки нескольких вождей объединиться не дали серьезных результатов. Поэтому карательные отряды могли «подавлять» одно племя за другим.

Для устрашения всей страны применялись крайне жестокие методы расправ. Пещеры, в которых прятались семьи повстанцев, нередко взрывали динамитом или обстреливали из пушек.

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА НА ФОНЕ ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

То была первая война XX столетия. Именно она стояла в центре внимания цивилизованного, как говорили тогда, мира, когда он встретил 1900 г. На заре прошлого века в этой войне видели крупнейшее международное событие.

Война, в которой Великобритания завязла на два с половиной года, поражения, которые она терпела от двух маленьких бурских республик, нанесли удар по престижу Британской империи и повлияли на межгосударственные отношения в Европе.

Война вызвала бурную реакцию общественности европейских и многих других стран, и почти повсюду она оказалась антибританской. Англофобия была тогда широко распространена. Одни не любили Великобританию за то, что она захватывала все новые территории по всему миру, другие — за то, что товары Бирмингема, Шеффилда и Манчестера издавна были сильными конкурентами промышленности других государств. Третьи — за «хитрую» внешнюю политику. Четвертые, сторонники самодержавных методов правления — за ее «гнилой либерализм».

Как тут было не злорадствовать по поводу ее трудностей и не посочувствовать ее противнику, тем более что противник заслуживал сочувствия. Борьбу двух республик, которые и на карте мира-то нелегко было разыскать, против крупнейшей империи в истории человечества сравнивали с библейской схваткой Давида с Голиафом.

Во многих странах создавались общественные комитеты помощи бурам. Несколько тысяч добровольцев из Европы и США воевали на стороне буров.

Эта война сыграла огромную роль в развитии военного искусства. В Западной Европе после франко-прусской в течение 30 лет не было войн. За эти годы накопились бесчисленные новшества в военной технике, в стратегии и тактике, но их не удавалось проверить практикой. «Колониальные войны» в этих нововведениях не нуждались. Так что первым полигоном стала Южная Африка. Генеральные штабы многих стран (даже Норвегии) послали на поля сражений своих наблюдателей — как официальных, так и секретных, чтобы не пропустить чего-нибудь важного в новациях военного искусства. В этой войне впервые в широком масштабе были применены пулеметы.

Может казаться, что окопы и траншеи — давний спутник войн, но их придумали именно буры.

Тогда же появился и защитный цвет хаки, в который потом оделись все армии мира: англичане дорого заплатили за свои красные мундиры — буры прекрасно стреляли.

С этой войны среди курящих появилась фраза: «Третий не прикуривает». Считалось, что, когда в расположении англичан зажигалась спичка, бур хватался за винтовку, когда прикуривал второй — целился, а когда третий — стрелял.

Англо-бурская война стала частью биографии многих известных людей XX столетия: Уинстона Черчилля, Махатмы Ганди, фельдмаршалов Робертса, Китченера и Смэтса, писателей Конан Дойля и Киплинга и даже Александра Ивановича Гучкова.

Этой войной завершился колониальный раздел Африканского континента, продолжавшийся последнюю четверть XIX в. В результате этой войны возник британский доминион Южно-Африканский Союз — самая экономически развитая страна Африки.

Эта война оставила заметный след и в истории нашей страны. Правительство России стремилось поддержать буров и извлечь выгоды из затруднений своего тогдашнего главного соперника на мировой арене. Российская общественность также горячо сочувствовала бурам. Война усилила антибританские настроения, сильные в российском обществе со времени Крымской войны. Эти настроения связаны с соперничеством в Средней Азии и той антироссийской позицией, которую Англия заняла в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Две крупнейшие империи в мире видели друг в друге не только соперников, но и потенциальных противников. На деньги, собранные российской общественностью, в Южную Африку были отправлены два госпиталя. На стороне буров сражались российские добровольцы. По обе стороны фронта за военными действиями наблюдали российские военные атташе.

Этой войне посвящено множество исторических исследований, сборников документов, мемуаров и биографий, романов, рассказов и стихотворений.

В нашей стране изданы даже многочисленные публикации документов. В 1900—1905 гг. Военно-ученый комитет Главного штаба выпустил 21 сборник материалов по англо-бурской войне. Выходили отчеты о деятельности российских отрядов Красного Креста на фронтах Южной Африки, воспоминания участников войны — добровольцев, как российских, так и зарубежных, врачей и медицинских сестер.

На русский язык переводились воспоминания бурских политических и военных деятелей. Англо-бурская война нашла отражение даже в русской художественной литературе. Ей были посвящены не только рассказы А.И. Куприна, Н.Н. Каразина и ряда других писателей, но даже романы.

Важнее отметить, что в отечественных архивах о войне отложилось множество документов. Опубликованы лишь очень немногие, прежде всего те, что претендовали на сенсационность, как, например, подборка, озаглавленная «Николай II — “император кафров”» или «Николай Романов об англо-бурской войне».

Среди зарубежных историков, в большинстве своем — британских и южноафриканских, споры велись в основном о вине за эту войну. Африканерские (бурские) историки, как и весь африканерский народ, обвиняли Великобританию в неспровоцированной агрессии, в том, что по приказу британского главнокомандующего

*Лорд Китченер, создатель
первых концлагерей*

генерала Китченера сжигались бурские фермы и уничтожались посевы, что англичане создали концентрационные лагеря, в которых погибло больше 26 тыс. африканеров — женщин, стариков, детей.

В британской литературе долгое время превалировало оправдание захвата бурских республик. Президент Трансвааля Крюгер обвинялся в «твердолобом» национализме, в том, что он не давал полноправного гражданства англичанам, хлынувшим в его страну. Чуть ли не первым, кто выступил, как историк, с развернутой аргументацией в защиту британского завоевания бурских республик, был Артур Конан Дойль. Еще во время войны он написал историко-публицистическую книгу «Великая бурская война». В течение считанных месяцев она выдержала 17 изданий. И тираж по тому времени огромный — 63 тыс. экземпляров. Последнее издание — полное — 770 страниц! Тогда же Конан Дойл издал и другую книгу: «Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения». Она не такая объемная, но зато вышла почти одновременно на многих европейских языках. Было и русское издание — 5 тыс. экземпляров!

Легко представить, какое влияние во всем мире имели книги, написанные пером Конан Дойля. Надо ему отдать должное, в них — не только его талант, но и громадный труд, и богатый личный опыт: во время войны он сперва попытался пойти добровольцем в британскую армию, а после того, как ему отказали по возрасту и по состоянию здоровья, стал хирургом в военном госпитале в Южной Африке. Одновременно он не только изучал необходимые для подготовки его книг документы, но и собирал бесконечные устные свидетельства. И именно за эти книги, а отнюдь не за Шерлока Холмса, он был возведен королем Великобритании в рыцарское достоинство — получил право именоваться сэром.

Целью знаменитого уже тогда автора было ослабить то возмущение действиями его родины, которое охватило все страны Европы. И он писал: «Большинство людей во всех странах, настроенных против нас, было введено в заблуждение потоком разных нареканий и ложных слухов, распространявшихся продажной и невежественной прессой». Как и многие нынешние политики, знаменитый англичанин поддался легкому соблазну все валить на прессу! Что же касается обвинения в жестокостях, которые никак нельзя опровергнуть, то он, присоединяясь к словам тогдашнего министра колоний Джозефа Чемберлена, заключал: «В истории можно найти

прецеденты жестоких мер, которые мы вынуждены были принять в отношении повстанцев; так поступали французы в Алжире, русские на Кавказе, австрийцы в Боснии и немцы во Франции».

Конан Дойль писал это во время войны, когда страсти вокруг тех событий кипели. В дальнейшем английские историки стремились к большей объективности.

Взгляды российских исследователей на войну менялись. До Октябрьской революции — почти безоговорочная поддержка буров. В советское время все изменилось, особенно с 1948 г., когда в Южной Африке был установлен расистский режим апартеида. Его разрабатывали африканерские правительства. И советская пропаганда в какой-то мере перенесла неприятие этого режима на прошлое африканеров. В истории африканеров подчеркивалось их расистское отношение к черным. Но многое другое, в частности их мужественная борьба за независимость, оставалось в тени. В заключении единственной монографии об англо-бурской войне, изданной в СССР, говорилось, что она была «войной английских и бурских колонизаторов за передел Южной Африки». Но если в этом был основной смысл войны, то стоит ли упоминать, что русские добровольцы защищали буров? И в этой книге русским добровольцам посвящено лишь несколько строчек, и их участие только констатируется, без какой-либо оценки.

Такой подход был неисторическим. В борьбе буров можно говорить о двух сторонах: и об их стремлении к независимости от Англии и о желании удержать свое господство над африканцами. А для российских добровольцев, учитывая воззрения тех времен, было естественно поддержать слабого в борьбе против сильного, к тому же против державы, которая им казалась главным врагом России.

В 1853 г., когда шло создание этих республик, в Кейптауне побывал Иван Александрович Гончаров. Его «Фрегат «Паллада» стал одним из наиболее интересных отечественных описаний Южной Африки. Он восхищался этим краем земли, природой, климатом, но к

экономическим перспективам отнесся скептически. «Здесь нет золота, и толпа не хлынет сюда, как в Калифорнию и в Австралию».

Вплоть до конца 1860-х гг. его пророчество могло показаться верным. Многим европейцам тогда казалось, что Южная Африка обречена на забвение. Это считали неизбежным результатом появления Суэцкого канала, который был 17 ноября 1869 г. официально открыт для судоходства. Караваны океанских кораблей уже не должны были обигать мыс Доброй Надежды и заходить в южноафриканские порты. Уходила в прошлое роль Капстада-Кейптауна как «морской таверны» на полпути между Европой и странами Азии. С открытием Суэцкого канала страна сразу оказывалась в стороне от мировых торговых артерий. Железных дорог в начале 1870-х гг. было всего около 60 миль. Страна, казалось, была обречена на то, чтобы о ней совершенно забыли, как о захолустье где-то на самом краю ойкумены.

Но получилось так, что именно с этого времени, с конца 1860-х и начала 1870-х гг., о Южной Африке стали говорить так много, как никогда раньше. На протяжении полутора десятилетий, с 1869 по 1886 г., здесь, и к тому же на отдалении друг от друга всего в несколько сотен километров, были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота.

Это открытие произвело такое ошеломляющее воздействие на весь тогдашний мир, что стали говорить о втором открытии Южной Африки. Алмазы были найдены в конце 1860-х гг. близ слияния рек Вааль и Оранжевой, в области, названной «Западным Гриквалендом». Одновременно обнаружили и золото в междуречье Замбези — Лимпопо, но в этот глубинный район Южной Африки европейцы в те времена могли добраться с большим трудом, через безводные пустыни и почти неизведанные земли.

На полтора или два десятилетия юг Африканского материка стал новым Эльдorado для авантюристов всех мастей и калибров.

Южноафриканская алмазная и начавшаяся 15 годами позже золотая лихорадка вначале напоминали то, что немного раньше, в 1848—1849 гг., пережила Калифорния, — всеобщее помешательство.

Южноафриканские события доходили до Европы и Америки в ореоле фантастической романтики. Бриллианты, золото, нашедший на весь мир алмаз «Звезда Южной Африки» — все это на необыкновенно экзотическом фоне: Кейптаун с моряками со всех концов света, а вокруг космополитического портового города бур-

лит настоящая «черная» Африка — трудно придумать более яркое обрамление для приключенческой романтики.

Оттачивая свое мастерство, Майн Рид обращался не только к американскому Дальнему Западу, но и к южной оконечности Африки, развернул там действие трех своих книг. Луи Буссенар обнаружил там своих «похитителей бриллиантов». Жюль Верн не только отправлял туда многих своих героев, но даже написал роман под таким несколько неожиданным заголовком: «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке». Райдер Хаггард, проведя на юге Африки молодые годы и найдя там прообраз своего героя — охотника Алана Куотермейна, именно там стал писателем и посвятил этим местам свои наиболее известные романы, начиная с «Копей царя Соломона». Конан Дойль связал с Южной Африкой свой первый роман — «Торговый дом Гердлстон» и впоследствии написал еще две «южноафриканские» книги. За год до смерти он снова объехал Южную Африку. Киплинг воспевал «волны у мыса Бурь». Для него Южная Африка — «женщина прекрасней всех, всех боготворимей», и «краса ее влекла джентльменов без числа дьявольской стихией».

Если раньше Южная Африка оставалась вне столбовой дороги европейской иммиграции, то с начала 70-х гг. численность белого населения стала здесь быстро увеличиваться. В период алмазно-золотого бума капитал меньше чем за два десятилетия прошел в Южной Африке цикл развития от преобладания мелких старателей до монополистического объединения — одного из первых в истории мирового капиталистического хозяйства.

На лондонской бирже с конца 80-х гг. южноафриканские акции — их называли «кафрскими» — стали предметом бешеных спекуляций. Добыча золота, как и алмазов, находилась в руках европейского, прежде всего английского, капитала. Буры не занимались этим, но президент Трансвааля Крюгер обложил золотодобычу высокими налогами. Это стало важнейшей из причин, по которым владельцы золотых рудников добивались установления британской власти над Трансваалем.

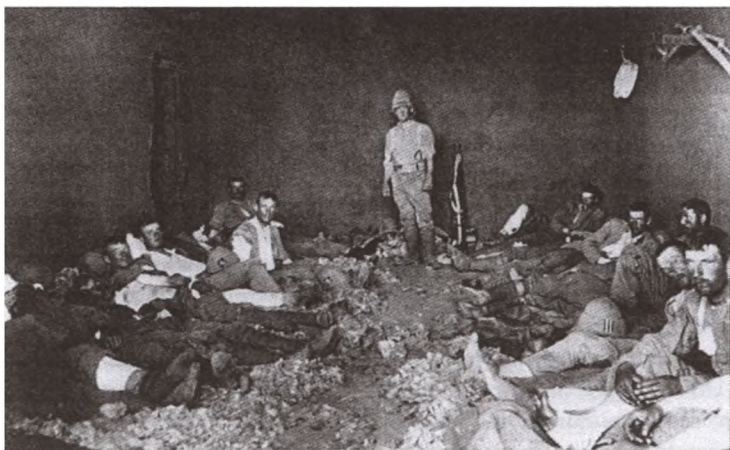
Великобритания однажды уже аннексировала Трансвааль, в 1877 г., еще до открытия золота. Тогда Трансвааль не оказал сопротивления английской аннексии, для которой оказалось достаточно отряда всего в 25 английских солдат. Аннексия Трансвааля была проведена без единого выстрела. Но через три года трансваальцы

сумели объединиться, собраться с силами и, выиграв два сражения, снова обрести независимость. Отчасти это произошло потому, что особенно важного значения для английской экспансии в Африке Трансвааль тогда не имел.

К концу столетия обстановка изменилась. Трансвааль окреп. Налоги с золотодобычи хорошо пополняли казну. Британских шахтовладельцев особенно тревожила близость трансваальского правительства с Германией. Крюгер же видел в этом сближении единственную возможность использовать межимпериалистические противоречия для обуздания английских «строителей империи». В 1895 г. он публично объявил, что рассчитывает на поддержку Германии.

В 1890-е гг. в Трансваале приобрела большую остроту проблема ойтландеров. Слово «ойтландер» на голландском языке и языке африкаанс означает «чужеземец», «иностранец». Так буры называли людей, приехавших после открытия золота. Число ойтландеров в Трансваале быстро приближалось к числу живущих здесь буров. Правительство боялось, что буры могут оказаться в меньшинстве и будут вынуждены уступить ойтландерам контроль не только над экономикой, но и над политикой страны. Поэтому Крюгер не хотел давать ойтландерам те же избирательные права, что и бурам. Короли золота всячески раздували «проблему ойтландеров», говорили о «вопиющей дискриминации». В действительности боль-

Английский полевой госпиталь на бурской ферме

шинство ойтландеров были людьми, приехавшими в Трансвааль на заработки. Они не собирались здесь долго жить, не хотели отказываться от английского, американского, французского гражданства и заменять его трансваальским. Но ничтожному меньшинству ойтландеров — золотопромышленным магнатам, которые хотели аннексии Трансвааля, выгодно было выставить «благородный» предлог — борьбу за равноправие тысяч простых людей.

После англо-бурской войны 1880—1881 гг. стало ясно, что мирных путей к присоединению Трансвааля у Англии нет. В конце 1895 г. была сделана попытка насильственного переворота: в Йоханнесбурге золотопромышленники составили тайный комитет, который собирался свергнуть правительство. Сигналом к этому должно было послужить вторжение войск «Бритиш Сауз Африка компани» из Родезии в Трансвааль.

В конце декабря 1895 г. большой отряд этих войск во главе с Л.С. Джемсоном действительно перешел границу Трансвааля, но был почти сразу же взят в плен бурами. Из переворота ничего не вышло. Этот эпизод вошел в историю как «набег» или «рейд» Джемсона.

Набег Джемсона отразился не только на южноафриканской, но и на «большой» европейской политике. Широкий резонанс в Европе получила телеграмма Вильгельма II Крюгеру, в которой кайзер поздравлял буров с тем, что им удалось победить, «не прибегая к помощи дружественных государств». Это был явный вызов Великобритании. Англо-германские отношения ухудшились.

В последние годы XIX в. Великобритания постепенно стягивала в Южную Африку крупные силы и готовилась к войне против Трансвааля. Видя это и понимая, что война неизбежна, правительство Крюгера решило опередить будущего противника, начать боевые действия в условиях, когда английская подготовка была еще далека от завершения.

9 октября 1899 г. Трансвааль предъявил Великобритании ультиматум. В нем содержались предложение о передаче англо-трансваальских споров на рассмотрение третьей стороны, требование, чтобы британское правительство удалило от границ Трансвааля сосредоточенные там в последнее время вооруженные силы, отозвало войска, введенные в Капскую колонию с июня 1899 г., и обязалось не высаживать ни в одном порту Капской колонии и ко-

Немецкая газета 1900 г.: Пауль Крюгер на первой полосе

лонии Натал воинские части, находившиеся на кораблях, которые уже приближались к южноафриканским берегам. Срок ультиматума определялся в двое суток. От лондонского кабинета, как и можно было ожидать, последовал отрицательный ответ, равносильный объявлению войны. По истечении установленного срока военные действия начал не только Трансвааль, но и находившееся с ним в союзе Оранжевое Свободное государство.

Буров не устрасило, что их противником оказалась самая крупная в то время мировая держава, находившаяся в зените своего могущества. Бурские республики, особенно Трансвааль, уже в течение нескольких лет готовились к войне. В Европе было закуплено большое количество оружия, даже крупнокалиберная артиллерия. Правительство Крюгера купило десятки тысяч маузеровских винтовок: они были значительно лучше тогдашних английских винтовок си-

стемы Ли-Метфорда. В Трансваале было запасено 25 млн патронов. Запасы оружия были сделаны после набега Джемсона, когда бурские лидеры начали смотреть на войну с Англией как на неотвратимое бедствие. На закупку оружия стали выделять большие секретные фонды. Пушки и винтовки доставлялись из Европы в ящиках с надписями «Оборудование для горной промышленности» или «Сельскохозяйственная техника». В качестве военных инструкторов приглашались европейские военные специалисты. Была создана даже своя секретная разведывательная служба.

Но все же никакой налаженной военной машины у буров не было. Регулярной армии фактически не существовало, и с началом войны вся тяжесть военных операций пала не на какие-либо подготовленные воинские формирования, а на весь народ.

Большинство английских солдат были новобранцами, совсем молодыми и необстрелянными. В первые недели войны английские войска уступали бурским даже по численности. Ход войны описан во многих исследованиях и учебных пособиях. В течение первых нескольких месяцев события развивались в пользу буров. Буры сразу же вторглись и в Капскую колонию, и в Наталь, нанесли англичанам несколько весьма ощутимых поражений, осадили города Ледисмит, Кимберли и Мафекинг. Дни 11—16 декабря 1899 г. получили известность как «черная неделя» английской армии: в трех сражениях в различных районах Южной Африки она потеряла 2500 человек и 12 орудий. Январь 1900 г. также принес британским войскам горькие поражения.

Однако громадное превосходство военной мощи Британской империи неизбежно должно было сказаться. Из Англии прибыли генералы Робертс и Китченер с многочисленными подкреплениями. К концу февраля 1900 г. англичане добились снятия осады с Кимберли и Ледисмита. 27 февраля близ Кимберли Китченер заставил сдать 4 тыс. буров во главе с одним из самых популярных в Трансваале военачальников — генералом Кронье, героем войны 1880—1881 гг.

13 марта английские части захватили Блумфонтейн, столицу Оранжевого Свободного государства.

В мае была снята осада с Мафекинга, 1 июня войска генерала Робертса вступили в Йоханнесбург, а 4 июня — в Преторию.

Борьба на этом не кончилась. Буры перешли к партизанской войне, причем ее огонь охватил цитадель британского господства в

Южной Африке — Капскую колонию. Многие из капских буров в самом начале войны выступили в защиту Трансвааля и Оранжевой. После того как Робертс и Китченер уже праздновали победу над республиками, тысячи буров Капской колонии развернули партизанские действия в тылу английской армии.

Сломить это сопротивление англичане смогли только при помощи исключительно жестоких мер. Войска сжигали бурские фермы, уничтожали посевы, угоняли скот. Лорд Робертс объявил, что будет сожжено дотла все жилье в радиусе 10 миль от каждого взорванного партизанами участка железной дороги. В действительности огню предавались дома и фермы не только в радиусе 10 миль от мест партизанских диверсий, но и по всей стране.

Чтобы прекратить партизанскую войну, английские власти согнали гражданское население страны — женщин, детей, стариков — в концентрационные лагеря (официально они, как бы в издевку, именовались «refuge» — «убежище», «место спасения»). Сетью таких лагерей была покрыта целая страна — впервые в истории человечества. Туда согнали 200 тыс. человек гражданского населения — 120 тыс. буров и 80 тыс. африканцев (содержали их, разумеется, отдельно).

То был первый опыт устройства концлагерей в мире, в дальнейшем с успехом примененный в Советской России и фашистской Германии.

Расправа с бурами всколыхнула общественное мнение Европы и Америки — может быть, потому, что жертвами стали лица европейского происхождения. Об африканцах жители тогдашней Европы знали очень мало, плохо представляли себе, что это за люди, а в борах видели подобных себе, и поэтому их страдания вызывали живое сочувствие. Повсюду осуждали Англию. Портреты бурских генералов — Жубера, Бюргера, Мейера, де Бета, де ла Рая, Боты, Сметса, Герцога — появлялись во всех газетах. На стороне буров сражались тысячи добровольцев из Голландии, Германии, Ирландии, Франции, Италии, России, Соединенных Штатов Америки, Черногории.

Правительства большинства европейских стран заявляли о сочувствии бурам, но энергично выступить против

Англии не решился даже кайзер Вильгельм II, неоднократно обещавший Трансваалю самую эффективную поддержку. Президент Крюгер в конце мая 1900 г. отправился в поездку по столицам крупнейших держав мира с просьбой о вмешательстве, но успеха не добился.

Громадное превосходство английских вооруженных сил и варварские методы расправы в конце концов заставили буров отказаться от сопротивления. 31 мая 1902 г. в г. Феринихинг был подписан мирный договор. Бурские республики прекратили существование, были объявлены английскими колониями под названиями Трансвааль и Колония Оранжевой реки, их жители стали британскими подданными.

Война дорого стоила как бурам, так и английскому народу. Буры потеряли убитыми 4 тыс. и ранеными 20 тыс. Еще больше — 26 тыс. буров — погибло в концентрационных лагерях. У англичан было 5,8 тыс. убитых, 23 тыс. раненых и, кроме того, многие умерли от эпидемических болезней. Всего в течение войны на стороне буров сражались 87 тыс. человек, на стороне англичан — 448 тыс. Значительная, если не большая часть всего принадлежавшего бурам имущества сгорела или была уничтожена.

Могла ли Российская империя, великая держава, остаться совсем в стороне от этих событий? У нее не было в той части мира столь же широких замыслов, как у Англии и Германии, но интересы все же были. Царское правительство не пропускало болевых точек в глобальной британской политике. Одной из таких точек был Трансвааль.

Еще во время первой войны между Англией и Трансваалем русское посольство в Лондоне направляло в Петербург резко антибританские оценки событий. Но тогда представления официальной России о ситуации на юге Африки не были особенно четкими. Вероятно, поэтому даже письмо верховного вождя южноафриканского народа пондо в 1886 г. осталось без ответа. А он адресовал его «Царю. Санкт-Петербург. Россия» с просьбой взять под покровительство его народ и защитить от англичан.

В середине 90-х гг., особенно после английской попытки завоевать Трансвааль в 1895 г., обстановка изменилась. Положение в Трансваале и вообще на юге Африки освещалось в мировой и в

русской печати. С 1890 г. в Трансвааль отправляли русских горных инженеров — изучать опыт горнорудного дела для применения на приисках Урала и Сибири.

С начала 80-х гг. на юг Африки, прежде всего в Трансвааль, пошла эмиграция из России. К 1914 г. она насчитывала уже около 40 тыс. человек. Это были главным образом евреи, бежавшие от погромов и дискриминации. Но хотя они уезжали из России, их контакты с нею далеко не всегда прерывались. И получалось, что эта эмиграция содействовала зарождению связей Трансвааля с Россией.

 Была и еще одна причина усиления русского интереса к Южной Африке. Многие русские путешественники, побывав на африканском юге, писали о сходстве буров с русскими. Подчеркивались религиозность буров, патриархальность, спокойный характер, хозяйственность, домовитость, даже внешний облик: физическая сила, окладистые бороды. Во всем этом усматривали общие черты с русским мужиком. Такое сравнение довольно прочно утвердилось в сознании многих россиян.

Все это вместе взятое создало и в правительственных кругах и в общественном мнении предпосылки к установлению отношений с Трансваалем. В середине 90-х в Петербурге обсуждался вопрос о назначении консула в Йоханнесбург.

28 марта 1897 г. министр иностранных дел России М.Н. Муравьев обратился к министру финансов С.Ю. Витте с предложением рассмотреть возможность установления отношений с Трансваалем. Муравьев подчеркнул растущую роль Африки в мировой политике. В Трансваале, указывалось в его письме, находится от семи до восьми тысяч выходцев из России, каждый десятый житель Йоханнесбурга — русского происхождения, и общий размер капитала этих лиц составляет 500 тыс. ф. ст., по тому времени громадную сумму.

Препятствием же на пути установления отношений с Трансваалем была Лондонская конвенция, навязанная Трансваалю после их первой войны. Согласно этой конвенции, Трансвааль не мог устанавливать дипломатические отношения с другими государствами, если это как-то затрагивало интересы Великобритании.

Е.Е. Стааль, посол России в Лондоне, по поручению М.Н. Муравьева выяснял вопрос о юридической возможности установления отношений, и дипломаты пришли к выводу, что на консульские отношения это давнее ограничение не распространяется, к тому же Франция и Германия уже установили отношения с Трансваалем и на более высоком уровне.

В августе 1898 г. Россия провела переговоры с представителем Трансвааля в Европе уже напрямую, без посредства французских дипломатов. Переговоры вел князь Урусов, посол России во Франции.

Тут уже события развивались стремительно. 16 сентября Френсис Вильям Рейтц, государственный секретарь Трансвааля, запросил у Петербурга согласие на назначение д-ра Виллема Лейдса, посла Трансвааля во Франции, Германии и Бельгии, послом в России. Николай II согласился на это предложение, и 28 сентября товарищ министра иностранных дел России В.Н. Ламздорф сообщил Рейтцу о согласии императора.

Так были установлены дипломатические отношения. Но российское посольство в Претории так и не появилось. Над Трансваалем уже собирались грозовые тучи, и через год началась война.

В первые недели англо-бурской войны Николай II путешествовал по Дании и Германии. В дневнике 14 (27) октября 1899 г. он записал: «Читал с интересом английские газеты о войне в Южной Африке». Своей сестре Ксении он писал 21 октября (3 ноября) более определенно: «Как и ты и Сандро, я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки и затем делюсь с другими за столом своими впечатлениями. Я рад, что Аликс во всем думает, как мы; разумеется, она в ужасе от потерь англичан офицерами, но что же делать — у них в их войнах всегда так бывало!

Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен!

Вот что называется влопались и полезли в воду, не зная броду! Этим способом буры сразу уменьшили гарнизон Лэдисмита в 10 тысяч человек, на одну пятую, забрав около 2000 в плен.

Недаром старик Крюгер, кажется, в своем ультиматуме к Англии, сказал, что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят

весь мир своей удалью и стойкостью. Его слова положительно уже начинают сказываться. Я уверен, что мы еще не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южноафриканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами; этого количества будет далеко недостаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмет свои подкрепления — не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое — отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте.

Но время для этого еще не пришло: мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией.

Однако же я увлекся, но ты поймешь, что при случае невольно иногда самые излюбленные мечты вырываются наружу, и невозможно удержаться, чтобы не поделиться ими».

Для осуществления «излюбленной мечты» Николай решил начать с Вильгельма II: «Я намерен всячески натравливать императора на англичан, напоминая ему о его известной телеграмме Крюгеру!».

Российская общественность откликнулась на ту войну бурно. «За здоровье президента Крюгера служат молебны, от оркестров, играющих в публичных местах, требуют “гимн буров”, который повторяется бесчисленное число раз». Это свидетельство петербургского журнала начала 1900 г.

«Буры и все “бурское” интересует теперь решительно все слои общества, и в великосветской гостиной, и в редакции газеты, и в лакейской, и даже в извозничьем трактире только и слышны разговоры о бурах и африканской войне», — говорилось в книжке «В помощь бурам!». Автор ее назвал себя «Бурофил».

«Нынче куда ни сунься — все буры да буры», — подчеркивалось в другом издании. Таких высказываний от тех времен остались сотни, тысячи. Издавалось множество русских книг о той войне. Статей — не сосчитать. А брошюры печатали не только в столицах — в Санкт-Петербурге и Москве — или крупных городах Российской

империи — Киеве, Варшаве, Тифлисе, но даже в Борисоглебске. Фотографии бурских бойцов, генералов, президента Крюгера и его соратников — во всех иллюстрированных изданиях. И с самыми восторженными подписями.

В церквах собирали пожертвования в пользу буров. В Трансвааль посылали иконы, альбомы, роскошно изданную Библию, складни, пластинки с записями русских стихов и песен в честь буров. А после известия, что бурский генерал Кронье взят в плен, прошла широкая кампания по сбору средств, чтобы подарить ему братину — громадную братскую чашу из порфира с серебряным орнаментом. Эта братина была послана вместе с листами, на которых расписались 70 тыс. человек. Листы озаглавлены: «Подписи к братине от русских людей командиру буров Питу Кронье». Это все хранится теперь в Претории в Историческом музее. А некоторые русские книги попали в библиотеку Стелленбошского университета.

Улицам русских городов давали названия в честь борьбы буров. В одну лишь харьковскую городскую управу поступили предложения дать трем новым улицам названия: Трансваальская, Жуберовская и Крюгеровская. Южноафриканские события отразились в театральных и цирковых репертуарах. Постановка в Московском городском манеже в феврале 1900 г. называлась: «На высотах Драконовых скал, или Война буров с англичанами».

Ресторанам, трактирам, закусочным давали новые названия: «Претория», «Трансвааль». Центром организации помощи бурским республикам стал Голландский комитет для оказания помощи раненым бурам. Его председателем был пастор голландской общины в Санкт-Петербурге Хендрик Гиллот. Комитет издал три воззвания к народу России. В первом, в октябре 1899 г., был призыв к сбору средств для раненых буров. Во втором, в ноябре, говорилось, что уже собрано 70 тыс. руб. и эти пожертвования направлены на организацию санитарного отряда на 40 коек под названием: «Русско-голландский походный лазарет». В третьем, в декабре, — что общая сумма пожертвований уже превзошла 100 тыс. руб., что госпиталь уже обеспечен средствами на шесть месяцев, считая проезд туда и обратно, врачи и сестры милосердия уже двинулись в путь: голландские — из Амстердама, русские — из Санкт-Петербурга.

Для сбора дополнительных средств комитет обратился к видным петербургским художникам, артистам, музыкантам, компо-

зиторам, писателям и общественным деятелям с просьбой прислать свои портреты, фотографии, автографы, картины и рисунки. Так появился альбом «С.-Петербург — Трансвааль», с репродукциями картин И.Е. Репина, Н.К. Рериха, К.Е. Маковского и других русских художников, с портретами и фотографиями артистов балета, оперы, драматических театров.

Сколько российских добровольцев сражалось на стороне бу-ров? Известны только подсчеты, сделанные английскими и американскими военными корреспондентами. Они оцениваются как наиболее достоверные и приводятся в ряде изданий: российских добровольцев — 225. Это, конечно, была малая толика из числа желавших. Уже в первые дни войны в редакции газет обращались «лично и письменно, многие лица с просьбой дать им указание, как прикомандироваться к направляющимся в Трансвааль добровольческим отрядам».

Но путь из России был дальше и дольше, чем из западноевропейских стран. Надо было добраться до Марселя или какого-нибудь еще порта Западной Европы, откуда плавали корабли на юг Африки. Дорога стоила громадных денег. К тому же русские, путешествуя зачастую в пределах своей огромной страны, имели намного меньше опыта в путешествиях за рубеж, чем европейцы.

Но даже о тех, кто смог добраться и принять участие в войне, о тех 225-ти, мы знаем очень мало! Основной источник сведений — отчет об этой войне, представленный военным атташе Василием Иосифовичем Гурко, когда он вернулся в Россию. Отчет подробный, объемистый — 340 страниц. Есть там и список русских добровольцев. Но названы только 25 фамилий, в основном офицеры. Да и о них сведения даны крайне лаконичные. Только фамилии (имена не названы), воинские звания (и те нередко перепутаны) и иногда наименования их полков в России. Военный атташе собирал сведения о новшествах военного искусства, применявшихся в англо-бурской войне, и явно не считал своей задачей сбор данных о добровольцах.

Елизавета Фокскрофт, русская эмигрантка, поселившаяся в Трансваале, собирая сведения в Государственном архиве в Претории о приезде волонтеров из России, смогла назвать еще только 14 человек, поскольку учет приезда добровольцев велся в бурских республиках только в первые месяцы войны. Так кто же были остальные 186?

Конечно, статистика в России никогда не была на высоте. Но не дать никаких сведений, даже фамилий подавляющего большинства, более 80 % добровольцев! И при том возбуждении, которое царило в России из-за этой войны! Поразительно.

И еще более удивительно, что никто из ученых — тех, кто касался темы о добровольцах, — даже не задался вопросом, кто же были эти люди. Мы долго бились над этим и в конце концов нашли ключ к загадке. Во всяком случае, кажется, что нашли.

Дело в том, что понятие «русские» трактовалось по-разному. У английских и американских журналистов, которые подсчитывали численность волонтеров от каждой из стран, был один подход. У официальных кругов России — другой. Журналисты, очевидно, считали русскими выходцев из России, которые осели в Южной Африке, равнительно недавно. Такого же подхода придерживались и английские власти. За помощь бурам они выселяли этих людей из Южной Африки на родину — в Россию. Подавляющее большинство этих иммигрантов были евреи. И во время войны 3 тыс. из них должны были вернуться в Россию. Но русской бюрократии очень не хотелось считать их своими, российскими подданными. Русские евреи, которые сражались среди бурских командос, не попадали ни в какие русские отчеты. А таких волонтеров было немало.

В русские отчеты не попали и осевшие в Южной Африке русские и литовцы. Приехавший в начале 1900 г. из России доброволец Владимир Рубанов вспоминал потом, что в «русском отряде» «были еще русские крестьяне, которые задолго до войны поселились в Южной Африке».

Другой вернувшийся в Россию доброволец вспоминал, что в «Русском отряде» было восемь иммигрантов из Литвы — все из под города Ковно (ныне — Каунас). Они эмигрировали в Южную Африку за два-три года до войны. Они, как и русские мужики, остались безымянными. Никто не зафиксировал их имен.

Не попали в официальные отчеты и многие другие добровольцы. Военное министерство интересовали главным образом офицеры, из чего и исходил Гурко, составляя свой список. А остальные — куда их приписать? Россия, как говорил Чехов, страна казенная. Большинство же добровольцев, очевидно, ни по какому государственному ведомству не числились. Они не укладывались в прокрустово ложе русской бюрократической статистики. Но и никакая

другая страна тоже не считала их своими. Вот они и выпадали из всех перечней.

Широкую известность среди добровольцев приобрели: Евгений Яковлевич Максимов — он стал бурским генералом, грузинский князь Нико Багратиони, Александр Иванович и Федор Иванович Гучковы.

Медицинский отряд Российского Красного Креста работал в Южной Африке с января по август 1900 г. В его составе были 6 врачей, 4 фельдшера, 9 сестер милосердия, 20 санитаров и 2 «агента по административной и хозяйственной части». За шесть с половиной месяцев он оказал амбулаторную помощь 5716, а стационарную — 1090 больным и раненым. Второй отряд — Русско-голландский госпиталь — тоже был снаряжен целиком на деньги, собранные в России. В него входили четыре российских врача и четыре сестры милосердия. Он работал в Южной Африке с февраля по май 1900 г.

Истории добровольцев, врачей, медицинских сестер и санитаров, участников той войны, с их яркими судьбами заслуживают особого разговора.

С одним из российских санитарных отрядов, созданных осенью 1899 г., ехала в далекую Южную Африку сестра милосердия С. Изъединова... После возвращения в Россию она написала книгу о месяцах, проведенных среди буров.

Вот отрывок из этой книги.

Софья Изъединова. Несколько месяцев среди буров. Воспоминания сестры милосердия:

«Одним из интересных явлений общественной жизни Европы на рубеже только что сменившихся двух столетий для будущего ее историка, несомненно, явится последовательное и, в большинстве случаев, совершенно бескорыстное увлечение героической борьбой за правое и патриотическое дело буров, проявленное обществом почти всех цивилизованных стран.

У нас, в России, общество горячо откликнулось на этот порыв и до сих пор деятельно проявляет свои симпатии многочисленными пожертвованиями, как явствует из опубликованного пастором Гиллотом отчета об употреблении сумм, поступивших в его распоряжение для облегчения участи несчастных бурских семей, лишенных этой жестокой войной крова и всяких средств существования.

Но особый интерес возбудило в нашем обществе образование еще в начале войны, т.е. осенью 1899 года, на общественные пожертвования санитарного отряда, снабженного средствами и всем необходимым материалом чуть ли не лучше всех остальных отрядов, перебивавших в Трансваале.

Для незнакомых с организацией этого дела напомним, что деньги, жертвуемые в пользу буров, за отказом принять их голландского посланника, обязанного по своему положению соблюдать полнейшую нейтральность, были направлены к пастору С.-Петербургской голландской общины, г-ну Гиллоту, известному по организации сбора пожертвований и дела помощи у нас в тяжелый 91-й год и во многих других случаях, требовавших широкой организации благотворительного дела. По его инициативе и под его председательством был организован комитет для помощи бурам, преимущественно из видных членов голландской колонии в С.-Петербурге, и, после запроса у поверенного в делах южноафриканских республик д-ра Лейдса, было решено на собранные средства отправить в Южную Африку санитарный отряд.

Этот отряд, совершенно независимый от высланного почти одновременно отряда русского Красного Креста, было решено образовывать только наполовину из русских; половину же его членов, ради удобства сношений с правительством и жителями Трансвааля, набрать в Голландии и во главе его поставить доктора-голландца. От русских же членов требовалось обязательно знание немецкого языка и выставлялась на вид желательность хотя некоторого знакомства с голландским или английским. Мне, занимавшейся уже более двух лет в больнице и хирургическом приеме Георгиевской общины сестер милосердия и хорошо владеющей немецким и английским языками, причем ознакомление с голландским не представлялось особенно затруднительным, удалось тотчас попасть в состав этого отряда. Остальные русские члены были врачи: Ф.К. Вебер, оператор петербургской больницы Св. Марии Магдалины, старший из русских докторов и единственный имевший степень доктора медицины; К.К. фон Рененкамф из Александровской немецкой больницы; Л. Борнгаупт, ассистент профессора Бергмана в Риге, и В. Ал. Кухаренко, врач московской больницы Св. Екатерины. Сестры, кроме меня, были: старшая, безусловно, самая опытная из нас, Иозефина Ежевская, сестра Крестовоздвиженской общины, работавшая уже

в санитарном отряде в греко-турецкую войну; Амалия Якобсен и Иоганна Мейер из Александровской немецкой больницы и Гильда Мейсер — Евангелической больницы, младшая из нас.

Персонал отряда, за немногими исключениями совершенно между собой незнакомый, впервые встретился (в полном составе) 11-го декабря 1899 года в квартире пастора Гиллота для подписания условий нашей поездки в Южную Африку на средства комитета, во главе которого он стоит. В этих условиях, кроме обязательного соблюдения нейтралитета между воюющими сторонами и остальных правил Женевской конвенции, многих из нас неприятно поразили размеры полномочий главного врача и начальника отряда, получавшего право не только бесконтрольно распоряжаться всеми материальными средствами отряда и рабочей силой его членов, но еще, без возможности протеста со стороны других врачей, удалить всякого неудобного ему члена, и удалить, не выдавая средств на возвращение в Европу, что, конечно, должно было служить побуждением для неимущих членов отряда подчиняться даже неразумным и некорректным выходкам и требованиям, если бы таковые обнаружались. Сознаюсь, что меня сразу покорила эта отдача нас на полный произвол хотя бы и хорошо рекомендованного, но все же совершенно неизвестного нам господина, и многие из товарищей впоследствии сознавались, что испытали то же самое чувство. Но мысль о необходимости дисциплины в таком трудном и ответственном деле, пример старших и более опытных членов отряда, каюсь, сознание, что я лично в крайнем случае всегда могу выбраться из этой истории на собственные средства, больше всего желание принять участие в интересной экспедиции, — все это в конце концов побудило нас всех подписать эти условия и тем поставить себя с самого начала в неправильное и фальшивое положение. Главного врача, амстердамского доктора фан Леерсума (специалиста по болезням желудка), многие из нас, сестер, даже и не видели в его короткий приезд в Петербург; доктора, кажется, раз с ним завтракали, и все мы положились на его чувство ответственности и порядочности и на осмотрительность комитета, руководившегося в этом выборе, кажется, рекомендацией голландского профессора Тиллапуса. Помощником себе в хозяйственной части д-р фан Леерсум взял знакомого уже с Трансваалем инженера, г. фан Мойэна, на обязанности которого лежало заведование всей хозяйственной

частью экспедиции и забота о продовольствии и передвижении отряда в незнакомой, редко населенной стране при тяжелых условиях военного времени.

Полагаю, однако, что не от человека, знакомого уже с Трансваалем и условиями его климата, исходили некоторые из наставлений насчет экипировки, переданные нам от комитета. На совещании по этому предмету, состоявшемся в квартире пастора Гиллота, мне, к сожалению, не довелось участвовать, так как извещение о нем случайно дошло до меня слишком поздно. Вполне основательно, как предохранительное средство от местных лихорадок, было требование носить шерстяное белье, хотя я знаю, что некоторые из членов отряда на свой страх от него уклонялись, к счастью, без особенно дурных последствий; также рационально было требование иметь высокие, непромокаемые сапоги для работы в полевых лазаретах. Но только человек, не знающий трансваальского климата, мог отсоветовать клеенчатые плащи для дождливого времени и кожаные или клеенчатые укладки для вещей. Кожаные и клеенчатые вещи, как известно, легко портятся в тропическом климате; но Трансвааль по своему положению вне тропиков и по своей высоте над уровнем моря не подпадает под эти условия, и все эти предметы употребляются местными жителями и продаются в Претории и других городах, но, как все предметы европейского ввоза, стоят там буквально вдесятеро против нашего, особенно в военное время, когда подвоз почти прекратился; например, за гуттаперчевый плащ с нас в Претории спрашивали около 6-ти фунтов, т.е. 60 рублей. Укладка, также, как мы убедились на примере самого Мойэна, вполне возможна в обыкновенные кожаные или брезентовые чемоданы или даже в простые деревянные ящики, как были уложены перевязочный материал, провиант, инструменты и все остальное амбулационное добро. Нас же почему-то обязали завести железные ящики берлинской фирмы Диппельскирх, специально занимающейся экипировкой для тропических стран; ящики на деле оказались довольно тяжелыми и громоздкими, и, кроме того, доставили нам еще удовольствие до Берлина тащить вещи в кое-какой временной упаковке, а там, вместо отдыха, торопиться перекладкой их в знаменитые железные сундуки. Предвидя возможность спешного передвижения с малым багажом, я, кроме того, захватила с собою в ремнях, вместо туги, поместительные кавказские седельные мешки и бурку, по

примеру сестер правительственного отряда Красного Креста, и эти две вещи оказались самой приятной и практичной частью моего багажа, так же как непромокаемые парусинные сапоги выше колен, также заимствованные мною у сестер официального отряда, снаряженных на основании опыта отряда, раньше отправленного в Абиссинию.

Форма нам, в отличие от сестер правительственного отряда, взятых из Георгиевской и Александровской петербургских общин, с их коричневым костюмом, была дана серая, из обыкновенной серой холстины, головная косынка и фартук обыкновенного образца русских общин, причем несколько странный вид должен был иметь только красный крест, нашитый у нас на необычном месте — а именно на задней части косынки, чтобы англичане по нас не стреляли, когда мы станем удирать, как острили некоторые; в действительности же этот крест, болтающийся на затылке, вблизи довольно курьезный, издали, по своему малому размеру, совсем терялся, и при работе в поле приходилось рассчитывать, конечно, уже не на него, а на общий вид костюма. На недостаток крестов, в видах безопасности, мы вообще жаловаться не могли: у нас, сестер, он, кроме затылка, был еще на груди, как у обыкновенных общинных сестер, и на перевязи левой руки, обязательной, по женевскому постановлению, для членов санитарного отряда в военное время. У докторов, кроме перевязи, были кресты еще на шляпах, и, кроме того, купленные ими в Берлине у Диппельскирха хаки и пальто оказались с маленькими красными крестами на воротниках и с чеканными крестами на металлических пуговицах.

Эти подробности теперь кажутся ничтожными, но тогда они нас очень занимали, стоили много обсуждения и взяли много времени для своего выполнения, так что некоторые из нас едва справились с экипировкой в данный нам 10-дневный срок. В то же время хотелось, по возможности, повидаться с родными и знакомыми, так как ехали мы с несколько преувеличенным понятием об ожидающих нас лишениях и опасностях и вполне помирившись с возможностью не вернуться вовсе...»

Активную роль в пробурской кампании играли монархические и черносотенные силы. Им эта война была крайне выгодна: на мировой арене ослаблялся главный соперник, Англия, в самой России бедствия народа отодвигались на задний план перед сочувствием

бедствиям чужого народа. Они стремились использовать войну для разжигания шовинизма.

С этой целью у буров подчеркивались черты подлинного и надуманного сходства с русскими — и именно те черты, которые правящая верхушка хотела бы культивировать в своем народе: патриархальность, фанатичную религиозность, неприятие «растленного» Запада. Все это должно было помочь властям бороться внутри страны с любыми силами протеста, кому были по душе достижения западных демократий. Так откликнулась на начало англо-бурской войны влиятельная газета «Новое время».

В той же статье прославление бура сопровождалось поношением англичанина: «Храбрый бур тшится отстоять свою независимость от прожорливого британца». Это противопоставление, буквально теми же словами, кочевало по страницам русской монархической печати.

МИГИ ИСТОРИИ: ПЯТЬ БЕГЛЕЦОВ

В феврале 1901 г. русское общественное мнение было занято прибывшими в нашу страну на короткий срок пятью бурами. Об этом весьма любопытном случае — дерзком по исполнению побеге бойцов, находившихся в английском плену и сосланных на остров Цейлон (Шри-Ланка), куда их везли на торговом транспортном корабле «Каталония», приспособленном под временную плавучую тюрьму и вставшем на рейд в порту Коломбо в водах, опасных из-за обилия акул, написано немало. Но только не в нашей стране...

В ночь на новый 1901 г. пятеро буров — Вилли Стейн, Джордж Стейтлер, его младший брат Лоу, Эрнст Хауснер и Пит Бота — спустились по веревке с борта судна, когда шлюпка с английскими охранниками была на другой стороне, и поплыли к стоящему в миле от них французскому пароходу. Но вскоре он снялся с якоря и уплыл.

Южноафриканские исследователи, позднее внимательно изучив документы, выяснили, что сбежавшим тем самым несказанно повезло — грузовой корабль, который они приняли за французский, был на деле английским!

Измощенным пленом бурам пришлось проплыть (по разным источникам) от двух до четырех миль до стоящего поодаль парохода и там звать на помощь. Их подняли на борт российского корабля

«Херсон», идущего в Одессу из Китая, и они от усталости в прямом смысле слова долго не могли объяснить, кто они такие. Таким образом, из плена они попали прямо за праздничный стол. Капитан торгового судна решил отвезти их в Россию.

Опасаясь обыска корабля при его стоянке в Адене, бежавших африканеров спрятали в одной из трех дымовых труб парохода.

Буров одели в русские солдатские шинели, чтобы избежать неприятностей с таможней, когда судно 2 февраля пришло в Феодосию. По приглашению пастора Гиллота они поехали на поезде в Санкт-Петербург, причем их нарядили в шубы и обеспечили всем необходимым. На каждой остановке их встречали и приветствовали люди, узнав о необычных проезжающих.

Ежедневные печатные издания поместили немало строк о пребывании спасшихся из плена в российский столице:

«В субботу, 27 января, в 8 часов 30 минут утра, спавшего еще голландского пастора господина Гиллота разбудил лакей и с испуганным лицом доложил ему, что в передней стоит солдат с пятью бурами.

Это были пятеро буров, которым в ночь на 2-е января, близ Коломбо, удалось бежать с английского военного транспортного судна «Каталония» и вплавь достигнуть парохода Добровольного флота «Херсон», на котором русские войска следовали из Китая обратно в Россию. Высадившись в Феодосии, буры, совместно с возвращающейся воинской частью, доехали до Вильны, а оттуда, 27-го января, прибыли в Петербург и, сопровождаемые провожатым-солдатом, явились к пастору Гиллоту, молва о котором, как ревнителе интересов их соотечественников, достигла их еще на морском пути...»

Н.И. Г-ей (*«Новости и биржевая газета»,*
1 февраля 1901, № 32).

Та же газета давала и некоторые подробности:

«Буры в Петербурге.

В дополнении к помещенным нами вчера сведениям о пяти бурах, гостивших у нас в Петербурге, сообщаем сегодня некоторые подробности относительно их пребывания в столице.

В течение пяти дней, проведенных ими в Петербурге, буры сохранили строгое инкогнито, лишь немногие лица, принадлежащие к голландской колонии, знали о приезде дорогих гостей. Голланд-

ский комитет с пастором Г. Гиллотом во главе поместили буров в меблированных комнатах на Малой Итальянской, и в лице секретаря комитета Л.К. Оберберга, приезжие нашли самого предупредительного чичероне. Бурские гости посетили Императорский Эрмитаж, Музей Императора Александра III (Русский музей), Исаакиевский собор и другие достопримечательности столицы. Побывали они также на керамической выставке, где долго осматривали выставленную серебряную братину генерала Кронье. Роскошный подарок русского общества их национальному герою привел буров в неописуемый восторг; они громко выражали свое восхищение и заявили, что по возвращении на родину расскажут своим соотечественникам, какой грандиозный подарок приготовил русский народ их заточенному полководцу...

31-го января, они ездили по магазинам, закупая необходимые для дороги вещи. Проведя часа два в беседе с петербургскими журналистами и, простившись с ними самым сердечным образом, наши гости со скорым поездом варшавской железной дороги в 10¹/₂ вечера отбыли из Петербурга.

К отходу поезда на вокзал собралась почти вся голландская колония, пожелавшая проводить дорогих гостей. Когда поезд тронулся, раздалось оглушительное “ура” и громкие пожелания счастливого пути отважным сынам покинутого всеми народа, стойко борющегося за лучшее достояние человека — свободу!

Голландский комитет выхлопотал для буров, явившихся в Россию без всяких документов, общий заграничный паспорт для беспрепятственного проезда через границу, снабдив их всем необходимым для путешествия и билетами 2-го класса до Берлина, и вручил им около 200 рублей на путевые издержки. Проведя сутки в Берлине у одного соотечественника, буры отправятся дальше, в Голландию.

(«Новости и биржевая газета», 2 февраля 1901, № 33.)

Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе спасшихся буров:

«Заводилой и душой побега с острова Цейлон являлся Вилли Стейн [Штейн]. Когда он вернулся после войны в Оранжевое Свободное государство, то узнал о смерти матери в концентрационном лагере в июле 1901 года. Ему пришлось ехать в концлагерь и забирать оттуда своих брата и сестру и заботиться о них. Вилли Стейн

заялся мелкой торговлей в поселке Хейлброн (был лавочником), но поскольку край этот сильно пострадал, то дела шли неважно.

Женился в 1903 г. на Алетте фан Зейл. Позднее, в 1908—1914 гг. он завел несколько магазинов, но не преуспел. С началом Первой мировой войны Вилли, по просьбе генерала Смэтса, пошел на военную службу в звании подполковника и отправился воевать в Германскую Юго-Западную Африку [ныне — Намибия] в составе полка так называемых стрелков Кару. Герб этих стрелков изображал человека, плывущего к кораблю, в память о победе из Коломбо.

Вилли Стейн возглавил свой полк на поле боя в Дойцвесте. За заслуги в этом сражении он был награжден орденом за отличную службу.

В 1916—1919 гг. он работал управляющим в сельскохозяйственных кооперативах. Но дела опять шли неважно.

В 1924 г. Стейн становится помощником главы местной администрации в местечке Кальвиния (Западный Кейп) и оставался на этом посту до самой смерти, последовавшей в 1946 г. в возрасте 70 лет. Интересно, что Вилли Стейн назвал своего младшего сына Владимир Петрофф Стейн (р. в 1913 г.) в честь Владимира Петровича Кизимова — старпома парохода “Херсон”.

Владимир Петрофф Стейн закончил Стеленбошский университет и сделал хорошую карьеру на госслужбе. Перед выходом на пенсию он занимал должность секретаря по обороне и туризму. Одна из его дочерей — Петровна Метерлеркамп живет под Кейптауном в местечке Франсхук.

Другой сын спасшегося из плена Вилли Стейна, Йохан Сиберт Стейн (р. в 1907 г.) тоже закончил Стеленбошский университет, занимался преподавательской, а позднее и предпринимательской деятельностью. Отойдя от дел, поселился на ферме, названной им “Херсон”, в честь корабля, на котором беглецы ушли из Коломбо, в местечке Лейденбург, где и провел остаток своих дней.

Другой из спасшихся из английского плена — Эрнст Хауснер после англо-бурской войны обосновался в Йоханнесбурге и никогда не был на виду. В последние годы жизни работал печником. “Старый лев” — таким было его прозвище скончался в 1938 г. в возрасте 67 лет, оставив после себя только вдову, поскольку был бездетен.

Один из братьев Стейтлеров — Джордж жил после войны на юго-востоке Оранжевого Свободного Государства. С 1912 по

1915 г. был членом Фольксраада и скончался в 1939 году в возрасте 63 лет. А его брат Лоу после англо-бурской войны обосновался в Капской колонии, женился и позднее купил ферму у своего тестя в местечке Бюрерсфорп. В течение многих лет успешно занимался разведением овец на шерсть и активно участвовал в политической жизни. Сначала, в 1917 г. стал депутатом Капского парламента, а с 1924 по 1945 г. был депутатом фольксраада от округа Альберта и позднее от округа Кимберли. Скончался в 1945 г. в возрасте 67 лет, после 21 года непрерывного пребывания членом парламента Южно-Африканского Союза.

Его сын — врач Ян Стейтлер (р. в 1910 г.) с 1954 по 1961 г. был членом фольксраада (причем, с 1959 г. — как член и руководитель Прогрессивной партии).

А дочь Лоу Стейтлера вышла замуж за профессора Фихарда, радиолога из Претории и внука президента Оранжевого Свободного государства Стейна.

Что же касается русского корабля, на котором пятерым храбрецам посчастливилось уйти из английского плена, то следует заметить, что в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. пароходы Добровольного флота использовались в военных целях, и “Херсон” был переименован во вспомогательный крейсер “Лена”.

(По материалам А. Притворова, Г. Шубина, А. Яковлева)

Поколение, рожденное в конце позапрошлого столетия, — сколько страшных войн оно повидало, сколько ему пришлось пережить потрясений! И все-таки детские впечатления о той далекой войне не стерлись, о них помнилось и на склоне лет. У того поколения южноафриканская война так и осталась неразрывно, неотделимо связанной с остальными ранними впечатлениями. Константин Паустовский почти через полвека писал: «Мы, дети, были потрясены той войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за независимость, и ненавидели англичан. Мы знали каждый бой, происходивший на другом конце земли... Мы зачитывались книгой “Питер Мариз, молодой бур из Трансвааля”».

Илья Эренбург незадолго до кончины вспоминал, как он сначала «написал письмо бородавтому президенту Крюге-

ру», а потом, стаив у матери десять рублей, «отправился на театр военных действий». Но его поймали и вернули.

Те, кто были тогда еще моложе, играли в войну буров с англичанами и, конечно, все хотели быть бурами. «Буром был и я, играя на улицах слободки и на гимназическом дворе», — писал о своем детстве С.Я. Маршак. Сестры Анастасия и Марина Цветаевы изрисовали всю бумагу в доме изображениями буров в широкополых шляпах и шаржами на королеву Викторю. Ее они изображали маленькой, толстой и носатой, с короной на голове.

Валентин Катаев. Разбитая жизнь. Фрагмент из воспоминаний:

«Александровский парк состоял не только из хорошо подстриженных влажных газонов, штамбовых роз, дорожек, усыпанных гравием, миртовых парапетов, стриженных узорчатых туй с туманно-голубыми смолистыми шишечками. В нем были также запущенные аллеи, дремучие закоулки, даже в одном месте в зарослях бурьяна сочился скудный ручеек, через который был перекинут дугообразный пешеходный мостик с перилами из неочищенных кленовых сучьев.

В этих глухих местах хорошо было играть в англо-бурскую войну, известную по картинам все той же “Нивы”.

Бурь были в широкополых шляпах, бородатые, увешанные патронташами, с винтовками в руках; англичане — не помню уже какие, кажется, в крагах, во френчах, в тропических шлемах, некоторые с трубками в зубах.

Буров я любил, англичан ненавидел. Почему? Неизвестно. Вернее всего потому, что бурь были простые трудящиеся, небогатые люди, любящие свою африканскую страну Трансвааль, а богатые и жестокие англичане хотели захватить у них их землю и превратить ее в свою колонию, а буров — в рабов — или что-то в этом роде.

Мальчики Александровского парка как-то само собой разделились на две партии. Одна была за буров, другая за англичан. Я заметил, что на стороне англичан были чаще всего мальчики — офицерские дети, которых иногда водили в парк гулять вместо няnek или бонн солдаты-денщики. За буров были мы, дети штатских родителей.

Но, боже мой, какая вражда, какая ненависть царила между нами — “бурами” и ими — “англичанами”! Они были отлично вооружены, у некоторых имелись даже отцовские старые шашки с темляками и заржавевшие солдатские штыки времен сравнительно недавней русско-турецкой войны. Мы были вооружены игрушечными ружьями с деревянными прикладами, выкрашенными линючей канареечно-желтой краской, с жестяными стволами, а также духовыми деревянными пистолетами рыночной работы, стрелявшими пробкой на веревочке.

В сущности, между ними и нами, между “англичанами” и “бурами”, сражений не было. Были взаимные угрозы и воинственные выкрики. Офицерские дети облюбовали себе небольшую горку, усыпанную скользкими сосновыми иголками, где по всем правилам военного искусства строили фортификации — небольшие земляные крепости, над которыми морской ветер колебал маленькие флажки, сделанные из обрезков орденских лент. Оттуда раздавалась военная команда, и мальчик-комендант грозил нам издали настоящей саблей. Мы же, бедные, обездоленные, но безумно храбрые “буры”, изгнанные проклятыми «англичанами» со своей земли, перешли к партизанской войне и воображали, что вместе с мулами, нагруженными ящиками с динамитом и пулеметами, скрываемся под мостиком среди бурьяна и болиголова, ожидая подходящего мига, чтобы взорвать пост и напасть из засады па «англичан».

Откровенно говоря, мы даже не знали, где происходит эта самая англо-бурская война: где-то в африканской пустыне, в какой-то стране Трансвааль, а может быть, где-то в другом месте.

...Александровский парк, его глухая, безлюдная часть, был нашим Трансваалем...

Мы, “буры”, не успели взорвать мост. “Англичане” напали на нас врасплох. “Буры” бежали. Один лишь я попал в плен, и меня привели на горку к английскому коменданту.

— Проклятый бур, теперь ты будешь расстрелян! — сказал комендант, обнажая саблю.

“Англичане” привязали меня скакалкой к небольшой южной сосне, от которой так жарко и так приятно пахло терпентином. Моя матроска приклеилась к тонкому чешуйчатому стволу, покрытому тягучими слезами смолы.

— Завяжите этому подлецу-буру глаза, — сказал комендант, но я сделал отстраняющее движение всем своим телом, давая понять, что хочу умереть с открытыми глазами.

“Англичане” нацелились на меня из захваченных у нас ружей с канареечно-желтыми липучими прикладами. Но я собрал всю силу своей воли и бесстрашно, как и подобает истинному буру, смотрел прямо перед собой широко раскрытыми жестокими глазами и видел вдалеке море, ярко синее в арках старинной кирпичной стены с ее верхушкой, поросшей бурьяном, зеленый газон со штамбовыми розами и двух пегих козлов, которые под водительством самого бога времени Хроноса медленно, названивая бубенчиками, везли дрожки с нарядными детьми, и я слышал глубокий скрип влажного гравия, и мне было ничуть не страшно, потому что тогда я еще был бессмертен.

...Мама смотрела на меня издали и смеялась...

Они не могли меня убить, потому что, захватив наши ружья, “англичане” не успели захватить наши пистоны, которые мы успели надежно спрятать в бурьяне под мостом, где в тени стояли наши воображаемые мулы, нагруженные воображаемыми ящиками с динамитом...»

Каким же сильным был в России отклик на эту войну, если он так помнился этим людям даже через много десятилетий!

(По материалам И. Филатовой)

ТРАНСВААЛЬ, ТРАНСВААЛЬ...

Закат XIX столетия. Начало XX, теперь уже ушедшего. Как раз тогда и родилась песня о чужой стране. И не просто чужой, а очень-очень далекой. Не о Франции или Англии, которые были как-то знакомы. Не о Германии или Турции, что лежали поблизости. Нет, о никому толком не известном Трансваале и о бурах — тех, кого теперь называют африканерами.

Песня о незнакомом крае земли, но ее не привезли из чуждальной стороны. Не перевели с других языков. Сложили здесь. То была русская народная песня!

Паустовский, которого мы уже цитировали, вспоминал о том времени (он был тогда гимназистом, жил в Киеве): «Даже киевские шарманщики, игравшие до тех пор только “Разлуку”, начали играть

новую песню: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне» За это мы отдавали им пятаки, припрятанные на мороженое».

Уже в глубокой старости Виктор Борисович Шкловский писал: «Помню англо-бурскую войну — начало XX века... Буров знали все. Знали цилиндр президента Крюгера, и сейчас я помню фамилию бурского генерала Девета и узнал бы его по портретам... Понимали, что англичане в Африке обижают крестьян, но у тех есть ружья и они отстреливаются. Улица пела песню:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя! Ты вся горишь в огне.

Где только ни пели ее тогда, на заре нашего столетия... И в петербургских ресторанах, и в забытых богом селах Пошехонья, и на сибирских трактах. Одни пели ее после «Боже, царя храни», а другие — после «Варшавянки».

Девочке Ане Горенко шел одиннадцатый год. Потом Анна Ахматова вспомнит:

Суровы и хмуры...

С винтовками буры.

Песня, о которой все вспоминали потом, даже в старости... Тогда-то ее и играли шарманки и граммофоны. Начальный текст появился в самые первые недели англо-бурской войны, осенью 1899-го. Он принадлежит Г.А. Галиной. Это псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг, в замужестве Гусевой-Оренбургской. Она была известна и как автор романсов: на ее стихи писали музыку Рахманинов и Глиэр, Гнесин и Гречанинов.

На англо-бурскую войну Г.А. Галина откликнулась рядом стихотворений. Да ведь и не она одна. Немало было в нашей стране написано тогда стихов и песен, немудрёных, но, безусловно, искренних. Например, «Трансваальская песня» А. Каптерева. Были переведены и печатались вместе с нотами гимны и песни самих буров: гимн Трансвааля и Оранжевой республики.

Но жить осталась только одна — та, что у Г.А. Галиной называлась «Бур и его сыновья». Да и она, став народной, изменилась почти до неузнаваемости и существует во многих вариантах. В тексте Галиной не было многих строф, не было даже первых, самых известных строчек («Трансвааль, Трансвааль, страна моя...»).

Потом песня отделилась от трансваальских событий. Их канонада давно оттремела, а ее пели и пели. Михаил Исаковский, ав-

тор повсеместно известной «Катюши», писал в 1953 г.: «Эта песня была очень широко распространена в деревне, вероятно, году в 1911, 12 или 13». А в своих воспоминаниях, изданных в 1969-м, он рассказал: «...Особенно мне нравилась песня “Трансвааль”. Летом в ясный солнечный день идешь, бывало, по полю и, забыв про все на свете, поешь, что есть силы:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне.

Я, конечно, не очень понимал тогда смысл этой песни и, разумеется, не имел никакого представления о стране Трансвааль и англо-бурской войне... И все же песня волновала меня до глубины души». Вспоминал, что даже слезы выступали на глазах, когда доходил до строк:

А младший сын — тринадцать лет —
Просился на войну.
Но я сказал, что — нет, нет, нет! —
Малютку не возьму.

Эту песню, редко на марше — не маршевый был у нее мотив, — но часто вечерами в казармах или на привале пели солдаты в германскую войну.

Пели ее и в Гражданскую. Сибирские партизаны — часто со словами «Сибирь, Сибирь, страна моя». Людям слышался в ней не далекий Трансвааль, а своя боль, боль страны, что вся в огне.

С тех пор ее так полюбил Александр Фадеев. Он воевал в дальневосточной тайге, был ранен, и потом, когда к нему приезжали друзья из тех краев, «случалось, хозяин и гости вполголоса, но очень ладно и проникновенно запевали какую-нибудь из популярных в годы Гражданской войны песен. Чаще всего знаменитый “Трансвааль”». Так вспоминалось Валерии Герасимовой, жене Фадеева.

Поют эту песню и герои фадеевских книг «Молодая гвардия» и «Последний из уздэге».

А вот воспоминания об осажденном Ленинграде грозного 1941-го: медсестра в госпитале поет раненым «Трансвааль»...

Вспоминали «Трансвааль» и в Харбине, где голос Вертинского рыдал: «Тут шумят чужие города, и чужая плещется вода, и чужая светится звезда... и чужая радость и беда». И заклинал: «Надо жить, не надо вспоминать!»

Трансвааль, Трансвааль — страна моя!.. —
 Каким она путем
 Пришла в смоленские края,
 Вошла в крестьянский дом?..

Я даже знал тогда едва ль —
 В свои двенадцать лет, —
 Где эта самая Трансвааль
 И есть она иль нет.

И все ж она меня нашла
 В Смоленщине родной,
 По тихим улицам села
 Ходила вслед за мной.

И понял я ее печаль,
 Увидел тот пожар.
 Я повторял:
 — Трансвааль, Трансвааль. —
 И голос мой дрожал.

Да простит нас читатель за длинную цитату. Но уж очень хорошо по ней видно, что та далекая трансваальская война и та старая песня — часть прошлого и нашей страны, нашего народа.

И совсем недавний, грустный отголосок: в феврале 2004 г. столь близкое нам теперь название прозвучало в сводках аварий и катастроф. Обрушилась кровля московского аквапарка «Трансвааль». 28 погибших. Жаль, что мало кто знал тогда, что такое настоящий Трансвааль, и хорошее название вспоминали в таком печальном контексте.

РОЖДЕНИЕ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

В странах Южной Африки, оказавшихся под британским господством, годы, следовавшие за англо-бурской войной, были периодом восстановления «европейского» хозяйства и довольно заметного экономического подъема. Развивалось горное дело, росли города, все шире становилась железнодорожная сеть.

Вопрос о взаимоотношениях англичан и буров занимал одно из ведущих мест в политической жизни Южной Африки.

Британское правительство хотело сгладить противоречия между белыми в стране, где эти белые окружены африканцами и не могут позволить себе роскоши тратить силы на сведение взаимных счетов, если хотят держать африканцев в подчинении. Поэтому правительство Англии провозгласило политику «великодушия» по отношению к бурам. Англо-бурская война была, очевидно, единственной войной в истории, когда контрибуцию платил не побежденный победителю, а наоборот: Великобритания обещала выплатить бурам 3 млн ф. ст. в качестве компенсации за уничтоженное имущество,

М. Ганди у своего бюро в Дурбане

а в дальнейшем выплатила значительно больше. В 1906 г. бурские республики получили автономию во внутренних делах.

В среде бурских правящих кругов не было единства в отношении к англичанам. Часть лидеров, такие, как генералы закончившейся войны Луис Бота и Я.Х. Смэтс, выступали за сотрудничество, многие другие — за непримиримость.

Сближению позиций бурских лидеров и английских властей способствовали восстание зулусов в Натале в 1906 г. и освободительная борьба гереро и нама в соседней Германской Юго-Западной Африке в 1904—1907 гг. «Туземная опасность» снова встала на повестку дня и сблизила английских расистов с бурскими.

В ходе различных переговоров и конференций готовилось провозглашение Южно-Африканского Союза (ЮАС) — нового доминиона, в котором объединились две английские колонии с двумя бывшими бурскими республиками.

Ни один неевропеец не был приглашен в 1908 г. на так называемый национальный конвент представителей Капской колонии, Натала, Трансвааля и Оранжевой республики, на котором английские власти договорились с бурской верхушкой об основных принципах нового доминиона. В 1909 г. английский парламент опубликовал Южноафриканский акт — конституцию ЮАС, действовавшую затем в течение 50 лет, одну из самых расистских конституций в мире.

31 мая 1910 г. состоялось официальное провозглашение Южно-Африканского Союза. Премьер-министром первого правительства нового доминиона стал Луис Бота, его ближайшим помощником — Смэтс. Оба они принадлежали к Южноафриканской партии, объединившей в период подготовки к провозглашению доминиона весьма различные африканерские политические партии и организации.

Официально эта партия была создана в ноябре 1911 г., после того как она уже в течение некоторого времени находилась у власти и одержала победу на первичных выборах 1910 г., получив в парламенте 66 мест из 119 (37 голосов получила Юнионистская партия, представлявшая оппозицию — местных джинго, британских шовинистов, 5 — Лейбористская партия, созданная в 1909 г., и 11 — независимые).

Провозглашение доминиона сопровождалось многочисленными заверениями о грядущем благоденствии «туземцев», однако сущность нового государства мало для кого оставалась тайной. ЮАС родился в результате сговора английского колониализма с крупными бурскими землевладельцами для эксплуатации и подавления африканцев, что отразилось и в законодательстве доминиона. Со вступлением в силу Южноафриканского акта началась полоса законодательной деятельности, направленной на осуществление единой, унифицированной системы гнета.

Одним из первых законопроектов, внесенных на обсуждение парламента ЮАС, явился «Билль о землях туземцев» (законом стал в 1913 г.). Он запрещал африканцам покупку, аренду или приобретение каким бы то ни было путем земельных участков, расположенных за пределами «зарегистрированных туземных районов», т.е. резерватов; запрещал денежную и издольную аренду; пользоваться землей фермеров-европейцев разрешалось только на условиях отработок, не меньше 90 дней в году. Этот закон наносил удар по интересам подавляющего большинства населения.

В ОРБИТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

С началом мировой войны отношения в правящих кругах ЮАС обострились, резко усилился англо-бурский антагонизм.

В августе 1914 г., когда разразилась война, кабинет генерала Луиса Боты принял решение об участии ЮАС в войне на стороне Англии, не согласовав его с парламентом (парламентарии были на каникулах). Правительство Великобритании настаивало, чтобы войска ЮАС приступили к подготовке захвата Германской Юго-Западной Африки; Бота уступил и этому требованию.

Эти решения в основном были поддержаны Южноафриканской партией, возглавлявшейся самим Ботой, и, разумеется, Юнионистской партией. Но значительная часть буров не желала участвовать в войне на стороне своих недавних врагов и к тому же против Германии, правительство которой всячески выражало симпатии Крюгеру во время бурской войны.

Подобные настроения отражала Националистическая партия. Она возникла в результате происшедшего в 1912—1913 гг. раскола Южноафриканской партии и была официально провозглашена накануне войны, в январе 1914 г., на съезде в Блумфонтейне. Во главе ее стал генерал Д.Б.М. Герцог. Ранее он входил в Южноафриканскую партию и занимал в правительстве Боты — Смэтса пост «министра по делам туземцев». Именно он составил земельный законопроект, который был принят в 1913 г., несмотря на бурные протесты африканцев. Однако Герцог считал, что Бота и Смэтс в угоду английскому империализму изменяют бурскому национализму. Поэтому в 1913 г. он вышел из партии, а еще ранее был выведен из правительства.

На сессии парламента, созванной 9 сентября, Герцог и его сторонники энергично протестовали против того, чтобы Англия использовала Южную Африку в своих империалистических целях. Он резко протестовал против вторжения на территорию германских владений.

Воинствующие бурские националисты не ограничивались такими заявлениями. Их вожди сочли, что создалась обстановка, когда можно выступить против господства Великобритании и провозгласить страну независимой бурской республикой. Эти чувства разделяли командующий вооруженными силами ЮАС генерал Бейерс, легендарные герои бурской войны генералы де ла Рей, де Вет, Кемп и многие другие.

Однако в рядах бурских националистов не было единства. Де ла Рей, де Вет, Кемп выступали за немедленное вооруженное восстание под знаменем независимой бурской республики. Генералы Бейерс, Мюллер и, очевидно, Герцог занимали более осторожную позицию. Они считали возможным выступать лишь против войны с Германией и проанглийского курса правительства Боты. Методом борьбы они считали давление на правительство — может быть, даже вооруженное, если будут исчерпаны остальные средства.

В середине сентября 1914 г. генерал Бейерс демонстративно вышел в отставку в знак протеста против решения правительства о подготовке войск для вторжения в Германскую Юго-Западную Африку.

Еще в конце августа из Юго-Западной Африки в ЮАС, в район, где стояли части генерала Мани Марица, вторгся отряд буров:

когда-то, в 1902 г., они ушли к немцам, не желая подчиняться английскому господству, и теперь выступили с лозунгом восстановления бурской независимости. Правительство приказало Марицу дать им отпор, но он 9 октября объявил себя «освободителем Южной Африки», опубликовал манифест, в котором говорилось, что его планы одобрены де Ветом, Бейерсом и Герцогом, и создал временное правительство. С губернатором Юго-Западной Африки он заключил договор о том, что Германия признает независимость Южной Африки.

Это стало началом открытого восстания. Через несколько дней Бейерс, Кемп и Мюллер подняли восстание в Трансваале, а де Вет — в Оранжевой республике. Всего выступило 11 тыс. повстанцев. Но на стороне правительства было 30 тыс. человек, в том числе несколько батальонов английских регулярных войск. К тому же среди повстанцев не было единства действий.

В Трансваале и Оранжевой республике силы повстанцев были разгромлены в декабре 1914 г., а к концу января 1915 г. капитулировали и отряды Марица. Руководители восстания были отданы под суд. Герцог прямого участия в военных действиях не принимал, и на него репрессии не распространились.

Вскоре военные действия были перенесены на территорию Юго-Западной Африки. Против нескольких тысяч немецких солдат Бота отправил 50 тыс., а английский флот еще в декабре 1914 г. захватил все порты германской колонии. В начале июля 1915 г. немцы прекратили сопротивление.

После этого правительство Боты послало две дивизии (20 тыс. солдат) для участия в войне за пределами Южной Африки: одну — в Египет, а вторую — на европейский фронт, причем впоследствии ее состав пришлось трижды полностью обновлять из-за больших потерь. Несколько десятков тысяч человек были направлены в Германскую Восточную Африку и вплоть до окончания мировой войны сражались там с корпусом П. фон Леттов-Форбека.

На парламентских выборах в октябре 1915 г., в которых впервые принимала участие партия «герцогитов», ей удалось собрать 30 % всех голосов. Партия Боты — Сметса потеряла абсолютное большинство в парламенте и попала в зависимость от

юнионистов, находившихся с нею в союзе. Это предопределило еще более проанглийский курс правительства и вызвало еще большее раздражение сотен тысяч буров, которые считали Боту и Смэтса предателями.

КУРЬЕЗЫ ИСТОРИИ: ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Среди четырнадцати боевых наград южноафриканского генерала Кеннета Рейда фан дер Спая — две российские: Георгиевский крест и орден Св. Владимира. Среди двенадцати наград подполковника Сэма Кинкида, кроме Георгия и Владимира, еще ордена Св. Анны и Св. Станислава...

Об этом написал журнал «Музейное обозрение», который издается Южноафриканским национальным музеем военной истории. В статье, опубликованной в 1985 г., говорилось, что Кинкид, летчик-ас Первой мировой войны, погиб еще в 1928-м — когда его самолет разбился, а генерал фан дер Спай здравствует и поныне.

— На эту статью я наткнулся, когда работал в архивах и библиотеках Кейптауна, в конце 1991 г., — рассказывает А. Давидсон. — Конечно, мне сразу же захотелось узнать побольше, а может быть, даже познакомиться с генералом фан дер Спаем. Ведь, как следовало из статьи, еще недавно он был жив.

Я разыскал его адрес. Это ферма неподалеку от университетского города Стелленбоша — меньше часа езды от Кейптауна. И сразу же поехал. Но уже в Стелленбоше узнал, что генерал умер. Совсем недавно, в мае того же 1991-го. Не дожил до своего столетия лишь несколько месяцев.

А живы ли его родные? Да, конечно. Прежде всего, жена, Юна фан дер Спай. Она намного моложе мужа.

Позвонил ей. Можно ли прийти? Пожалуйста. Когда? Да прямо сейчас!

Красивые, вернее даже, прекрасные, фермы — в Южной Африке не редкость. Но такой мне еще не встречалось. Розы, розы — таких я никогда и нигде не видывал. Ферма вполне соответствовала своему названию — «Старый нектар».

Юна фан дер Спай улыбнулась моим восторгам и сказала:

— Да, мы с мужем несколько десятков лет разводили розы.

Помимо роз я получил в подарок еще и фотографии фан дер Спая, и статьи о нем из журналов, а главное — дневник, который он вел в Москве в 1919—1920 гг.

Генерал написал о российском периоде своей жизни в книге воспоминаний — она вышла в 1966 году. Но дневниковые записи дают более богатый материал.

Во время Первой мировой войны фан дер Спай, африканер, или, как тогда у нас говорили, бур, сражался против немцев в африканских колониях Германии и в Европе. Один из первых южноафриканских летчиков, он окончил войну подполковником. В 1918-м, когда Антанта решила помогать белым в борьбе против большевиков, он возглавил эскадрилью британских Королевских воздушных сил, которая действовала в районе Архангельска. В эту эскадрилью он отобрал, наряду с англичанами, австралийцами и канадцами, трех летчиков-южноафриканцев.

Фан дер Спай в своих мемуарах рассказал об участии в военных операциях, о боевых вылетах, за которые и был награжден орденами. Но дневниковые записи открывают еще более интересный для нас период его жизни — когда он находился в плену. Эти записи начаты 24 апреля 1919 г. Фан дер Спай вылетел на самолете «Немел» бомбить позиции Красной армии, но, сбросив бомбы, он обнаружил, что мотор выходит из строя. Приземлился на берегу реки Вага, должно быть, на полпути между Архангельском и Вологодой. При посадке машина перевернулась. «Выбрался из-под нее после 30 минут тяжелых усилий. Машина сгорела еще до приближения врага. Спрятался в лесу. Лесок прочесали пулеметными очередями. Поисковые группы прошли в 30 ярдах от меня».

Попытался пробраться на север, к белым. Но перейти реку не смог: лед был уже ненадежный. 26 апреля его, измученного, изголодавшегося, обнаружили и взяли в плен.

Повезли в Вологду. Добрались туда только 8 мая. В дневнике фан дер Спай жалуется на бездорожье, но не на дурное обращение. Скорее — наоборот.

Запись 26 апреля: «Относятся ко мне хорошо, дают ту же пищу, что и моим конвоирам». 28 апреля: «Привели в монастырь; офицер, говорящий по-немецки, дал несколько английских книг». 2 мая: «Ночевал в крестьянском доме на берегу реки Пуна. Интересный и очень гостеприимный старик. Это дом одного из моих конвойных».

Шли по деревням, наполовину опустевшим. С едой повсюду плохо. 5 мая: «Остался черный хлеб. Чая нет».

Пробыл в Вологде три дня. В Москву привезли 10 мая и сразу же повели в гостиницу «Метрополь», где размещался тогда Наркоминдел.

Запись 10 мая: «Доставили в отель “Метрополь”, штаб-квартиру министерства иностранных дел. Я попросил встречи с Чичериным. Состоялся разговор с Литвиновым. Мне сказали, что известие обо мне передано телеграфом в Архангельск и принято там. Просил Литвинова отправить меня в Архангельск, чтобы там попытались меня обменять, но безуспешно. Мне было сказано, что я должен оставаться здесь, пока британские войска не уйдут из России — если только англичане не согласятся обменять меня вместе с остальными англичанами, оказавшимися в плену, на находящегося в Англии моряка Раскольников. Меня отправили в Кремль и тщательно обыскали — первый раз после того, как захватили в плен! Дали комфортабельную комнату со всеми удобствами. Сейчас я совсем один; стражник — у двери, которая ведет в длинный коридор. Хотел бы повидать других пленных. У меня есть немного табака, который дал мне один большевик... Дверь заперта и постоянно часовой. Ни еды, ни питья пока нет».

Кормили пленника, конечно, плохо. Но приходили посылки Британского и Датского Красного Креста. Обращение было достаточно корректное. Однажды к нему самолично пожаловал даже замнаркома Литвинов. Не так уж много английских офицеров столь высокого ранга было в плену у красных. Но когда во время прогулки с ним заговорила по-английски молоденькая учительница, водившая по Кремлю экскурсию школьников, ее арестовали. Позднее фан дер Спай встретил ее в Бутырской тюрьме.

Через две с половиной недели фан дер Спая вместе с еще несколькими офицерами, захваченными на архангельском фронте, перевели из Кремля сперва в помещение французской миссии, а затем в дом английской миссии, у Красных Ворот.

Все офицеры находились как бы под домашним арестом. 1 июля они дали слово не совершать попыток к бегству, и им предоставили довольно большую свободу. Разрешили даже ходить по вторникам и пятницам на симфонические концерты — слушать Римского-Корсакова, Чайковского, Грига.

Перелом в их судьбе произошел в середине августа. Они узнали, что под Мурманском захвачены в плен 30 или 40 английских офицеров и солдат и что содержат их в совершенно иных условиях — в Бутырской тюрьме. Фан дер Спай и находившиеся вместе с ним офицеры в знак солидарности с соотечественниками заявили протест и демонстративно отказались от данного ранее обещания не совершать попыток к побегу. Литвинов ответил им: «Пеняйте на себя. Я не отвечаю больше за вашу судьбу».

Их передали в ведение ЧК и отправили в Бутырки. Фан дер Спай оказался в камере с еще 37 заключенными, уже российскими.

Запись 23 августа: «Суп дают дважды в день — в 12 часов и в 6 вечера. И больше ничего, кроме полуфунта черного хлеба. В уборную — три раза в день: в 6 утра, в 12 и в 6 вечера». Редко кому удавалось раздобыть махорку.

Потом бывало и хуже. И камера — на двести человек. И еда — кипяток и два куска хлеба в день, утром и вечером. Фан дер Спай страшно исхудал. Его не обошли свирепствовавшая вокруг дизентерия и куча других болезней.

И все же, конечно, положение фан дер Спая было несравнимо лучше удела его теперешних сокамерников. Англичане получали посылки Красного Креста. Их посещал пастор. И, главное, им не угрожал (или почти не угрожал) расстрел — судьба многих россиян.

Запись от того же 23 августа: «В газетах сообщение о телеграмме из Лондона. Наше правительство считает Ленина, Троцкого и Чичерина персонально ответственными за жизнь арестованных британцев».

Запись 18 ноября: «Вчера вечером англичане и французы встречались в “Метрополе” с Чичериным. Он сказал, что всех скоро отпустят домой. Он надеется, что “ни один не унесет с собой дурного впечатления о пребывании в Советской России”».

Такие вести, конечно, придавали фан дер Спаю бодрости, вселяли в него надежду.

Но выпадали на долю узников и, как сказали бы теперь, положительные эмоции. Странное это было время! В тюрьму пригласили Шалапина — выступить перед арестантами. «Это, несомненно, самое восхитительное исполнение, какое мне когда-либо посчастливилось видеть и слышать, и я никогда его не забуду». В тюрьме фан дер Спай познакомился с князем Феликсом Юсуповым, участ-

ником заговора против Распутина, и с генералом Поливановым, царским военным министром. Он вел с ними долгие беседы, а с Юсуповым и переписывался, когда оба вышли из тюрьмы и оказались за границей.

21 марта 1920 г. фан дер Спая перевели из Бутырок в Андроников монастырь. Объявили, что его и других пленных отправят домой. Чтобы смягчить впечатление от Бутырок, их водили в картинные галереи, в Кремль, в Большой театр.

В «Севильском цирюльнике» главную роль исполнял Шаляпин. «В антракте я пошел за кулисы повидать его. Он был рад. Когда я уходил, долго тряс мою руку, тепло обнял и сказал:

— Лондон, дорогой Лондон! Боже, увижу ли я когда-нибудь мой дорогой Лондон снова?»

6 апреля 1920 г. поезд унес фан дер Спая из Москвы в Петроград. Оттуда, через Финляндию, домой. Обо всем этом фан дер Спай писал и в своих мемуарах. Даже через много лет, после участия в «Битве за Англию», после Дюнкерка, он размышлял о том, московском, годе своей жизни. И пришел к выводу, что извлек из тогдашних перипетий много полезного. Подумал, о чем раньше не приходилось задумываться. Открыл для себя многие скрытые дотоле жизненные ценности. Понял многое в человеческих отношениях. И встретил поразительно интересных людей.

Второй георгиевский кавалер, Сэм Кинкид, сражался не на севере, а на юге России. В плену он не был. Но зато повоевать ему довелось долго, около года.

Он, ас германской войны, сбивший 39 немецких самолетов, прошел потом с Добровольческой армией Деникина путь от Новороссийска до Царицына. И с нею же отступал обратно, до того же Новороссийска.

С весны 1919-го до весны 1920-го Кинкид командовал звеном самолетов «Кемел» в эскадрилье британских Королевских воздушных сил. За успешные боевые действия в сражении за Царицын Врангель лично благодарил Кинкида и его летчиков.

Очевидно, тогда же награждали и орденами. К сожалению, самих наградных документов я не видел, да и не уверен, что в пламени Гражданской войны они могли сохраниться.

Кинкид не оставил мемуаров, но о нем написали его товарищи. Ему посвящена изданная в Англии и США книга «Последний по-

езд через ростовский мост». В рассказах об этом южноафриканце тоже как-то странно то и дело читать упоминания о Екатеринбурге и Тихорецкой, о генералах Деникине, Врангеле, Мамонтове, Шкуро, Слащеве, Май-Маевском. О Махно. О кубанских казаках.

Летчики Кинкида обращались друг к другу: «Кунак».

Кинкид и его подчиненные оказались в числе тех, кто последними переходили мост через Дон. И им пришлось самим уничтожать свои самолеты.

Леденящие кровь впечатления от разгрома Добровольческой армии и эвакуации из Новороссийска. Увиденные глазами иностранцев, эти сцены выглядят еще ужаснее.

Кинкид и его летчики, двадцатилетние парни, за этот год успели влюбиться. Но у одних возлюбленные умирают от холеры и тифа, а других не удается взять на корабль...

Российские офицеры-добровольцы в 1900 г., во время англо-бурской войны, сражались в Трансваале, видели трагедию той страны. Спустя двадцать лет южноафриканцы стали георгиевскими кавалерами и увидели бесчисленные трагедии России. Не парадокс ли?

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Страна, как на дрожжах поднявшаяся благодаря развитию горнодобывающей отрасли, ускоряла процессы урбанизации, охватившие как африканеров, так и африканское население. К тому времени англо-африканцы жили преимущественно в городах, азиатское население концентрировалось в районе Дурбана, а цветное — в западной части Капской провинции. Проживавшие в городах африканцы были либо отходниками, работавшими на горнодобывающих предприятиях, либо становились горожанами, получив работу в качестве домашней прислуги у белых или в обрабатывающей промышленности.

Росло число африканцев, занятых в промышленности. Многие буры-африканеры тоже переселялись в города, пик этого процесса пришелся на период мирового экономического спада 1930-х гг. Перебравшись в город, эти малоимущие белые часто поселялись в трущобах рядом с цветными и африканцами.

В 1919 г. преемником Боты на посту главы правительства ЮАС стал Я. Смэтс. Власти уделяли значительное внимание сохранению привилегированного положения белого населения.

В 1911 был принят закон, по которому определенные должности в горнодобывающей промышленности могли занимать только белые. В 1913 г. вступил в силу закон «О землях аборигенов», закрепивший принцип раздельного проживания африканцев и белых.

Созданное в 1924 г. правительство Национальной партии во главе с Дж. Герцогом занялось решением проблем бедной части белого населения. Циркуляр 1926 г. ужесточил закон 1911 г., резервирующий за белыми определенные должности в горнодобывающей отрасли. Государственным железным дорогам, главному работодателю страны, было предписано принимать белых на некоторые должности, не требовавшие квалификации. В городах неимущие белые стали получать денежные субсидии на приобретение жилья, а в вооруженных силах были созданы специальные части, в которых белая молодежь обучалась торговле.

Генерал Герцог, занявший в 1924 г. пост премьер-министра, стремился решить «проблему аборигенов» путем усиления расовой дискриминации. В 1930 г. политические права, которыми обладали африканцы и цветные Капской провинции, были ущемлены, поскольку право голоса получили все взрослые белые мужчины ЮАС, а для черных и цветных мужчин сохранялись имущественный и образовательный цензы. В 1931 г. избирательные права были предоставлены женской части белого населения.

Быстрый рост добычи золота позволил перестроить Йоханнесбург и повысить жизненный уровень белого населения. Продолжался приток в города африканеров и африканцев. Работающим в городе африканцам отныне предписывалось жить в специальных поселениях за чертой города.

В 1936 г. правительство предприняло попытку расширить площадь резерватов для африканцев до 13 % от общей территории страны и выделить дополнительные средства на развитие районов проживания африканского населения. Были выделены ассигнования на развитие системы образования для африканцев, которая в основном финансировалась из средств христианских миссий.

Национальная партия, которая поддерживала большую часть этой программы, в 1937 г. призвала к распространению системы апартеида на цветное население.

Вообще 1930-е гг. были временем подъема национализма африканеров. В университете лучшие профессора подводили идеологическую базу под незыблемость Богом избранной нации. В то же время по инициативе АНК впервые объединились группы чернокожих, индийцев и метисов, собравшиеся в 1935 г. в Блумфонтейне на Всеафриканский съезд.

Тем не менее в 1936 г. чернокожие в Капской провинции были лишены избирательного права, которым они пользовались с 1856 г.

Между тем топот гитлеровских сапог докатился и до Южной Африки, где прошли многочисленные антисемитские демонстрации. Возникло движение серорубашечников по модели нацистских штурмовиков. Другие молодые ультра создают пронацистское движение, активистом которого вскоре станет Форстер (премьер-министр ЮАР в 1966—1979 гг.). В 1939 г. ЮАС объявляет войну Германии. Более 12 тыс. жителей Южной Африки погибли во время Второй мировой войны. Войска ЮАС участвовали в боях в Эфиопии, Северной Африке, а при проведении итальянской кампании они первыми вошли во Флоренцию. Чернокожие были во вспомогательных отрядах, без оружия и часто погибали рядом с белыми.

МИГИ ИСТОРИИ: ОТ СТАРОЙ КЕЙПТАУНСКОЙ КРЕПОСТИ ДО МУРМАНСКА

В Южной Африке, под Кейптауном, А. Давидсон как-то встретился с человеком, который помог нашим летчикам в 1943-м, — в сущности, спас их. И это лишь один из примеров, как южноафриканцы и русские воевали вместе во Второй мировой войне.

— В крепости, построенной больше трех веков назад, когда Кейптаун еще именовали по-голландски Каапстадом, есть военный музей, — рассказывает Аполлон Борисович. — Он не так давно обновлен и открыт после перерыва. Удостоился быть на церемонии открытия и я. На большом плацу внутри крепости — войска, оде-

тые в голландскую военную форму XVII века, исполнялись старинные марши.

После парада — осмотр экспозиции музея. Раньше там была представлена только история белых: голландцев, буров, англичан, а теперь и боевое прошлое народов банту: зулусов, коса, сото... Историю белых потеснили, но не вытеснили. Недалеко от входа осталась фигура мушкетера д'артаньяновских времен: ведь на мыс Доброй Надежды переселялись когда-то и французы — гугеноты из-под Ла-Рошели. Мушкетера сделали реалистично, и он мало похож на опозитизированных Атоса-Портоса-Арамиса.

Меня интересовали не только экспозиции, но и запасники. И больше всего — маленькое зеркальце. Не само по себе, а из-за надписи, начертанной на оборотной стороне: «От советских летчиков — лучшему другу Wolhuter, sergeant S.G. за оказанную помощь. Герой СССР Козуля. 5.12.43».

Зеркальце, подаренное советскими военнопленными южноафриканскому сержанту во время Второй мировой войны.

Тот, кому обращена эта благодарность, бережно привез зеркальце с войны, из лагеря для военнопленных в Германии, и вот оно уже почти шестьдесят лет хранится здесь, в Кейптауне. Конечно, первым делом мне захотелось узнать, кто такой этот сержант Волхютер. Долго расспрашивать не пришлось.

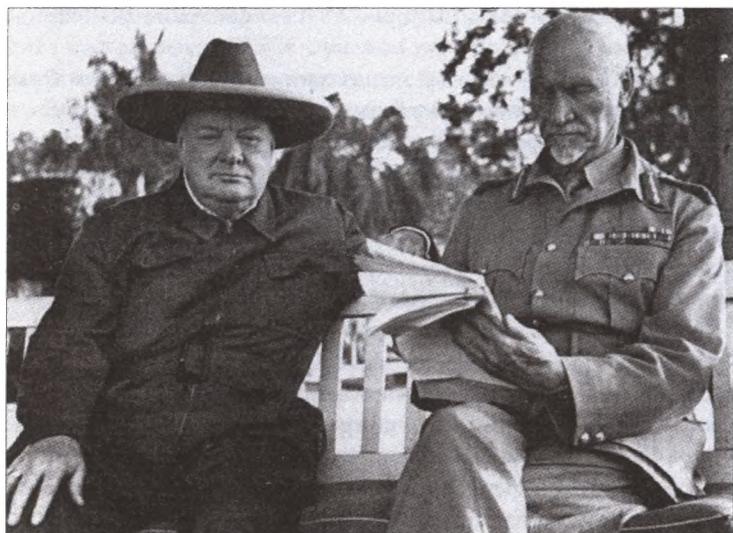
— Валли Волхютер? Ну, как же, жив, здоров. Живет с женой в пансионате для пожилых людей. Тут, под Кейптауном. Недалеко.

Узнать адрес, телефон оказалось легче легкого. Позвонил, договорился о встрече.

Высокий, худощавый, подтянутый человек. Изящно одетый. Маленькая квартира в отличном доме. По-нашему — хороший санаторий. Встретил приветливо, на вопросы отвечал охотно. И вместе с тем собранный, без старческой болтливости. Рассказав, достал книгу своих воспоминаний, надписал и подарил. Книга на английском языке. Издана в Кейптауне, но год издания не обозначен. Спросил его. Он написал на книге: 1982.

Спросил, почему его зовут Валли, а на книге стоит: Шалк Георг (эти инициалы: S.G. — и в надписи, сделанной на зеркальце).

— У нас, африканеров, или, как часто нас называют, — буров, общепринято не то имя, что в паспорте, а прозвище, которое закрепилось в детстве.

У. Черчилль и фельдмаршал Сметс в 1942 г. в Каире

Уже уйдя от него, я подумал: надо бы спросить, почему такое прозвище и что оно значит. Но забыл и тогда и потом, когда звонил ему по телефону. А рассказ его, если говорить вкратце, выглядит так.

На севере Африки в 1941—1942-м шли тяжелые бои английских войск против наступавшей с запада германской армии Роммеля, которого за его умелые действия называли «Лисом пустыни». В составе английской армии были и южноафриканские части. В середине 1942-го Роммелю удалось одержать серьезную победу под Тобруком, близ границы Египта и Ливии. Среди пленных оказался и Волхютер. Отвезли его в Германию, в лагерь военнопленных возле Мюльберга. Там Волхютера определили переводчиком — он мог объясняться по-немецки. Поэтому и пользовался несколько большей свободой.

Однажды к нему подошел русский военнопленный, назвал себя Фролом Козиным и попросил помочь четырем советским летчикам — заключенным тюремного барака. И хотя пленным запрещалось выходить из бараков с наступлением темноты, Волхютер пошел за Козиным. Мне он объяснил это сочувствием к советским

пленным. Они голодали. Помощи от Международного Красного Креста не получали, потому что сталинское правительство отказалось подписать Женевскую конвенцию о военнопленных. И поскольку Красный Крест не защищал их интересы, гитлеровские власти обращались с ними неизмеримо хуже, чем с американцами или англичанами.

Но целью моих расспросов было не положение военнопленных, а связи Волхютера с советскими. Тут он сразу помрачнел.

— Большинство из них было в таком аду, который трудно представить.

То, что он увидел в тюремном бараке, оказалось особенно страшной частью этого ада.

— В этом бараке было ужасно холодно. Печь не топилась, на койках не было ни одеял, ни соломенных тюфяков. Фрол открыл дверь в уборную с цементным полом. Там было еще холоднее. Там и держали четырех летчиков Красной авиации.

— А за что их посадили?

— За попытку к бегству. А летчика Козулю еще и за отказ выступить по радио с осуждением Советского Союза.

Дальше я, естественно, спросил, а за что же летчики так горячо благодарили Волхютера, чем объясняется та надпись на зеркальце.

— Я вместе с английским сержантом Биллом Дэвисом стал собирать у других пленных то, что они могли дать из присылаемых им посылок. По кусочку печенья, по ломтику мяса, по ложечке сахара. Фактически мы создали в лагере «Комитет взаимопомощи».

Рассказ Волхютера — лишь один пример той помощи, которую оказывали южноафриканцы нашей стране во время Второй мировой войны.

Я много слышал в Южной Африке об обществах «Медицинская помощь России» и «Друзья Советского Союза». То, что я слышал там, целиком подтверждается документами, хранящимися в Москве, в Архиве внешней политики Российской Федерации. Вот заголовки нескольких из них.

«Документ об отправке медпомощи. 23 марта 1943 г.» Такие же документы от 7 апреля 1943 г., 28 ноября 1944 г., 13 января, 18 января, 1 марта, 2 марта, 9 марта, 10 мая 1945 г.

«Документ о передаче СССР в дар крови и медикаментов. 20 мая. 1943 г.»

«Документ о кампании сбора крови для советских раненых. 1943 г.»

Советским раненым вливали южноафриканскую кровь! Донорами были не только белые, но и представители других рас. Сейчас «бригоголовые» (да и не только они) с остервенением выступают в нашей стране против африканцев, кричат, что «черные» портят наш генофонд. Но кто знает, может быть, в венах этих крикунов течет южноафриканская кровь, перелитая их дедам в годы войны...

Наряду с помощью было и боевое сотрудничество. С Британских островов шли один за другим «русские конвои» — караваны английских (а затем и американских) кораблей с военным снаряжением для нашей страны. И уже в экипаже первого конвоя были южноафриканцы. На минном тральщике «Гусар» служил

Редкий кадр: Риббентроп сопровождает к Гитлеру южноафриканского министра обороны Пирова

офицер Уильям Дуглас Хогт, родом из южноафриканского Порт-Элизабета. Он провел в Архангельске и Мурманске почти четыре месяца, с сентября 1941-го до января 1942-го, потому что «Гусар» оказался схвачен льдами. А вскоре, весной 1942-го, «Гусар» опять послали из Великобритании в Мурманск. Немецкие самолеты его обнаружили, преследовали, атаковали. И Уильям Хогт опять провел в Мурманске два или три месяца.

Историки военно-морского флота в морском музее Саймонстауна, главного военного порта Южной Африки, не смогли назвать мне точную численность южноафриканцев в «русских конвоях». Они сказали, что в Британском королевском флоте служили тогда три тысячи южноафриканцев. Что за время войны в Мурманск и Архангельск прошли 35 караванов — 715 кораблей. Что в самом отчаянном сражении из 36 кораблей конвоя RQ17 погибло 23. Что среди погибших были и южноафриканцы.

Сохранились и письма южноафриканцев об участии в этих опасных походах. В мае 1995-го я повидал некоторых из этих людей. В российском консульстве в Кейптауне им вручали медали 50-летия Победы. Я поздравлял их. Они в ответ поздравляли меня, поскольку меня как ленинградского блокадника тоже наградили этой медалью.

Тогда встретил я и Уильяма Хогта. Он рассказал, как прошел путь до commodore — это последний чин перед адмиральским. Рассказал и о гибели крейсера «Эдинбург», который в апреле 1942-го был поражен двумя немецкими торпедами. Тральщик «Гусар», сопровождавший этот караван из Мурманска, шел ему на помощь. Удалось спасти 840 моряков. Среди погибших были и южноафриканцы. Командир советской канонерки «Рубин» отправил тогда послание союзникам: «Советские моряки были свидетелями героической борьбы английских моряков с превосходящими силами врага».

ВОЙНЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

После войны, к удивлению многих наблюдателей, коалиция Национальной и Африканерской партий одержала победу на парламентских выборах 1948 г. Главным лозунгом партии на выборах стал апартеид — система расовой дискриминации небелых групп населения. Правда, в ту пору он еще не был наполнен конкретным

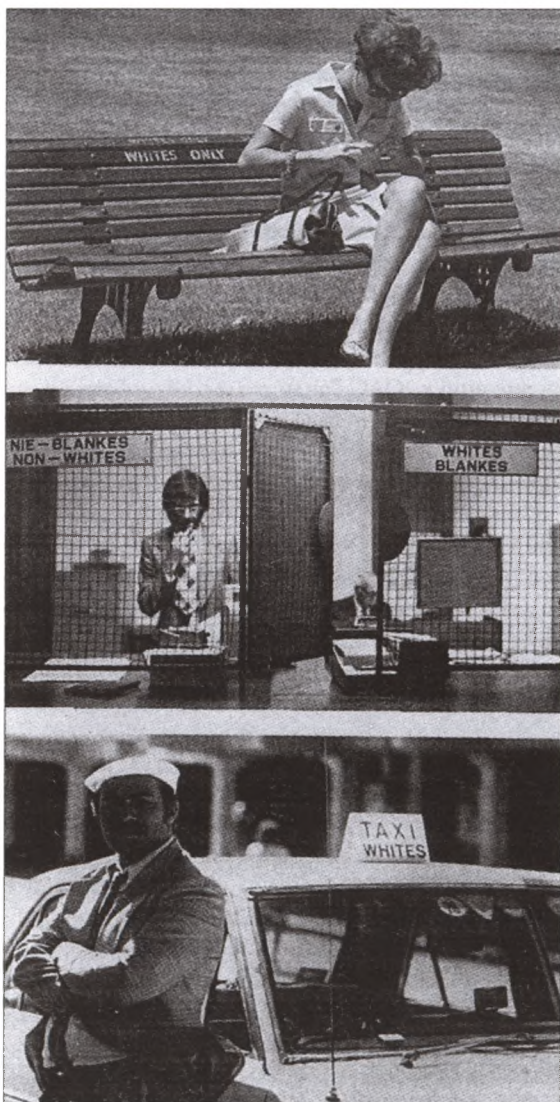

содержанием. Но постепенно апартеид стал краеугольным камнем политики Национальной партии. Принятый в 1949 г. закон запрещал браки белых с цветными или африканцами. Закон «О регистрации населения» от 1950 г. предусматривал классификацию и регистрацию жителей Южной Африки по расовому признаку, в соответствии с принятым в том же году законом «О расселении по группам» были созданы т.н. «этнические» зоны — расовые гетто для африканцев, цветных и индийцев, где те имели право владеть собственностью.

Принятый в 1959 г. закон «О самоуправлении банту» предусматривал создание на территории Южной Африки новых политических институтов — бантустанов (первый из них, Транскей, был создан в 1963 г.). В 1960-х гг. процесс разделения населения по расовому признаку и африканцев по языковому принципу был продолжен. С целью дальнейшего укрепления системы апартеида в 1962 г. был принят закон «Об общественной безопасности», больше известный как закон о «саботаже». В соответствии с этим законом, любой человек, совершивший преступное деяние, от обычного правонарушения до убийства, или же пытающийся «осуществить» или поощрить социальные или экономические изменения в стране, мог быть без суда и следствия приговорен к тюремному заключению и даже к смертной казни. Закон «О подрывной деятельности», принятый в 1967 г., предусматривал задержание людей без ордера на арест, содержание в одиночной камере, содержание под арестом в течение неопределенного срока, проведение общего судебного процесса над людьми, совершившими разного вида преступления и вынесение приговора группе лиц за противозаконные действия одного человека в определенных ситуациях.

В 1961 г. ЮАС вышел из состава Содружества и провозгласил себя Южно-Африканской Республикой, избежав тем самым резкой критики со стороны азиатских и африканских членов Содружества. Ведущей организацией африканского населения стал созданный

Апартеид в жизни

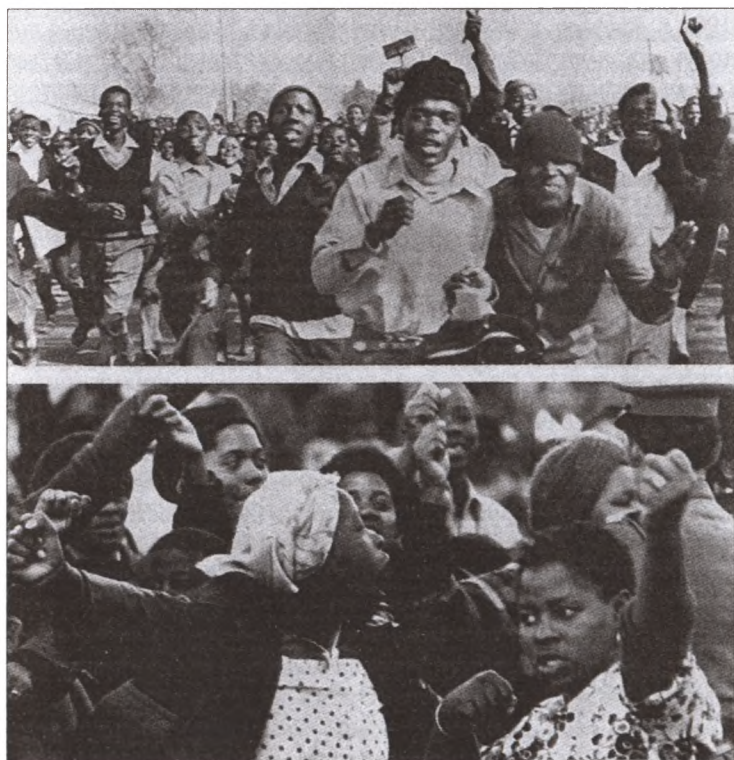

еще в 1912 г. Африканский национальный конгресс (АНК), который до 1960 г. придерживался ненасильственных методов противостояния режиму белого меньшинства. На протяжении многих лет основным выразителем интересов цветного населения была созданная в 1902 г. Африканская политическая организация (впоследствии она переименовала себя в Африканскую народную организацию). В 1909—1910 гг. она безуспешно пыталась распространить избирательные права, которыми пользовалось цветное население Капской провинции, на цветных северных провинций. В 1944 г. был образован Национальный союз цветного населения, который призывал к сотрудничеству скорее с белыми властями, чем с африканским большинством населения ЮАС. В 1884 г. живший в ЮАС Ганди создал Индийский конгресс Натала, который в 1920 г. вошел в Южноафриканский индийский конгресс (ЮИК). Именно индийцы внесли в политическую борьбу методы ненасильственного сопротивления. В годы Второй мировой войны ЮИК перешел к более решительным действиям и стал выступать за единство небелых сил, что в конечном счете привело к объединению усилий ЮИК и АНК. В 1952 г. началась кампания ненасильственных действий против дискриминационных законов, в ходе которой были арестованы 10 тыс. африканцев. Правительство жестоко подавило выступления небелого населения.

В марте 1960 г. созданный в 1959 г. радикальный Панафриканский конгресс (ПАК) организовал массовую демонстрацию в Шарпвеле, которая была разогнана полицией, при этом 67 демонстрантов были убиты. После этого правительство запретило деятельность АНК и ПАК, которые отказались от ненасильственных методов борьбы и ушли в подполье. В середине 1970-х гг. одна за другой стали освобождаться от колониальной зависимости португальские колонии. Потом вместо Южной Родезии на карте мира появилась Зимбабве.

Национально-освободительное движение охватило и значительную часть территории самой Намибии. ЮАР безуспешно пыталась создать в этой стране многорасовое независимое правительство, в которое не должны были входить деятели национально-освободительного движения, и в 1990 г. юаровские войска были выведены из Намибии.

 16 июня 1976 г. расовые беспорядки захлестнули саму ЮАР. В этот день студенты черного пригорода Йоханнесбурга Соуэто, где проживали около 2 млн жителей, выступили с требованием отменить африкаанс в качестве обязательного языка в школах. Полиция открыла огонь по студентам, после чего беспорядки перекинулись на территорию всего Соуэто. Хотя правительство пошло на уступки студентам, до конца года среди городского африканского населения продолжались выступления против режима апартеида. При подавлении беспорядков были убиты более 600 африканцев. В 1970-х — начале 1980-х гг. ок. 3,5 млн африканцев были

Соуэто, 1976

насильственно выселены на территорию бантустанов, созданных по этническому принципу. 26 октября 1976 г. правительство ЮАР объявило о предоставлении «независимости» бантустану Транскей, 6 декабря 1977 г. — Бопутатсване, 13 сентября 1979 г. — Венде, и 4 декабря 1981 г. — Сискею. Миллионы африканцев, жившие в бантустанах и приписанные к ним, были лишены гражданства ЮАР.

В июне 1980 г. произошли массовые беспорядки в Кейптауне, в ходе которых были убиты более 40 человек. В 1983 г. премьер-министр П. Бота выступил с предложением внести в конституцию изменения, которые предусматривали некоторое участие цветного и азиатского населения в органах власти. 3 сентября 1984 г. вступила в силу новая конституция, в соответствии с которой президент стал также главой исполнительной власти и был создан трехпалатный парламент (представителей белых, цветных и индийцев). Большинство цветного и индийского населения сочло реформы недостаточными и отказалось участвовать в выборах. Новое поколение африканской и цветной молодежи устраивало уличные беспорядки, вступало в стычки с полицией и пыталось создавать новые органы самоуправления. В июле 1985 г. правительство ввело режим чрезвычайного положения на значительной части территории страны. К концу ноября того же года были арестованы более 16 тыс. африканцев.

Усиливая борьбу против оппозиции, правительство ЮАР пыталось создать видимость реформирования системы апартеида. В апреле 1986 г. были отменены законы о пропускном режиме для африканцев, но замена пропусков на удостоверения личности мало что изменила. В марте было отменено чрезвычайное положение, но уже в июне на территории всей страны были ужесточены меры по поддержанию правопорядка. Многие тысячи африканцев были брошены в тюрьмы. Реальная власть в ЮАР все больше переходила в руки командования вооруженными силами.

КОНЕЦ АПАРТЕИДА

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. ЮАР встала на путь постепенного отказа от политики апартеида. Этот курс правительства был в значительной степени вынужденным: экономическое поло-

жение страны значительно ухудшилось, не в последнюю очередь из-за экономических санкций, предпринятых странами ЕС, США и других государств с целью оказания давления на власти ЮАР. В начале 1989 г. президентом страны стал лидер отделения партии в Трансваале Фредерик В. де Клерк. В ходе своей избирательной кампании накануне парламентских выборов 1989 г. де Клерк выдвинул пятилетний план демонтажа системы апартеида, который, правда, не предусматривал передачу власти африканскому большинству. Национальная партия одержала победу на выборах в парламент, но большое количество голосов получила крайне правая Консервативная партия.

Изменения в государственной политике начались почти сразу же после выборов. В сентябре из тюремного заключения был освобожден один из лидеров АНК Уолтер Сисулу, в ноябре была ликвидирована расовая сегрегация на пляжах и в некоторых местах проживания белого населения. В феврале 1990 г. правительство отменило запрет на деятельность АНК, и из заключения был освобожден Нельсон Мандела. В мае на встречах президента Ф.В. де Клерка с делегацией АНК, возглавляемой Н. Манделой, было достигнуто соглашение об условиях переговоров о новой конституции. В качестве жеста доброй воли правительство отменило чрезвычайное положение на всей территории страны, кроме Наталя, а АНК приостановил вооруженные действия. Правительство разрешило бойцам АНК, находившимся в Замбии, вернуться на родину и освободило всех политических заключенных. Были отменены два основных расистских закона — «О регистрации населения» и «О расселении по группам». Никакие террористические акции и провокации со стороны экстремистов-африканеров и боевиков не могли помешать переменам в жизни страны. 27 апреля 1994 г. вступила в силу временная конституция, и ЮАР стала государством многорасовой демократии.

В 1990 г. после 27 лет заключения был освобожден Нельсон Мандела. В июне 1991 г. парламент проголосовал за отмену всех форм апартеида. В 1993 г. Нельсону Манделе и Фредерику де Клерку была присуждена Нобелевская премия мира.

В марте 1994 г. опять пролилась кровь. Некоторые африканеры продолжали мечтать о государстве только для

белых, и Йоханнесбург потрясло несколько взрывов бомб фанатиков. Однако выборы 27 апреля 1994 г. окончательно вынесли вердикт: 62,65 % голосов было отдано за АНК, 20,39 % — за Националистическую партию и 10 % — за партию Инката. На пост главы государства парламент избрал Нельсона Манделу. Инаугурационную речь он закончил так: «Да будет правосудие для всех. Да будет мир для всех. Да будет для всех работа, хлеб и вода. Пусть царствует свобода. Боже, храни Африку!»

Конституционное собрание в октябре 1996 г. одобрило новую конституцию ЮАР, которая вступила в силу 4 февраля 1997 г. В 1998 г. фактическим руководителем страны стал вероятный преемник Манделы и вице-президент ЮАР Табо Мбеки. ЮАР продолжала крайне медленно двигаться к достижению своих целей — экономическому росту и справедливому переустройству общества. Прирост ВВП составлял менее 2 % в год, а численность населения увеличивалась, осложнился доступ к образованию, ухудшилось медицинское обслуживание населения. На парламентских выборах, состоявшихся 2 июня 1999 г., убедительную победу одержал АНК, собравший 66 % голосов. Второе место заняла Демократическая партия (10 % голосов), третье место — Партия свободы Инката. 16 июня 57-летний Табо Мбеки, друг и соратник Н. Манделы, официально вступил в должность президента ЮАР. Сегодня эту должность занимает Джейкоб Зума.

В настоящее время правящая партия ЮАР — Африканский национальный конгресс, получивший 65,9 % голосов на всеобщих выборах 2009 г. и 66,3 % голосов на муниципальных выборах в 2006 г. Главный её соперник — партия «Демократический альянс» (16,7 % в 2009 г.; 14,8 % в 2006 г.). Лидер Демократического альянса — Хелен Зилле. Новая национальная партия, наследница Национальной партии, при которой действовала система апартеида, после 1994 г. стремительно теряла вес и 9 апреля 2005 г. объединилась с АНК. В парламенте представлены также Партия свободы Инката (4,6 %), представляющая главным образом избирателей-зулусов, и Народный конгресс (7,4 %).

Ключевым элементом внешней и внутренней политики ЮАР стала концепция «Африканского ренессанса». Она была выдвинута президентом Мбеки в мае 1996 г. на заседании парламента, посвященного принятию конституции, в качестве новой «национальной идеи», определявшей роль и место ЮАР в Африке. В начале 2000-х гг. наблюдался рост экономики ЮАР, который был обусловлен высокими ценами на минеральное сырье, активным притоком капиталовложений и повышением покупательского спроса, что, в свою очередь, привело к росту импорта и укреплению курса национальной валюты. Экономическая политика правительства направлена на дальнейшую либерализацию экономики, привлечение иностранных инвестиций, а также борьбу с бедностью. Политика африканизации активно проводится не только в отношении изменения расового состава законодательных и исполнительных органов власти, но и в сфере экономики — чернокожие бизнесмены все чаще возглавляют частные компании и банки, белые граждане вытесняются из некоторых сфер предпринимательства (например, службы такси). Правительство пытается разработать комплекс мер по ликвидации безработицы и борьбе с преступностью.

Глава IV. РОССИЯНЕ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Как это ни странно, но больше всего выходцев из России, подавшихся в Африку, оказалось на юге, в самой далекой от России ее части! И они не уехали отсюда, как из Харбина, пустили здесь глубокие корни.

Вот перепись населения Южно-Африканской Республики (тогда Южно-Африканский Союз) в 1921 г. Лиц, родившихся в Российской империи: 28 тысяч. Десятью годами раньше, в 1911 г.: 25 тысяч.

Только в Кейптауне и Капской колонии в 1875 г. было 82 иммигранта из России, в 1891-м — больше тысячи, в 1904-м — уже больше двенадцати тысяч.

ОТ ПЕТРА ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Что это были за люди? Какая злая судьба, какое лихолетье заставило их покинуть родные места? Что занесло их именно сюда? Легко ли было проделать эти тысячи и тысячи верст в те времена, когда не было самолетов?

А когда было начало? Как и многое — в эпоху Петра I. Это он завел дружбу с Голландией. А Кейптаун (тогда он назывался по-голландски — Капстад) принадлежал ей. Правильнее — Голландской Ост-Индской компании. Она владела всей Капской колонией (Колонией на мысе). На верфях этой компании в Амстердаме триста лет назад, в 1697-м, проходили выучку Меншиков, Апраксин и другие «птенцы гнезда Петрова». Царь Петр Алексеевич начинал там с работы плотника, под именем Петр Михайлов.

Учились они у опытных голландских корабельщиков — тех, кому был уже хорошо ведом путь в Капстад.

Пётр пригласил в Россию девятьсот голландских моряков, от адмирала до корабельного кока. Разумеется, не новичков. Морских волков. Они уже ходили тем главным путем голландского флота...

Ближайшим другом Петра в Голландии, как известно, был Никлас Витсен. Он совмещал в одном лице бургомистра Амстердама

и директора Ост-Индской компании. У него были особые причины для близости с русскими людьми. Тремя десятилетиями раньше, еще при царе Алексее Михайловиче, он целый год прожил в Московском царстве. Издал три тома впечатлений. А потом делом его жизни стала подготовка фундаментального описания Московии, Сибири и ряда близлежащих стран. Для него появление большого числа русских в Голландии стало неоценимым подарком. Он мог их расспрашивать, узнавать о традициях, обычаях, о новейших событиях — о том, чего не узнаешь из книг.

В 1707 г., когда труд Витсена — два огромных тома, переплетенных в свиную кожу, — наконец увидел свет, он открывался посвящением: «Царю Петру Алексеевичу». Это издание давно уже стало уникальным. В Южной Африке есть два экземпляра. Оба — в Йоханнесбурге.

А первые российские поселенцы на мысе, который в России именовали: Благия Надежды. Когда они-то там появились?

Сведения об эмигрантах в другие страны российские власти никогда не любили предавать огласке. Еще Иван Грозный и Борис Годунов отправляли молодых бояр учиться на Запад. Вернулись не все. Но об этом как-то не принято было говорить — ни тогда, ни позже.

Одна из самых известных африканерских (бурских) семей — Илоффы. Они когда-то породнились даже с самим президентом Трансвааля Крюгером. Считается, что родоначальником этой семьи был русский. Петр послал его в Голландию учиться, а он женился на голландской девушке и уехал в Кейптаун. Фамилия, естественно, утратила свое первоначальное звучание — ее теперь никто уже и не помнит — и преобразилась в Илофф. Документальные доказательства на сей счет не найдены.

Зато другая история куда яснее. Она попала даже в пятитомный «Южноафриканский словарь биографий». Это судьба обрусевшей голландской семьи.

Первым уроженцем Москвы, переселившимся в Кейптаун, был, скорее всего, Иоханнес Свелленгребель. Родился он в 1671-м. Его отец с 1643 г. был голландским купцом в Москве; в Москве он и умер, в 1699-м. А Иоханнес в 1692 г. поступил на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию и с 1697-го обосновался в Капстаде.

Хендрик Свелленгребель, старший сын Иоханнеса, родился уже в Капстаде. В 1739 г. он стал губернатором Капской колонии,

первым губернатором, родившимся в Капстаде (до него все были уроженцами Голландии). Так что еще в конце XVII в. в Кейптауне жила, во всяком случае, одна семья, тесно связанная с Россией.

В следующем, XVIII столетии таких переселенцев, наверно, было больше. Ведь даже на Мадагаскаре в 1770-х гг. обосновались двенадцать или четырнадцать русских — ссыльные, поднявшие восстание на Камчатке и пустившиеся оттуда в дальние странствия.

Во всяком случае, моряки первого же российского корабля, бросившего якорь у мыса Доброй Надежды, встретили двух выходцев из России. Было это в 1808 г., но те россияне переселились уже давно.

Об одном из них в записках капитана этого корабля — шлюпа «Диана» — сказано совсем кратко: уроженец Риги, служит сержантом в английском гарнизоне.

О другом — подробнее. Жил он в нескольких десятках километров к востоку от Кейптауна, в долине, которая называлась Готтентотской Голландией. Тамошние обитатели звали его Ганц-Рус. Как повел себя Ганц-Рус при встрече с офицерами этого корабля? Поначалу не признавался, что он русский. Выдал себя за француза. Но по-французски он не знал и пяти слов. Да и прозвище Ганц-Рус его выдавало. Так что его сразу разоблачили. Тогда он со слезами на глазах признался, что зовут его Иван Сезиомов. По-батюшке — Степанович. Что сам он из Нижнего Новгорода. Рассказ его был путанный. Говорил, что побывал и в Турции, и во Франции, и в Голландии. Отслужил семь лет на корабле Голландской Ост-Индской компании, был даже в Японии. А потом остался в Капской колонии, работал у кузнеца, выучился делать фуры. Женился, обзавелся тремя детьми. Стал промышлять продажей кур, изюма, картофеля и разной огородной зелени.

Офицеры «Дианы» с уверенностью решили, что это был беглый матрос. А не признавался потому, что боялся, как бы не схватили его и не увезли в Россию на суд и расправу.

Поведение Ганца-Руса — ключ сразу к двум загадкам: и как появлялись русские в Кейптауне, и почему о них известно очень мало или вообще ничего.

«Забритый» на военную службу на двадцать пять лет, русский мужик знал, что за провинности — линьки, а то и шпицрутены. Вернешься домой стариком, да и вернешься ли? Вот и бежали с кораблей. Зачастую — куда глаза глядят. Начальство об этом обычно помалкивало: гордиться-то нечем. Бывало, правда, что беглые, увидев потом какой-то другой русский корабль, приходили с повинной и просились на родину. Не выдерживали тоски по дому.

И.А. Гончаров, побывав у мыса Доброй Надежды на фрегате «Паллада», писал о встрече с крестьянином Орловской губернии. В пересказе Гончарова: «В 1814 г. взят французами в плен, завезен сюда, женился на черной, имею шестерых детей». Но ведь русские войска в марте того же 1814-го вошли в Париж. И как это французы завезли его в Капскую колонию? Тогда там были англичане. С Наполеоном — война, французские суда там не бывали.

Так что, конечно, и это был беглый матрос. Чего-то толком добиться от него офицеры «Паллады» не могли. Они встретили его в 1853 г. Он уже сорок лет не был в России. Забыл родной язык.

В Кейптауне по переписи 1875 г. числилось 82 выходца из России.

Но все это были единицы. Крупная эмиграция началась с 1881-го, с воцарением Александра III. Уже в апреле — еврейский погром в Елисаветграде. А затем — во многих украинских губерниях: Херсонской, Киевской, Екатеринославской, Черниговской, Волынской, Полтавской, Подольской.

Конечно, такое было не впервые. Во времена Богдана Хмельницкого погромы были куда более кровавыми. Да и в XVIII столетии — тоже. Но тут, в конце XIX в., средства сообщения, знания о мире — все уже стало иным. Появились новые возможности. С 1880-х до Первой мировой войны, за три-три с половиной десятилетия, Российскую империю покинули три миллиона евреев. Главный поток шел в Америку, но заметный ручеек — и на юг Африки.

Для Южной Африки ручеек был вполне заметным — около сотки тысяч человек. Способствовал он и началу экономических связей Российской империи с Южной Африкой. Ко времени Первой мировой войны уже в четырех городах были российские консулы, правда, пока еще не штатные дипломаты, а так называемые почет-

ные. В дополнение к консульству в Кейптауне, которое существовало давно, в Йоханнесбурге, Претории и Порт-Элизабете.

После 1917 г. консульства в Южной Африке были закрыты. Но эмиграция продолжалась из бывших частей Российской империи — из Прибалтики и Восточной Польши. Тоже по преимуществу еврейская.

Эти люди, вернее их дети и внуки, сыграли и продолжают играть важную роль в южноафриканской жизни. Инженеры, врачи, учителя, юристы, бизнесмены, ученые... Немало российских евреев преуспели в бизнесе. Правда, в столь важной для Южной Африке горном деле, в добыче алмазов и золота никто из них не достиг высокого положения.

Первым и пока что единственным из южноафриканских ученых, получившим Нобелевскую премию, стал Арон Клаут, родившийся в России. Первым и пока что единственным Нобелевским лауреатом среди южноафриканских писателей — Надин Гордимер. Ее отец родился в России. Скульптор Липпи Липшиц, художник Вольф Кибель, писательница Сара Гертруда Миллин — все они уроженцы России. Вульф Сакс, первый в Южной Африке психоаналитик, был студентом Санкт-Петербургского университета, учеником Ивана Петровича Павлова.

Большая часть еврейской общины Южной Африки — это потомки выходцев из России. Мэры крупных городов, члены парламента... — всех не перечислишь. В правительство Нельсона Манделы вошел коммунист Джо Слово. А заместителем министра обороны стал Ронни Касрилс. Он считает, что его фамилия пошла от Касриловки — места действия многих рассказов Шолом-Алейхема.

Иммиграция русских возросла после Октябрьской революции. Что это были за люди? Лишь немногие приехали на юг Африки прямо из России. Большинство испытало сперва разные эмигрантские тяготы в других странах. Почти все они прошли через Кейптаун. Приплывали на кораблях, осматривались. Затем или оставались, или ехали в глубь страны, чаще всего в Йоханнесбург.

Одним из первых, ещё в 1921 г., приехал Павел Ковалев. К тому времени он был уже зрелым учёным, профессором геологии в Петербурге, известным специалистом по металлам платиновой группы. В 1930-м приехал другой известный геолог — Павел Степанович Назаров. Получив в Москве образование как горный инженер,

он много лет работал в Сибири и Средней Азии. В 1918 г. был приговорен большевиками к смерти, бежал в Китай, затем в Индию. До переезда в Южную Африку работал в Родезии и Анголе.

Еще до Второй мировой войны в Йоханнесбург переселился Виктор Иванов. Приехал он вместе с хором казаков. Умел танцевать, петь, хорошо рисовал. Стал карикатуристом в африканерских газетах. А певица Ксения Бельмас создала в Дурбане свою школу оперного пения.

ЛИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: МАДАМ БЕЛЬМАС

— Впервые я услышала о Ксении Бельмас почти сразу же по приезде в южноафриканский город Дурбан. Новые коллеги из университета Дурбан-Вествил, в котором я тружусь, сказали мне тогда: «А знаете, здесь уже была одна русская, знаменитая певица», — рассказывает доктор исторических наук И. Филатова, долгое время работающая в ЮАР.

— «Русских» — так здесь зовут всех выходцев из России, царской ли, советской ли, — в Южной Африке на самом деле немало. Две волны еврейской эмиграции — беженцев от погромов в начале века и от советского строя через Израиль в последние десятилетия советской эпохи; разношерстная эмиграция времен трех русских революций и Гражданской войны; власовцы и «перемещенные лица», специалисты-контрактники и разнообразные предприниматели новой эпохи; выходцы из знатных аристократических семей и полуграмотные мастеровые — всем находилось место под южноафриканским солнцем. Оседали в основном в Йоханнесбурге и Кейптауне; в Дурбане селились реже. Но о певице Бельмас я не слышала никогда.

«Может, и была она знаменитой, но уж наверняка только на дурбанском небосклоне», — решила я. Тем не менее отправилась на поиски людей, знавших Ксению Бельмас. Поговорила с одним из ее учеников. Узнать удалось немного — человек этот застал последние годы ее жизни и никогда не был к ней близок. Сказал, что была она очень знаменита и гастролировала с Ла Скала. Дал переписать обложки от пластинок (ага, значит, были пластинки — это

уже что-то). Представил меня аккомпаниаторше мадам Бельмас. Та обещала собраться с мыслями и позвонить, но так и не позвонила. После трех напоминаний она наконец сказала: «Но, поймите же, я ничего не знаю и ничего интересного вам рассказать не могу». Поиск оборвался.

Года через два я случайно познакомилась с Марией Макнаб, женщиной, которая снимала комнату у Бельмас в 50—60-е гг. и осталась с ней дружна до конца ее дней. Мария оказалась кладезем полезной информации: дала имена и адреса других учеников Мадам (все, кто знал Бельмас, только так ее и звали — Мадам), фотографии, газетные вырезки, некролог.

Одна статья, опубликованная в дурбанской газете, меня особенно поразила. «В Европе думают, что великое сопрано Ксения Бельмас умерла. Ее голоса не слышали там в театрах и концертных залах вот уже 30 лет; он остался лишь на дорогих коллекционных пластинках. Но один из ее поклонников, голландец, не удовольствовался тем, что мадам Бельмас внезапно исчезла с оперной сцены. Он начал поиск, который закончился только в этом месяце, когда на порог дома 474 по улице Бартля легло письмо. Вскрыв его, мадам Бельмас прочитала: “Я все еще не могу поверить, что после всех этих лет я, наконец, отыскал ваш адрес...”»

Писатель Лео Рименс, автор книги о знаменитых певцах, пытался включить Ксению Бельмас в их число, но ему ничего не удалось узнать о ней. Автор статьи раскопал любопытные подробности ее жизни. Ксения Бельмас, по его сведениям, родилась в России и училась в Киевской консерватории. Она потеряла семью во время революции, переехала в Европу и отправилась учиться в Италию. Закончив учебу, решила попробовать свои силы в Париже. Со сменной белья в чемодане, с мелочью в одном кармане и рекомендательным письмом в другом она отправилась покорять культурную столицу мира — и Париж пал. За три месяца Бельмас дала 16 концертов, она пела с восемью ведущими оркестрами Франции. На Парижской выставке 1926 г. она дала 17 концертов в Гран-Пале. На одном из них присутствовал президент, и ее представили. После ошеломительного успеха на выставке ее пригласили петь в Гранд-опера. Просили петь в «Фаусте», но она захотела «Аиду» — и пела «Аиду». Это был взлет невероятной карьеры, которая увела мадам Бельмас на гастроли в Германию (там было записано большинство

ее пластинок), Польшу, Скандинавию, снова Францию, Австралию и, наконец, в Южную Африку.

Даже повидав Ксению Бельмас, журналист не узнал об этой удивительной судьбе больше ничего. Это было много — и совсем мало. Почему Мадам не осталась во Франции, а обосновалась в Дурбане? Что приключилось с ней в России? Как она оказалась в Европе? На что жила в Южной Африке? На все эти вопросы ответов не было.

Из разговоров с несколькими бывшими учениками вырисовалась личность необыкновенная. Убранство небольшого дома Мадам — не в лучшем районе — покорило всех, кто бывал там, изысканным вкусом. После ее смерти за ее антикварную мебель разгорелась настоящая война. Мадам была по-настоящему бедна, но вела себя по-королевски. И в последние годы жизни, даже располнев, одевалась дорого и по последней моде. Делала дорогие подарки. Приглашала гостей отведать умопомрачительные блюда русской и украинской кухни. Даже учеников всегда угощала специально приготовленными закусками. Гостей Мадам любила и принимала их широко, на славянский манер.

Мне говорили, что было в ней нечто величавое. И действительно, при всем различии черт, на фотографиях, особенно поздних, взглядом и всем обликом своим напоминала она Анну Ахматову в старости. Что их роднило? Осознание собственного гения? Бремя перенесенных потерь, лишений и страданий?

Мадам была остра на язык, презирала «домохозяйек Умбило» — неработающих жен того района Дурбана, где она жила, и сама, конечно, работала много, потому что частные уроки пения были единственным источником ее доходов. Жила так, словно быт для нее не существовал, и ругала Южную Африку за отсутствие духовности. Ненавидела закрытую, «ручную», как она говорила, немецкую манеру пения, популярную среди певцов Южной Африки в те годы.

В жизни Мадам были какие-то тайны. К ней часто приходили русские, долго сидели и тихо говорили на кухне неизвестно о чем. Про Россию она не рассказывала никогда. Вообще не любила говорить о политике, считая ее делом недостойным и безвкусным, но предрекала Южной Африке революцию — расплату за отношение белых к черным согражданам.

Был муж, замечательный пианист Александр Кичин, но он ушел от нее к богатой южноафриканке. Та его бросила, и он совсем опу-

стился, начал пить. Иногда появлялся, просил денег. Мадам встречала его хорошо, кормила, отмывала, но денег у нее не было.

При прекрасном французском по-английски она говорила плохо, с сильным акцентом и ошибками — и за это, по официальной версии, ее не взяли преподавать пение в Натальском университете, чего она очень добивалась. Но мне говорили, что дело было, конечно, не только в языке. Местные профессионалы завидовали ее прошлому успеху и боялись ее таланта, а ее итальянская манера пения раздражала их, потому что сами они так петь не могли — ни у кого из них попросту не хватало на это голоса. Они так до конца и не приняли Мадам в свой круг. Она осталась чужаком, аутсайдером.

«Не скажете мне, что такое “svolochi”? — спросила одна из бывших ее учениц. — Она так часто называла своих врагов».

Все это было очень интересно, но все же недостаточно. О жизни Мадам никто толком ничего не знал — при всей открытости своего дома о себе она, однако, рассказывала мало, особенно ученикам.

Мария упомянула человека, который, как она выразилась, «содержал» Мадам, и сказала, что он жив и здоров и живет в том же доме, где когда-то жила Бельмас. Кто такой? «Карл фон Лилиенштейн, эстонский немец». Я попросила представить меня, и Мария пообещала. Но шли дни, месяцы, годы — а знакомство все не случилось. Марии было некогда, потом, по ее словам, было некогда Карлу. Идти без приглашения мне не хотелось. Я представляла себе чопорного эстонского немца, у которого вряд ли могло быть особенно доброе отношение к русским. Мадам, конечно, тоже русская, а он, судя по всему, ее любил или, по крайней мере, ей помогал — но она ведь была жертвой, а я-то к этой категории никак не подхожу.

Но однажды, в начале февраля 1998 г., меня словно что-то ударило. Мне вдруг стало совершенно необходимо разыскать этого Карла, срочно, немедленно. Я позвонила Марии, и она пообещала, что позвонит ему сейчас же. Результаты были неутешительные. Телефон его не отвечал, она поехала к нему домой, и оказалось, что дверь закрыта, вещи в доме, но в полном беспорядке, мусор не убран, а самого Карла нет. Тут я заволновалась. Ведь это дом Мадам — там могут быть ее вещи, письма, документы. Ведь случись что с этим Карлом, чужие люди просто выметут все это на помойку. Стала обзванивать больницы и дома для престарелых — все безрезультатно. Поехала к дому, походила вокруг. Дом старый, ободранный, зана-

весок нет — совсем нежилой вид. Зашла в кафе напротив. Конечно, они все знают Карла, он всегда тут. Но вот где сейчас, неизвестно.

Вернулась. Старичок, сильно навеселе, проходя мимо дома, приветственно махнул в его сторону рукой. Может, Карл? Я спросила, не знает ли он хозяина. А как же, конечно, знает. Он дома. Он всегда дома. Старичок подошел к стеклянной двери и начал изо всех сил колотить в нее кулаками и ботинками. За стеклом появилось бледно-желтое лицо, дверь отворилась.

— Простите, я ищу господина Карла фон Лилиенштейна.

— Ну, это я.

— Извините, я историк из России, я работаю над биографией мадам Бельмас. Я знаю, что вы были знакомы. Мне хотелось бы вас немного о ней расспросить.

Он не пригласил меня войти. Вместо этого озлобленно прокричал:

— У меня ничего больше нет! Ничего не осталось! Вот, вот, хотите — забирайте.

Он бросился в комнату, схватил какие-то бумаги, старые афиши, несколько фотографий и начал бросать их на стол. Тут уж я, конечно, вошла, без приглашения.

Боже, что это был за дом! Ужасный запах одинокой, неприбранной мужской старости так и ударил в нос. Грязный пол, грязные запятнанные обои, грязная занавеска на единственном окне, пыль. Мебели почти нет, а то, что есть, истерто, избито, грязно. Только старинный граммофон на красивой тумбочке прикрыт от пыли салфеткой да на большой фотографии Мадам в красивой рамке — ни пятнышка. На обеденном столе, которым, судя по всему, давно не пользовались, аккуратно разложены старые открытки адресами вверх.

Карлу на вид за восемьдесят. Небрит, рубашка давно не стиралась, бесформенные брюки все в пятнах. Не таким представляла я себе «эстонского немца»!

— Еще раз извините за то, что я пришла без приглашения. Я русский историк, мне очень хотелось бы поговорить с вами о мадам Бельмас. Я могу прийти завтра, в любое время, или послезавтра, когда вам удобно.

— Некогда мне. У меня дел полно. Мне вот на почту надо. Все вы такие, русские. Ни одного слова, небось, по-русски не помните.

Тут уж я обиделась. «Отчего же не помню, — сказала я по-русски. — Не знаю, поймете ли вы меня, но если вы предпочитаете говорить по-русски, то мне это гораздо удобнее».

И тут произошло чудо. Лицо его просветлело, он улыбнулся широко, всем лицом, словно всем телом, и вдруг запел «Широка страна моя родная, много в ней...». У него еще был хороший голос, когда-то, вероятно, сильный.

Но что меня поразило — пел он почти без акцента. Он и говорил, как потом оказалось, почти без акцента, только вот слова забывал. Да и с чего у него быть акценту. Мать у него русская, родился и провел все детство в деревне Красная Слобода под Тамбовом, и главная печаль его жизни в том, что отец увез его оттуда в Эстонию. А потом несколько десятилетий он жил под одной крышей с мадам Бельмас и, конечно, говорил с ней только по-русски. Он очень гордился, что он вовсе не немец, а эстонец, как он сказал, русский эстонец, Лилиенштейн.

Все сразу изменилось. Карл говорил не переставая, не хотел меня отпускать, а когда я все же собралась уходить, назначил встречу на следующее утро.

Странно, но даже после этого лихорадка поиска меня не отпустила. Я беспокоилась, что за эту ночь что-то произойдет. Карл передумает или не сможет со мной говорить — ведь он явно не без странностей, — и я так ничего и не узнаю. Но на следующее утро Карл, широко улыбаясь, ждал меня в дверях. На нем даже была чистая рубашка.

Ни слова не говоря, даже не ответив на мое приветствие, он взял меня за руку и повел через гостиную, в которой я была накануне, в соседнюю комнату, совсем пустую и запущенную, а оттуда на веранду. В углу этой грязной и тоже пустой веранды стоял старый заржавленный холодильник, а на нем... на нем стоял до блеска начищенный белого металла витой поднос, на подносе простой деревянный ящичек, увитый красивой золотой тесьмой, на нем — открытая крохотная книжечка, как оказалось, молитвенник. Перед ящичком на подносе лежал старый, пожелтевший листок бумаги и на нем надпись на двух языках, английском и русском: «Мадам Ксения Бельмас, 23.1.1890 — 2.2.1981».

Карл снял ящичек — он оказался тяжелым — с подноса и протянул его мне.

— Возьмите. Мадам хотела, чтобы я похоронил ее на родине, в Чернигове, но я долго болел и не мог, а вы сказали, что собираетесь в Россию.

Я действительно собиралась в Россию — скоро, в конце февраля, но не в Чернигов и даже не в Киев, а в Москву. Но главное, конечно, не в этом. Прах ведь не коробка из-под обуви. Нужны документы, по крайней мере свидетельство о смерти, завещание, разрешение на захоронение, деньги... Но о том, чтобы отказаться, не было и речи. Карл сказал это так, что я просто молча взяла ящичек.

Когда мы вернулись в гостиную, на столе оказался пакет. Карл открыл его — и я ахнула. Там была рукопись: «Я — Ксения Бельмас. Когда мне было только пять лет, я уже давала концерты пения. Я ходила из дома в дом, и сначала мне давали чай и пирожные, а потом меня приглашали в другую комнату, где все сидели, а я стояла посередине и пела все песни, которым научила меня моя мать. Так искусство пения родилось в украинском городе Чернигове, неподалеку от Киева».

Это были воспоминания Мадам, продиктованные ею Карлу и записанные им с ее слов. Редкая, необыкновенная удача для историка! Я подумала было, что Карл написал этот текст сам, по следам разговоров с Мадам, тем более что с третьей страницы повествование шло в третьем лице. Но, почитав его немного, поняла, что Мадам действительно надиктовала его Карлу, а писал он, вероятно, просто потому, что знал английский лучше и мог писать без ошибок.

Рукопись небольшая — двадцать рукописных страниц крупным почерком. Но это поразительный документ, написанный с достоинством и гордостью за свой талант и труд.

Ксения родилась в небогатой семье. Отец ее был обрусевший француз, мать — украинка. В шесть лет Ксения начала петь в церковном хоре, которым руководила ее старшая сестра, пела на любительских концертах, потом с оркестрами, приезжавшими в Чернигов на гастроли. В шестнадцать, вопреки воле родителей, отправилась на прослушивание в Киевскую консерваторию и была немедленно принята. Плату за первый семестр внесла сестра, после этого Ксения должна была заботиться о себе сама.

Зарабатывала она концертами. Уже в шестнадцать лет пела знаменитую труднейшую сцену Леоноры из «Фиделио». Пела с лучши-

ми оркестрами, в том числе у самого знаменитого тогда в России дирижера Александра Виноградского. Публика встречала ее с неизменным энтузиазмом.

В двадцать лет Ксения окончила консерваторию с отличием и золотой медалью. Вскоре она вышла замуж за богатого помещика Аркадия Бобровникова. Жизнь открывала перед ней замечательные перспективы. Муж поддерживал ее стремление к большой профессиональной карьере, и она поехала в Москву. Стажировалась в Большом театре под руководством музыкального руководителя театра Эмиля Купера. Потом был контракт в Харьковской опере, а перед самой войной она пела в Одессе. Первая мировая положила всему этому конец. Муж был тяжело ранен, и Ксения бросилась в Петербург выхаживать его. Когда он немного оправился, они вернулись в его украинское поместье и провели там всю войну. Но началась революция, а потом Гражданская война. Муж Ксении умер, поместье было конфисковано, она осталась без средств и отправилась в Киев зарабатывать концертами.

Петь приходилось перед солдатами, на улицах и площадях, и Бельмас поняла, что так она скоро потеряет голос, если ничего не предпримет. Она решилась на отчаянный шаг. Вместе с тремя подругами ушла из Киева и пустилась в путешествие к польской границе. Это был 1921 год. На Украине господствовал террор, власть переходила из рук в руки, и десятидневное пешее путешествие не могло быть легким. В своих воспоминаниях Мадам назвала его «ужасным», но больше не сказала о нем ничего. Не рассказывала об этом ни ученикам, ни Карлу. Как они шли, какие ужасы видели по пути, как остались живы, как перебрались через границу, где и как достали паспорта — все это Мадам унесла с собой в могилу.

Дальше были трудные времена в Польше, встреча с известным пианистом Александром Кичиным, новое замужество и исполнение заветной цели: учеба в Италии. Ксения решила, что должна петь лучше, чем большинство итальянских певцов, — и добилась этого.

Мадам подробно описала свою карьеру: где и какие концерты давала, что исполняла, как принимали, кто и как отзывался о концертах. Рассказала и о бесконечных проблемах с паспортами и визами, о безденежье, о том, как полгода гастролировала вместе со знаменитой балериной Анной Павловой. Стало понятно, что она

не могла получить желанный французский паспорт, потому что для этого ей нужно было несколько лет прожить во Франции почти безвыездно, а безденежье гнало ее на длительные гастроли. В Южной Африке Мадам впервые выступала в 1934 г. — с ошеломительным успехом. Почему она вернулась туда, почему осталась там навсегда — об этом в автобиографии снова лишь одна фраза: «Через четыре года, испытав домашние потрясения, Ксения осталась одна и приняла вид на жительство в Южной Африке, найдя здесь совершенный покой и удовлетворение».

Карл не смог объяснить мне, почему она не вернулась в Европу после Второй мировой войны. Но и так понятно, что дело было, конечно, не в покое, или, по крайней мере, не только в нем. Очевидно, мадам задержалась в Южной Африке на год из-за домашних проблем, потом началась война, потом не было денег. Да и вообще начинать новую жизнь и строить карьеру заново было уже поздно: когда война кончилась, ей было уже 55.

По словам Мадам, во время войны советское консульство в Южной Африке пригласило ее вернуться в Россию. Трудно в это поверить. В то время многие бывшие эмигранты из России пытались туда вернуться, но все заявления и обращения из Южной Африки остались без ответа. Так или иначе, приглашение это было ею «встречено холодно». Однако, писал Карл с ее слов, «несмотря на это, у нее осталось желание помочь своей Родине в борьбе не на жизнь, а на смерть против нацизма, и во время войны она стала активной участницей благотворительных концертов».

В мемуарах не упомянута опера «Снегурочка», в которой Бельмас пела в 1941 г. Опера была поставлена в Йоханнесбурге по инициативе южноафриканского общества «Медицинская помощь России». Представления принесли 15 тысяч фунтов стерлингов — большие по тем временам деньги, на которые были закуплены медикаменты и медицинское оборудование для России. То ли певица не хранила писем и деловых бумаг, то ли Карл их выбросил, — но в доме остались только афиши ее концертов. И все же благодарственное письмо общества сохранилось вместе с двумя письмами от друзей.

Карл рассказал мне, что впервые услышал Мадам совсем молодым, в Эстонии, и был поражен ее голосом. Он стал морским инженером, во время войны был несколько месяцев в госпитале в Юж-

ной Африке и женился там. Вернувшись после войны, обнаружил, что жена, не дождавшись от него писем, вышла замуж за другого. Если это и огорчило его, то ненадолго, потому что он встретил Мадам снова. Он был моложе ее на двадцать лет, и он не любил ее, как мне представилось, когда я впервые услышала о нем, в простом, обывательском смысле слова, — он ее боготворил. Боготворил ее голос, она стала единственным смыслом его жизни, он заботился о ней и служил ей до конца дней. Увидев, как она бедствует, перебиваясь частными уроками, он купил дом, который она снимала, и освободил ее от арендной платы. Когда он приходил из плаваний, он останавливался в этом доме — том самом, в котором мы теперь разговаривали, — но хозяйкой в нем была Мадам. Карл поселился там постоянно, только когда ушел на пенсию.

Она долго болела, и Карл готовил ей, стирал, мыл и кормил ее. Болезнь вконец подорвала их, ее и Карла, бюджет — медицинской страховки у Мадам, конечно, не было. Она раздавала вещи, посуду, мебель в обмен на продукты.

Когда она умерла, похоронили ее на деньги учеников, а Карл вынужден был уступить половину дома служительнице протестантской церкви по соседству. Он остался жить в доме, завещав его все той же служительнице.

Закончив свой рассказ, Карл открыл граммофон и поставил пластинку. Она трещала и шипела; но вот раздался голос Мадам, и я забыла обо всем на свете. Необыкновенной силы голос этот завораживал, словно втягивал в себя. Позже я достала диск с записями Бельмас — новейшая технология позволила «очистить» звук старых пластинок на диске. Но того потрясения, которое я испытала в ее доме, слушая заезженную пластинку, единственную оставшуюся у Карла, уже не было.

Я приходила туда в том феврале еще пять-шесть раз. А потом мне нужно было ехать в Москву, и я с ним распрощалась — до возвращения. Но накануне отъезда мне позвонила Мария и сказала, что Карл в больнице. Я поехала туда вечером, уже сложив вещи. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он умирает. У него была гангрена — вот откуда этот ужасный запах в его доме! Казалось, он был без сознания, но, увидев меня, попытался что-то сказать — и не смог. Закрыв глаза, отвернулся. Больница была ужасная. Грязь, умирающие и выздоравливающие в одной палате. Игла капельни-

цы давно выпала из вены Карла, лекарство сочилось на простыню, и она уже вся промокла. Сестры крутились поблизости и весело болтали, но никому не было до Карла никакого дела.

На следующий день я позвонила Марии из Йоханнесбурга, и она сказала мне, что ночью Карл умер.

Он готовился к смерти и разложил на столе адреса тех, кому нужно было сообщить о его смерти. Он избавился от всех вещей, а то, что считал ценным, аккуратно упаковал для новой владелицы; ей ведь должен был достаться и дом, и все, что в нем оставалось. Одно его, конечно, мучило — то, что не выполнил он желания мадам Бельмас, не похоронил ее прах на родине. Понимал, что без него никто этого уже не сделает. Вот почему так засветился он весь, когда я сказала, что я русская, и что бываю в России часто, и что вот-вот поеду в Москву. Он, конечно, решил, что я ангел, посланный ему самим небом для исполнения последнего долга его жизни. Совпадение? Наверно. Но ведь и меня что-то толкнуло на поиски Карла...

Постскриптум

Бывает же счастливый конец даже у печальных историй! Мадам Бельмас хотела, чтобы ее прах вернулся на родину — и желание это наконец-то сбылось. Что может быть счастливее такого конца у истории, героя которой уже нет в живых?

Урна с прахом Мадам простояла у меня в дурбанской квартире несколько месяцев, когда я решила наконец позвонить в украинское посольство в Претории. Ничего хорошего я не ожидала: у посольских своих забот полон рот, зачем им еще какие-то осложнения с прахом. Соотечественница? Так ведь эмигрантка. Знаменитая? Так то ж давно.

Все оказалось совсем не так. Советник посольства, Александр Глебович Цветков, которому меня представили, оказался замечательным человеком. Историей Мадам он заинтересовался сразу и живо. Не только в силу природной отзывчивости, но и потому, что в своей до-мидовской жизни был историком. В ноябре 1998 г., когда Цветков приехал по делам в Дурбан, мы встретились, поговорили, и я передала ему урну.

Колеса бюрократии вертятся нескоро. Немало усилий пришлось приложить Цветкову и его жене, Екатерине Викторовне,

прежде чем прах Мадам оказался на украинской земле и был наконец захоронен.

3 сентября 2000 г. урна с прахом была захоронена на лучшем в Киеве Байковом кладбище. 5 сентября состоялась панихида. На церемонии были и представители министерства культуры, и музыкальной общественности. Надпись на памятнике-стеле короткая, как и полагается великим: «Певучему голосу Украины — Ксении Бельмас. 1890—1981. Чернигов — Дурбан».

Могла ли Мадам мечтать обо всем этом? Или, наоборот, была уверена, что так оно все когда-нибудь и будет?

После Второй мировой войны приехали те, кто когда-то осел во Франции и на Дальнем Востоке — в Харбине и Шанхае. Кровавые события начала шестидесятых годов в Конго-Заире заставили русских бежать оттуда в Южную Африку. В шестидесятых годах множество семей российского происхождения покинуло Южную Родезию накануне падения там режима апартеида.

В самой Южной Африке наибольшую известность получил художник Владимир Третчиков. Он переселился в Кейптаун из Шанхая после Второй мировой войны. К его творчеству относятся по-разному, но в первые десятилетия после войны репродукции его картин продавались многотысячными тиражами, и он приобрел славу одного из самых богатых художников в мире.

ЛИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ХУДОЖНИК ЮЖНОЙ АФРИКИ

В Бишопскорте, фешенебельном пригороде Кейптауна, на склоне живописного холма, среди утопающих в тропической зелени коттеджей белеет дом Владимира Третчикова. Найти его нетрудно: за ажурной металлической оградой вверх к дому поднимается дорожка, охраняемая по обочинам, как часовыми, каменными скульптурами, высеченными хозяином в те же времена, когда строился

по его замыслу этот дом. Когда-то в нем было многолюдно и шумно, но дети выросли, обзавелись семьями, разбрелись по собственным домам, а здесь остались коротать век 80-летний художник и его жена Наташа, с которой он встретился еще до Второй мировой войны в Маньчжурии, куда после октябрьских событий 1917 года эмигрировали их родители, как сотни тысяч других россиян, не желавших смириться с революционной властью.

На пороге вас встретит хозяин. Обратите внимание на его руки — они крупные и сильные не только потому, что больше полувека он не выпускает из рук кисть и палитру, но еще потому также, что в Харбине, центре русской эмиграции в Маньчжурии, рано потеряв отца и мать, он начал зарабатывать на хлеб с 11 лет. Годы через три подросток нарисовал портреты Ленина и Сунь Ятсена. Они попали на глаза директору китайско-маньчжурской железной дороги. Тот сразу же оценил дарование юного художника и взялся отправить его на учебу в Россию, дал ему золотые рубли и посадил в поезд.

Но до России подросток не добрался. В Шанхае поезд встретил его брат и посоветовал задержаться в этом большом городе, чтобы вместе делать бизнес. Братя решил купить помещение, устроить пансион и сдавать 18 комнат в аренду. Когда Владимир закончил отделку всех помещений, оказалось, что брат пансион продал и скрылся. Владимир остался на улице со своими полотнами.

Вторая мировая война застала Владимира Третчикова в Сингапуре.

Он попытался добраться до Явы или Суматры, но корабль, на котором он был, подвергся обстрелу семи японских боевых кораблей и был потоплен. Юноша чудом остался в живых и на утлой лодчонке добрался до Явы. Там его бросили в тюрьму как военнопленного. Но, разобравшись, что юноша русский, а Россия с Японией не воевала, его выпустили. На острове судьбе свела его с богатым коллекционером живописи доктором Сукарно, будущим президентом Индонезии. Сукарно спросил юношу, можно ли взглянуть на его работы и, возможно, купить кое-что. «Я свои работы не продаю, — отвечал юноша, — я собираюсь устроить выставку». Какая выставка, когда идет война? С тех пор на острове Третчикова звали не иначе как «русский сумасшедший».

Третчиков много писал. На его картинах той поры запечатлены жители Юго-Восточной Азии: красивые смуглые женщины, кре-

стяне, заключенные. На жизнь он подрабатывал карикатурами для газет. Он не писал пейзажей, его влекли лица людей, в них он находил, старался найти красоту, которая приносит в мир гармонию и покой. Но у самого художника душевного покоя не было. Война разлучила его с Наташей, он долго и безуспешно искал ее, не подозревая, что гонимая ветрами времени, как песчинка, она попала на юг Африки. Наконец-то они нашли друг друга: в 1946 г., прихватив с собой всё своё состояние — около 40 работ маслом, Владимир вылетел из Явы в Кейптаун, вряд ли подозревая, что там он бросит якорь на всю оставшуюся жизнь.

Хотя дом художника просторен и уютен, Третчиков проводил в нём не так много времени, как о том мечталось, когда дом строился. Шумный успех его первой выставки в Кейптауне в 1948 г. усилил его склонность к странствиям, в которых его острый глаз искал натуру для работы. Африканские маршруты приводили его к разным народам, живущим в саваннах и в тропических лесах, вызывая в нем интерес к истории, обычаям, традициям людей, о которых ещё недавно он ничего не знал. Он заглядывал в крытые соломой крестьянские хижины, изучал утварь, одежду, украшения африканских племен. Особой его любовью стали рыбаки, уходившие на промысел в просторы Индийского и Атлантического океана. Они принимали его в свои лодки, позволяли вместе с ними вытаскивать сети, проводить вечера у домашнего костра.

Африка на полотнах художника — это мир красивых, гордых, сильных духом людей. Ему чужды какие-либо расовые предрассудки. На картине «Блэк энд уайт» (1959) запечатлено лицо девушки, белое и черное одновременно, одинаково прекрасное и одухотворенное, независимо от цвета кожи. Третчиков тщательно выписывает детали окружавшего африканцев вещественного мира и природной среды, демонстрируя богатство линий и красок, наблюдаемых им на континенте, который стал для него второй родиной. Не будет преувеличением сказать, что выставки его работ и репродукции картин, разошедшиеся большими тиражами по всему миру, помогают множеству людей лучше понять африканские народы, вызывают к ним симпатию и уважение.

Кажется, у него есть всё, о чём может мечтать художник: 52 успешных выставки картин в странах Европы, Америки, Африки, Азии, о нем сняты четыре телевизионных фильма, продажа кар-

«Многозебрии»

Белые носороги

Портрет жирафа

Бабуин в ожидании подношения

Гну

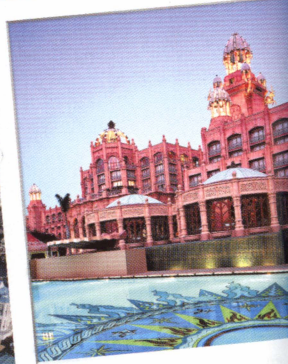
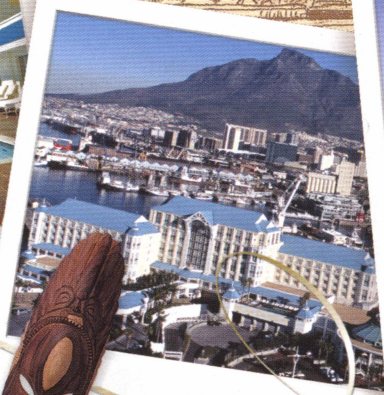
На страусовой ферме

Южноафриканский закат

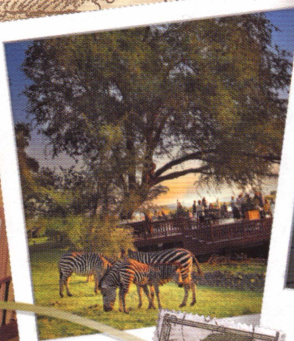
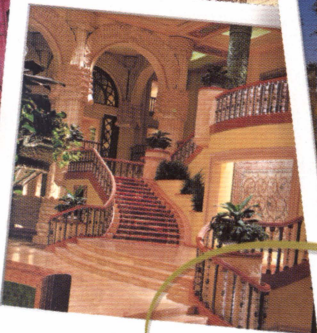

Путь африканского Солнца

Отель Тэйбл Бэй в Кейптауне,
Дворец Затерянного города в Сан Сити и
Роял Ливингстон на водопаде Виктория в Замбии –
три роскошных отеля цепочки Sun International,
составляющие знаменитый «Путь Африканского Солнца».

Следуя по этому маршруту, Вы увидите все лучшее,
чем славен юг Африканского континента.

Sun International
A Million Thrills. One Destination.

129110, Москва, Проспект Мира, д.39, стр.2, OLYMPIC PLAZA II
Тел.: (495) 981-10-18/17; факс: (495) 981-10-19
E-mail: marketing@suninternational.ru
www.suninternational.ru

КИЛИМАНДЖАРО

**Туристическая компания «Килиманджаро» –
оператор по Африке**

**Экскурсионные маршруты по ЮАР
Сафари, Охота
Путешествие на ретро-поезде класса люкс
VIP-программы
Индивидуальные и групповые
туры с русскими гидами**

**123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
м. Пушкинская, Тверская**

тел: (495) 940-9909, (495) 690-3034

www.kiliman.info, e-mail: info@kiliman.info

Skype: kilimanmt

тин и репродукций приносила ему крупные доходы. Если верить английской «Дейли миррор», Третчиков был вторым после Пикассо самым богатым художником мира. Выставку его работ в Монреале открывала Ольга, сестра российского императора Николая II. Но это, пожалуй, один из немногих эпизодов его жизни, напомнивший ему о далёкой заснеженной родине. Другой эпизод был связан с балериной Алисией Марковой, танцевавшей в Кейптауне в «Лебедином озере» — он рисовал ее. «Моделью для моих работ чаще всего бывала русская женщина, — говорит Третчиков. — Правда, одна и та же: Наташа».

Владимир Григорьевич Третчиков скончался в Кейптауне 26 августа 2006 г.

(По материалам Л. Шинкарева)

Елизавета Григорьевна Кандыба-Фокс克罗фт создала в Южной Африке первую кафедру русского языка. Она была организована в Претории, в заочном Университете Южной Африки, в начале шестидесятых годов.

Историю иммиграции из России в Южную Африку, в сущности, не изучали. Прошлое южноафриканского еврейства исследовано неплохо, но его изучали в целом, не выделяя выходцев из России. А о русской иммиграции — лишь два абзаца в томе «Южноафриканской энциклопедии», опубликованном в 1973 г. Там сказано, что в начале семидесятых годов во всей ЮАР жили «шестьдесят человек, родившихся в России и говорящих по-русски». Правда, оговорено, что в это число не включены те, кто родился уже в Южной Африке.

В каталоге кейптаунской Южноафриканской библиотеки, в разделе «Русские в Южной Африке», стоит всего одна библиографическая карточка. Это название когда-то широко известного, а теперь забытого романа Жюль Верна «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

К концу шестидесятых годов русская община в ЮАР заметно ослабела. Старики доживали свой век в доме для престарелых, который смогло создать Русское общество, организованное в Йоханнесбурге в 1952 г. Молодежь плохо говорила по-русски или не говорила совсем. У общины уже не хватало денег на оплату русского священника. Архимандриту Алексею Черному, из-

бранному в 1959 г. главой всех приходов Русской православной церкви в изгнании в Южной, Центральной и Восточной Африке, пришлось уехать в Америку.

ЛИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ОТ САРАТОВА ДО ЙОБУРГА, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Евгения Петровна Ладыженская родилась в 1893 г. в Саратовской губернии, в семье уездного предводителя дворянства и обучалась в Маринском институте благородных девиц. Там помимо прочего она овладела несколькими иностранными языками.

Эти знания помогли Евгении Петровне в тяжёлые годы после Октябрьской революции, когда вместе с родителями ей пришлось покинуть Родину. Семья бежала в Батум, на черноморское побережье. Мать Евгении была тяжело больна, а отец был практически инвалидом.

Девушка была вынуждена сама заботиться о благосостоянии семьи. Продав фамильные драгоценности, Евгения приобрела дом и участок земли. Престарелые родители во всём доверяли своей молодой, энергичной, хотя и своевольной, дочери.

Но вскоре Батум заняли турки. Мирной жизни снова пришёл конец.

«Тогда мне ничего не оставалось делать, как только поскорее выучить турецкий и устроиться работать переводчицей с турецкого, русского, английского и французского, — вспоминала Евгения Петровна. — И я стала секретарём азербайджанского консула».

В 1920 г. турецким войскам удалось продвинуться на территорию Грузии. Тем временем семья Ладыженских перебралась в Константинополь, а оттуда с помощью американцев выехала в Германию. В Берлине Евгения наконец вновь повстречалась с сестрой Екатериной, которая бежала из России через Ригу вместе с мужем, надворным советником Бруно Миллером, и детьми — Игорем, Борисом и Марианной. Дочь последней, Вера, теперь проживает в Южной Африке.

Оказавшись в столице поверженной Германии, Евгения Ладыженская благодаря знанию языков устроилась на работу в Союзни-

ческую комиссию по контролю. Но неутомную девушку манила французская Ривьера.

Два года спустя Евгения переезжает в Ниццу. Здесь она знакомится с казацким офицером, который направляется в Америку. Казак намеревался приобрести в Техасе нефтяную скважину. Для этого нужны были деньги, и офицер обращается за помощью к Ладыженской. Евгения отдаёт ему оставшиеся у неё после побега из России драгоценности. Но корабль, на котором офицер поплыл в Америку, утонул, а с ним и все мечты Ладыженской о настоящем богатстве.

Вскоре Евгения Ладыженская открывает бутик, а некоторое время спустя — дом моды для туристов из Америки. В то время многие русские женщины из дворянских семей, эмигрировавшие в Европу, открывали ателье и занимались изготовлением модной одежды.

Однако начинание Евгении оказалось столь успешным, что очень скоро она смогла позволить себе приобрести автомобиль и стала одной из первых женщин-водителей Европы. На крутых поворотах горных дорог Ривьеры люди за рулём других машин в испуге замирали, глядя, как Евгения на бешеной скорости пролетает мимо них.

В Ницце бурлила светская жизнь. Здесь Ладыженская познакомилась с видными представителями интеллигенции того времени: Уильямом Локком, Гильбертом Франкау и его дочерью Памелой, Сомерсетом Мозом, Сергеем Дягилевым, Иваном Буниным и Яном Сибелиусом. Она была молода, красива и любила приключения.

«Десять лет спустя, — вспоминала Евгения Петровна, — друзья, с которыми я познакомилась на Ривьере, уговорили меня приехать в Англию. Там я год занималась пошивом модной одежды, но началась депрессия, и мне не удалось продать 175 платьев, которые я привезла из Франции».

Встал вопрос: «Куда отправиться теперь?» Её снова тянуло в путь. Она вспоминала, как в детстве жила в имении под Саратовом, вспоминала бескрайние поля, русское гостеприимство, солнечное Поволжье — и решила поехать в одну из британских колоний, к примеру, в Австралию или Новую Зеландию.

Но однажды, во время завтрака в шикарной лондонской гостинице «Савой», в её планы вмешалась судьба. Евгения Петровна по-

знакомилась с женой сэра Патрика Данкэна, генерал-губернатора Южной Африки. Леди Данкэн подготовила необходимые документы, и вот Евгения уже на борту парохода, держащего курс на Кейптаун. Она прибыла на мыс Доброй Надежды в качестве компаньонки жены генерал-губернатора.

В Йоханнесбурге Евгения Петровна снова занялась изготовлением модной одежды. Её бизнес процветал, она разбогатела. У неё не было отбоя от клиентов, желавших заказать платье у русской дворянки. А Ладыженская быстро овладела языком африкаанс и завела знакомства в среде тогдашних южноафриканских сановников, которые с искренним интересом слушали её рассказы: о русских помещиках, о революции в России, о том, как её семье чудом удалось спастись от кровожадных большевиков, о бегстве и о загадочном Константинополе, о берлинских монархистах и о жизни высшего света на Ривьере, где дочери американских миллионеров сохли по нищим, но родовитым русским князьям.

Среди её слушателей был и премьер-министр Южно-Африканского Союза генерал Ян Сметс, которому нравилась компания знатных и высокопоставленных иностранцев, развлекавших его экзотическими историями. Сметс любил окружать себя красивыми и умными женщинами из Европы. Узы крепкой дружбы связывали его с королевой Греции Фредерикой, которая во время войны жила в Южной Африке со своей семьёй. Возможно, генерал приглашал к себе знатных иностранок для того, чтобы они составили компанию греческой королеве.

Итак, теперь Ладыженская снова богата. В 1941 г. Евгения Петровна закрывает свой дом мод и покупает плантацию в Восточном Трансваале. Она хочет реализовать свою давнюю мечту о собственном имении.

Однако здесь дела пошли не так хорошо. Местные африканцы, работавшие на её ферме, попытались убить свою хозяйку. Евгения Петровна вынуждена была посреди ночи босая бежать с собственной плантации. Она вброд перебралась через реку и несколько километров пробиралась по полям до ближайшей фермы.

В 1968 г. Ладыженская вернулась в Йоханнесбург. Вскоре ей предложили вести курсы русского языка для научных работников в университете Витватерсранда, в Техническом колледже в Претории и в Образовательном колледже для взрослых. Несмотря на то

что жившие тогда в Йоханнесбурге русские вспоминают, что Ладыженская была довольно властной и требовательной, ученики любили её за жизнерадостность и прекрасное чувство юмора.

«Самым большим своим достижением я считаю то, что мне удалось научить русскому глухого ребёнка, — говорила Евгения Петровна. — На экзамене ему поставили высший бал за произношение».

Переезд в Йоханнесбург для Евгении Петровны совпал с открытием в мае 1968 г. «Русского дома», нового русского общинного центра. Он был организован иммигрантами из России, которые также соорудили в том же помещении православную часовню. Стены и иконостас в ней были расписаны Виктором Архиповичем Ивановым, известным в Южной Африке художником и карикатуристом.

Ладыженская поселилась в «Русском доме», став его хранителем. Здесь она принимала учеников, здесь она была хозяйкой и центром всеобщего внимания и уважения. Ей было уже около 75 лет, её ферма была разорена после того, как Евгения Петровна оставила её. Она, конечно, не могла снова работать в модельном бизнесе, поэтому преподавание русского было для неё единственным источником дохода.

В 1971 г. врачи посоветовали Евгении Петровне поселиться у моря. Она переехала в Кейптаун, где стала вести курс русского для научных работников в местном университете, давала частные уроки и занималась техническими и юридическими переводами. Она имела официальное звание судебного переводчика.

В молодости Евгения Петровна умела говорить на десяти языках. В старости Ладыженская могла свободно изъясняться по крайней мере на четырёх. Но в последние годы жизни она начала изучать ещё и греческий язык. Ведь в православном храме в Кейптауне служба велась только на греческом. «Я не успокоюсь, пока не смогу понимать проповеди и на этом языке», — говорила Евгения Петровна.

(По материалам В. Беляковой)

С середины семидесятых мало-помалу стали появляться новые иммигранты. Первыми оказались евреи, сначала уехавшие из СССР в Израиль, а затем перебравшиеся в ЮАР. А с конца восьмидесятых сюда потянулись русские, украинцы, литовцы. Статистических

подсчетов еще не делалось. Да их и нельзя провести: большинство не получило еще южноафриканского гражданства. Даже в маленьком Грэхемстауне, где нет ничего, кроме университета, уже осели четыре семьи русских научных работников.

Новейшая иммиграция — очень пестрая. Немало прекрасных специалистов в различных отраслях науки и техники: математики, физики, микробиологи... А также артисты, режиссеры, музыканты, преподаватели балетной школы.

В новейшей волне иммиграции очень высок процент людей с хорошей профессиональной подготовкой. Не случайно южноафриканские университеты держатся за новых сотрудников. И еще: новейшие иммигранты очень активны. Умеют работать и хотят работать. Во всяком случае, большинство из них.

Больше всего на виду действия Марка Семеновича Волошина. Статьи о нем можно найти во всех крупных газетах ЮАР. И сенсационные: что он купил четыре виллы в Клифтоне, самом фешенебельном районе Кейптауна, и выстроил на их месте мраморный дворец. И вполне деловые: что он построил завод солнечных батарей и может давать свет в африканские поселки, до сих пор живущие без электричества. Что он разработал проект — как поставить самые современные российские двигатели на устаревшие южноафриканские самолеты. Что, вслед традициям российских меценатов, организовал Центр российских исследований и Русскую картинную галерею.

...Сохраняют ли иммигранты какие-то связи друг с другом и со своей, как принято говорить теперь, исторической родиной?

Формы этих связей менялись. В тридцатых—пятидесятых годах существовало общество «Друзья Советского Союза». Оно имело отделения во многих городах. Пик его активности приходился на годы Отечественной войны, когда СССР и британский доминион Южная Африка были союзниками по антигитлеровской коалиции. Возникло тогда и общество «Медицинская помощь России». В Россию отправлялись медикаменты, одежда, кровь для раненых и больных. Только с 1942 по июнь 1944 г. эти общества собрали у населения Южной Африки 700 тысяч фунтов стерлингов — по тем временам сумма немалая.

Выходы из России играли в этих обществах важную роль. Но с введением политики апартеида, с конца сороковых, ассоциировать себя с Россией стало опасно. Конечно, среди русских эмигрантов

были люди разных взглядов — от коммунистов до монархистов. Но власти с подозрением смотрели и на самых лояльных.

Главное же — между СССР и Южной Африкой десятилетиями не было не только дипломатических отношений, но и торговых, общественных, культурных. Лица с южноафриканскими паспортами в Россию не допускались. Так что не могли приехать и те, кто мечтал повидать родину отцов.

Все это вело к ослаблению связей этих людей с Россией, да и к разобщенности между ними. Но какие-то ниточки сохранились. Не было русского священника у православных Кейптауна и Йоханнесбурга — собирались на молебны у греческого или у сербского.

Центр российских исследований, созданный в Кейптаунском университете в 1994 г., становится понемногу одной из точек притяжения. Когда устраивался «Русский вечер», собралось шестьдесят человек. Помогла всех найти Мари Торрингтон. (Ее бабушка — Мусина-Пушкина, а мать — графиня Кочубей, но, в отличие от многих отпрысков знатных семей, Мари, кажется, и в голову не приходило этим кичиться.)

«Но все-таки жаль...» — писал как-то Булат Окуджава. Жаль, что из России уезжали и уезжают. И даже сюда, в такой далекий край, — десятки тысяч людей. Людей неординарных: легко ли решиться уехать за тридевять земель?

Не хочется заканчивать на печальной ноте. Южная Африка получила добротный материал. А мир-то, в конце концов, действительно один. Ведь правда?

В 1980-е гг. ЮАР пыталась возобновить официальные отношения с Советским Союзом, разорванные в 1950-е гг. (СССР проводил политику осуждения режима апартеида). В ноябре 1991 г. между ЮАР и Россией был заключен договор об установлении консульских отношений. А в 1992 г. был заключен и дипломатический союз, после которого произошла встреча президента ЮАР Ф. де Клерка с президентом России Борисом Ельциным.

Установление взаимовыгодных, партнерских отношений всегда было основой внешнеполитического курса России по отношению к ЮАР. Визит Владимира Путина в сентябре 2006 г. в ЮАР президент Южно-Африканской

Республики Табо Мбеки назвал поворотным моментом в истории страны. Лидеры двух стран договорились о тесном сотрудничестве в обеспечении демократичного миропорядка, борьбе с международным терроризмом и разрешении региональных конфликтов. Россия и ЮАР будут развивать партнерские отношения во многих сферах деятельности — экономике, науке, промышленности, здравоохранении, культуре, образовании, туризме и других.

Глава V. ПРОВИНЦИИ И ГОРОДА ЮАР

ПРОВИНЦИЯ ЗАПАДНЫЙ КЕЙП

Здесь расположены крупные города, центры южноафриканского туризма — Херманус, Стелленбош, Веллингтон, Найсна, Свеллендам.

На юго-западной оконечности Африканского континента в море выдается узкий полуостров, примерно 60 км длиной. Это Капский полуостров, на котором и расположена провинция Западный Кейп. Здесь у мыса Игольный сливаются воды двух великих океанов — более теплого Индийского и сравнительно прохладного Атлантического. Благодаря этой особенности здесь сложился мягкий средиземноморский климат. В целом же на побережье царят теплое сухое лето и прохладная дождливая зима.

Западный Кейп — это не только цветущие прибрежные районы. На ее территории также лежит часть засушливого плато Кару, где находятся центр страусоводства Оудтсхурн и, в 29 км от него, — доисторические пещеры Канго, где природа создала удивительные скульптуры из песчаника с великолепными разноцветными сталактитами и сталагмитами.

На этом перекрестке истории собрались на одной территории старинные христианские церкви, мечети, часовни и ратуши викторианской эпохи, украшенные венецианским стеклом, белоснежные домики африканеров и рыбацкие поселки. Сегодня все они соседствуют с небоскребами и современными зданиями. Многие из музеев — это отреставрированные дома великих людей, сыгравших значительную роль в прошлом Южной Африки.

Западный Кейп славится несколькими особенностями, благодаря которым здесь созданы наиболее популярные туристские маршруты.

Основной — это уже упомянутый «Винный тур», во время которого нужно обязательно посетить места южноафриканского виноделия — городки Стелленбош, Паарль, Франшхук и Констанция. Традиции виноделия здесь восходят еще к временам первых

голландских поселенцев. Первое «капское» вино было торжественно испробовано в феврале 1659 г. Позднее две сотни гугенотов, бежавших в Южную Африку из Франции от религиозных преследований, привезли с собой секреты знаменитых французских вин.

«Экономьте воду — пейте вино». Утверждают, что впервые этот призыв сорвался с уст основателя города ван Рибекка, который, едва заложив поселение, стал радовать виноделием и уже в феврале 1659 г. торжественно объявил: «Сегодня, благодарение Господу, вино впервые изготовлено из винограда Кейпа в дубовой бочке». Он же и завез из Европы в Южную Африку первый сорт винного винограда — «ханепут». Этот александрийский мускат с явными вкраплениями лимона и меда слыл одним из лучших в мире еще в Средние века.

Местные климатические условия оказались настолько подходящими для возделывания специальных «винных» сортов винограда, что производство вина стало одним из главных занятий здешних фермеров. Капское вино очень любил Наполеон.

Кейптаун

Это место, где родилась современная Южная Африка. Такая, какой мы видим, знаем и любим ее сегодня — этнически пестрая, контрастная, яркая, самобытная, таинственная. Символ города — Столовая гора, у подножия которой и причалили в 1652 г. голландские корабли во главе с Яном ван Рибекком, ставшим отцом-основателем города. Голландцы не стали долго ломать голову над его названием: высадившись на мысе Доброй Надежды, они так и называли его — «город на мысе», по-голландски — «Каапстад». Он издавна прозывался «таверной морей». В 1652 г. форт, являющийся собственностью Ост-Индской компании, служил перевалочным пунктом по дороге на Восток. В те времена на этом месте еще располагались огороды и сотня жителей. Позже из Франции сюда бежали гугеноты, принеся с собой знаменитую французскую лозу и искусство виноделия.

Вид на Кейптаунский порт

Спустя несколько веков поселение превратилось в космополитичный и жизнерадостный город с трехмиллионным населением. Это большой и очень живописный город, каждый квартал которого имеет свой характер. На берегу залива Тейбл-Бей шумит порт и бурлит туристская жизнь набережной Виктории и Альберта. Это одно из излюбленных мест туристов. Рядом располагается одноименный торговый центр, состоящий из более чем 200 магазинов, кинозалов, галерей, отелей и ресторанов, пивных. Недалеко расположился Аквариум двух океанов — самый большой аквариум в Южном полушарии. Его стекло имеет высоту 11 метров, а обитателей насчитывается более 300 видов.

Также с набережной можно отправиться на остров Роббен (Тюлений, а не Пиратский, как утверждают некоторые путеводители), местный Алькатрас. На протяжении нескольких веков здесь находились каторжное поселение, колония для прокаженных и психиатрическая больница. А президент Нельсон Мандела и многие его соратники были заключенными этого острова во времена апартеида. Остров занесен ЮНЕСКО в Список объектов мирового культурного значения.

Старейшее здание Южной Африки — **форт Доброй Надежды** — имеет форму звезды и было построено в 1666 г. всего за один

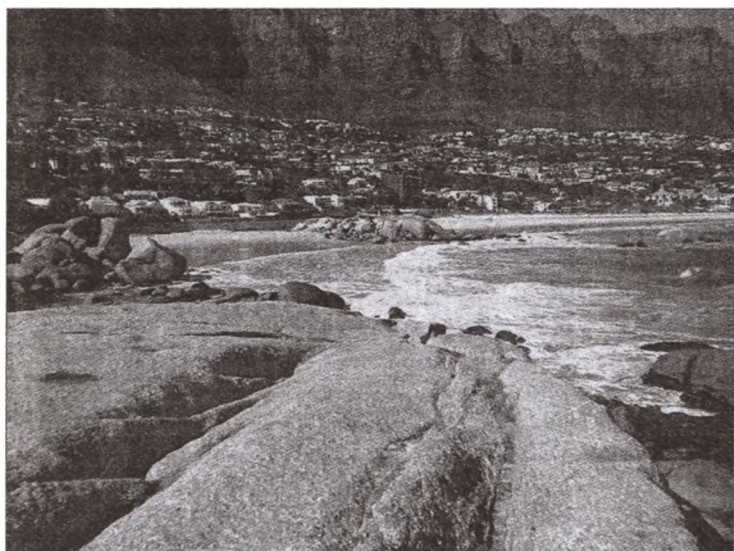

год для защиты новой колонии. На территории форта есть небольшой военный музей.

Slave Lodge — второе старейшее здание в Кейптауне (1679), служило различным целям на протяжении трех столетий. Вначале здесь жили рабы, позже были почта, библиотека и верховный суд. Сегодня в этом здании находится Южно-Африканский культурно-исторический музей.

В западной части города вдоль берега Атлантического океана протянулись курортные районы.

Главная улица — Аддерли-стрит — начинается от нового порта и тянется через весь город до Аллеи правительства. В этом месте на трехстах метрах собраны почти все основные достопримечательности Кейптауна — здание парламента ЮАР, резиденция президента ЮАР, музей Южной Африки, художественный музей, старинный, первый на континенте собор, синагога. На Аддерли-стрит расположены самые красивые здания дорогих отелей и магазинов, правления компаний и банков. В районах Бишопскорта или Констанции красуются величественные виллы кейптаунских миллионеров.

Побережье близ Кейптауна

В противовес им на окраинах существуют кварталы, отведенные для проживания африканцев и «цветных», — это район трущоб, представляющий собой скопление перенаселенных домов и лачуг.

Лучший способ полюбоваться городом — подняться на в комфортабельных кабинках на фуникулере на знаменитую плоскую Столовую гору высотой 1087 м — символ Кейптауна. Долгие годы ее силуэт был первым, что видели мореплаватели, стремящиеся войти в бухту пополнить запасы продовольствия и воды.

Первым из европейцев на эту гору поднялся португальский мореплаватель Антониу де Салданья в 1503 г. Столовая гора считается красивой смотровой площадкой и входит в десятку самых посещаемых туристских мест мира.

Кирстенбошский ботанический сад, заложенный еще при ван Рибекке, содержит семь тысяч видов растений.

Особого внимания заслуживают солнечные часы (1872) и памятники губернаторам сэру Джорджу Грею (1845—1862) и алмазному королю Сесилу Родсу (1853—1902). Последний именуется «Физическая энергия». На высоком постаменте атлетичный всадник рукой указывает в заветную северную даль, к местам, куда устремлялись мечты Родса, — путь на Каир.

Также можно посмотреть здание парламента, собор Святого Георгия (1901), резиденцию президента ЮАР. Неподалеку находится величественное здание мэрии, построенное в 1905 г. Именно здесь Нельсон Мандела впервые выступил с речью после выхода из тюрьмы 11 февраля 1990 г. В здании мэрии находится и великолепная коллекция картин голландских мастеров XVII в.

В Кейптауне также находится единственный в Африке музей русского искусства Matvol Museum, созданный российским бизнесменом Марком Волошиным.

Помимо традиционного парада «малайцев» (так в Кейптауне называют потомков переселенных туда в XVII в. мятежных племенных вождей из Юго-Восточной Азии) городской достопримечательностью последние годы стало очень откровенное костюмированное шествие «чудаков». Это гала-шоу считается самым крупным такого рода в Африке, в нем участвуют до 10 тыс. южноафриканских и зарубежных геев. В нарядах типа «Лихорадка в джунглях» они маршируют, приплясывая и воспевая прелести «голубых» и «розовых» идеалов. Среди самых горячих сторонников голубо-

розовой революции в Кейптауне — местные бизнесмены, занятые в туризме, пластической хирургии, операциях с недвижимостью, торговле драгоценностями, информационных технологиях.

Парад достопримечательностей

Туристский и торговый комплекс Виктории и Альфред Вотерфронт

Не так давно в Кейптауне был сооружен новый порт — современный и благоустроенный. А вот судьбу старого порта городские власти решили очень продуманно. На его месте в 1990 г. стал строиться современный развлекательный туристский комплекс. Сегодня все знают его как набережную Виктории и Альфреда Вотерфронт (берёт своё название от двух портовых гаваней, вокруг которых он был построен). Сегодня, глядя на этот фешенебельный район, уже трудно представить, что совсем недавно здесь располагались старые здания верфи и складов. Умелые дизайнеры и художники быстрыми темпами превратили это место в огромную зону отдыха, развлечений и торговли, ставшую излюбленным уголком кейптаунцев и гостей города.

Когда облака спускаются на Столовую гору, жители говорят, будто скатерть накрыла стол

Сегодня на набережной — одноименный торговый центр, состоящий из более чем 200 магазинов, кинотеатров, театров, галерей, фешенебельных отелей, элитных ресторанов, пивных, дискотек, ночных клубов, винных баров, сувенирных и антикварных лавок. Это самая модная и оживленная часть города, лучшее место для вечернего и ночного отдыха и для шоппинга.

Прямо на набережной проходят различные музыкальные и театрализованные представления, играет джаз-бэнд, африканские барабаны, морские котики лежат прямо на пирсах. Отсюда в морские круизы отправляются белоснежные яхты и катера, на которых вскоре после захода солнца можно совершить морскую прогулку на остров Роббен.

Мыс Доброй Надежды

В самом конце Капского полуострова расположен мыс Доброй Надежды, взявший на себя ответственность называться Краем Земли. Это своеобразная визитная карточка всей Южной Африки.

Сегодня огромную часть территории мыса занимает заповедник мыса Доброй Надежды площадью в 7750 га с богатейшей флорой и фауной. Он создан в 1938 г. Заповедник насчитывает более 1100 видов растений, многие из которых произрастают только в Южной Африке, а некоторые — только в этом заповеднике. Из представителей животного мира здесь встречаются бабуины, мартишки, страусы, зебры, антилопы, гепарды и другие виды.

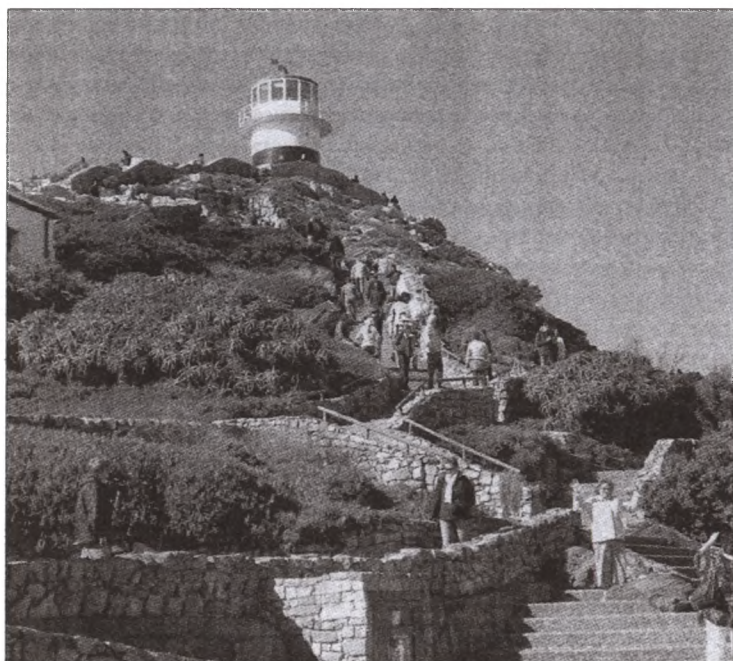
В 1860 г. на мысе был построен маяк на высоте 238 метров над уровнем моря. Это самый высокий морской маяк в Южной Африке. Здесь находится одна из самых популярных смотровых площадок в мире.

Фолс-бей (Ложная бухта)

Название бухты, расположенной со стороны Индийского океана, появилось еще при португальцах. Она настолько широка, что в туманную погоду многие мореплаватели принимали ее за участок открытого океана. Именно с Ложной бухтой связана уже известная нам легенда о корабле-призраке — «Летучем Голландце».

Болдерс — колония пингвинов

Бухта, находящаяся на внутреннем побережье Капского полуострова между мысом Доброй Надежды и Саймонстауном. Здесь

Путь к маяку

специально проложены тропинки, по которым можно ходить и наблюдать за большой колонией африканских пингвинов, которая в последнее время насчитывает более 1000 этих редких животных.

Мемориал Сесила Родса

Расположенный в Рондебосхе на склоне Столовой горы мемориал возведен из гранита, взятого из самой горы, и увековечивает память Сесила Родса — премьер-министра Капской колонии с 1890 по 1896 г.

Имя Сесила Родса для жителей ЮАР давно стало синонимом успеха и достатка и уже, подобно Рокфеллеру, становится нарицательным, хотя еще не так давно он был злым империалистом, колонизатором Африки, угнетателем чернокожих народов.

На самом же деле Родс просто вовремя оказался в богатейших золотом и алмазами землях Южной Африки. В 1870-х гг. он прие-

хал в Кимберли, где тогда разгоралась алмазная лихорадка. Скупив казавшиеся бесперспективными нижние слои породы, он напал на не менее богатые пласты кимберлита. Из самой знаменитой Большой Ямы в итоге добыли более 3 т алмазов прекрасного качества. Большая их часть к тому времени контролировалась Сесилем Родсом. Он объединил добычу золота и алмазов под крышей «Де Бирс» — своей компании, названной в честь хозяина фермы, на которой были найдены алмазы.

В итоге он стал премьер-министром Капской колонии, любимцем двора, одним из самых богатых людей планеты. Он колонизировал северные земли ЮАР, названные Родезией еще при его жизни. Родс умер в 1902 г. По его завещанию частные владения отошли государству, для общего блага, а тело Родса было перевезено в Булавайо в Зимбабве и похоронено на холме Матапо, где начиналась древняя история Родезии.

Фуникулер на мысе Доброй Надежды

Дорогой Садов

В приморской части провинции Западный Кейп по побережью Индийского океана проходит знаменитая южноафриканская Дорога Садов (Гарден Рут), которая начинается в 300 км к востоку от Кейптауна и доходит почти до города Порт-Элизабет. Уютные городки, теплый океан, бесконечные песчаные пляжи, утесы и каньоны, пышные субтропические леса, лагуны и озера...

Наиболее интересные для туристов города — Моссел-бей, Кнайсна (варианты написания: Найсна или Найзна) и Плеттенберг-бей. Два последних, находящиеся рядом, образуют своего рода курортный дуэт. Недалеко от Плеттенберг-бей начинается национальный парк Цицикамма-форест.

Моссел-бей построен там, где когда-то каравеллы Бартоломеу Диаша, пройдя мыс Доброй Надежды, повернули назад, в Португалию. В Морском музее находятся копии тех каравелл в натуральную величину. Они пришли сюда своим ходом из Лиссабона. В Моссел-бей есть историческое почтовое дерево. Как и много лет назад, его дупло служит почтовым ящиком. Можно также посетить Музей раковин.

Кнайсна и Плеттенберг-бей находятся в 30 км друг от друга. Первый расположен непосредственно на океане, а второй — в огромной морской лагуне, в которую впадает река Кнайсна, которую называют еще Соленой рекой. Оба славятся бесконечными песчаными пляжами.

«Головы Кнайсны» — два огромных утеса по краям пролива, соединяющего Индийский океан и лагуну, на берегу которой находится город. Среди самых красивых мест ЮАР это место входит в пятерку лучших. Площадь лагуны — 13 кв. км. Это хорошее место для круизов, дайвинга, рыбалки и водных видов спорта. Рядом — ландшафтный заповедник Фезербед.

На набережной Кнайсны — уютный туристский центр с множеством ресторанчиков, магазинов и марин. Старинный поезд с паровозом Аутениква Чу-Ту ходит между Кнайсной и городом Джордж, где находится местный аэропорт. Отправление — от туристского центра на берегу океана. Прибрежный маршрут

проходит через леса, пересекает озера и восхищает видами, которые открываются из окна вагона. Поезд ходит ежедневно, кроме воскресенья. Выехав из Найзны в 9.45, поезд прибывает обратно в 16.00. В городе пассажиры проводят около полутора часов. Дневной поезд выходит в 14.15, но идет только в одну сторону. Один из самых элегантных отелей в этих местах — The Plettenberg 5. Два его белоснежных здания с бассейнами расположены на высоком берегу, откуда открывается захватывающий вид на океан и пляж с золотым песком.*

Цицикамма-форест. Реликтовые леса этого национального парка начинаются недалеко — в районе Кнайсны и Плеттенберг-Бей. Общая протяженность — около 80 км. Тут можно увидеть бабуинов, бородавочников, разные виды антилоп и даже леопардов.

Цицикамма-форест — это место для активного отдыха. Его организацией здесь занимаются специалисты спортивного центра в Деревне приключений. Здесь предлагаются рафтинг, скалолазание и «древолозание», горные велосипеды и другие удовольствия. В лесах и горах вокруг Кнайсны и в районе Плеттенберга проложены многочисленные пешие и конные маршруты разной продолжительности (от 40 мин. до нескольких часов), рассчитанные на разные уровни подготовки. Можно отправиться в поездку на тракторе. Во время тура по Тропе Лесорубов в Лесу Желтых Деревьев проводники обязательно покажут туристам Big Tree, которому около 700 лет.

Примерно в 20 км от Плеттенберга рядом с Цицикамма-форест расположен Nog Hollow Country Lodge — одно из лучших мест размещения на Дороге Садов с прекрасным горным пейзажем.

Что еще здесь интересного? Устричная ферма. На берегу лагуны Кнайсны на острове Тезен находится ферма устриц Knysna Oyster Co, существующая с 1949 г. Здесь можно узнать, как добывают устриц, а потом попробовать их, запивая великолепным южноафриканским вином.

У дороги № 2 в 15—20 минутах езды от Кнайсны в сторону Плеттенберга находится удивительное место, которое за свою не-

подражаемую райскую красоту получило название Эдемский Сад. Дальше, примерно в 20 км от Кнайсны, находится любопытный парк, где под присмотром людей живет слоновья семья. И взрослых, и маленьких можно кормить, они дают себя погладить. Для них построена огромная вольера, куда они с наступлением темноты приходят спать. В соседних лесах обитают дикие слоны. Царство обезьян — «Манкилэнд» — находится в 16 км к востоку от Плеттенберга. По окончании прогулки можно пообедать в ресторане с прекрасным видом на тропический лес.

На Гарден Рут также можно посетить пивной завод Mitchell's Brewery в Кнайсне, а в Моссел-Бей — пещеры Койсан, где 80 тыс. лет назад жили люди, древнейшее население Южной Африки; гейм-фермы Баффало-хиллс и Ботлерскоп; полуостров Робберг с уютными бухтами; Музей затонувших кораблей, Музей дерева; старую китобойню; старинные церкви.

На протяжении всего побережья Западного Кейпа в сезон с апреля по ноябрь можно наблюдать за китами и дельфинами, которые ежегодно приплывают сюда для размножения.

На страусовой ферме

Из аэропорта Плеттенберга выполняются полеты на небольших самолетах. Среди маршрутов — воздушные сафари в парк Эддо и заповедник Шамвари, а также полеты над океаном.

Купальный сезон совпадает с местным летом — с октября по апрель, в это время температура воды в Индийском океане не опускается ниже +22—23 °С. Зима же в этой части побережья мягче, чем в Кейптауне, например, в районе Плеттенберга в июне — августе температура воды составляет +17—19 °С.

В восточной части Западного Кейпа в некотором отдалении от побережья в глубине материка расположен горный район Малое Кару. Зимой — с мая по сентябрь — дневная температура здесь поднимается до +18—20 °С, но с наступлением темноты температура резко опускается, иногда до нуля, бывают заморозки, и вершины гор покрываются снегом. Летом — с октября по май — в Малом Кару бывает жарко. Но из-за малой влажности жара переносится легко.

Оудсхоорн — главный центр региона и старинный типично южноафриканский городок — имеет статус мировой столицы страусовой индустрии. На рубеже XIX—XX вв. страусовые перья экспортировались отсюда во многие страны мира. После Первой мировой войны спрос на них упал, но через несколько десятков лет интерес к страусам возродился, причем ценность обрели также кожа и мясо этого животного. Здесь расположено более 400 страусовых ферм. Из них четыре имеют статус Show Farms, куда устраиваются экскурсии. Здесь можно покататься на страусах, посмотреть гонки с участием этих птиц.

На выезде из Оудсхорна в сторону пещер Канго находится ферма-зоопарк с рептилиями и дикими кошачьими. Здесь можно зайти в вольеру и в присутствии работника фермы погладить гепарда, а также детенышей редких белых бенгальских тигров.

Ну а сами сталактитовые и сталагмитовые пещеры Канго известны на весь мир и входят в десятку самых посещаемых мест в ЮАР. Одно время в первом, самом большом зале даже устраивались симфонические концерты. В принципе достаточно пройти легкий получасовой маршрут, но есть и экстремальные туры. Недалеко — водопады Rus en Vrede.

На перевал Свартберг в Черных горах ездят смотреть закат солнца. Запоминающееся зрелище, когда с одной стороны уже сумерки, а с другой — еще совсем светло.

Калицдорп — один из самых красивых городков этих мест. Ласкают глаз архитектурные формы голландской церкви, построенной из огромных каменных блоков, узкие живописные улочки со старинными домами. Город окружен плантациями с виноградом таких сортов, из которых делают, наверное, лучшее вино в ЮАР. Любителям сладких вин, например, придется по вкусу Напероот, сделанное на ферме Calitzdorp Kelder.

Ежегодно в марте — апреле здесь проходит осенний фестиваль, собирающий десятки тысяч любителей истории и искусства.

В Восточный Кейп (о ней мы еще расскажем) туристов влечет прежде всего девственная природа. На бескрайних диких песчаных пляжах Транскея (Дикий Берег) есть места, где людей не было, наверное, десятки лет. Названия здешних заповедников — Эддо-парк, Квандве, Шамвари, Зууберг, Карьега — менее известны, чем парк Крюгера, и здесь бывает не так много туристов, но именно в этом их главное достоинство. Безусловным достоинством провинции является и отсутствие малярии. Крупнейшие населенные пункты здесь — Порт-Элизабет и Ист-Лондон. Столица — небольшой городок Бишо.

(Сегодня город Порт-Элизабет является частью муниципалитета Нельсон Мандела-бей с населением более 1 миллиона жителей.)

Национальный парк Эддо и несколько заповедников (прежде всего Шамвари и Квандве) поблизости от Порт-Элизабет — лучшие места для знакомства с дикой природой ЮАР. (О них мы еще расскажем, когда будем говорить о Восточном Кейпе.)

Культурная деревня KaYa Lendaba находится в заповеднике Шамвари в 80 км от Порт-Элизабет. Здесь можно познакомиться с традициями и образом жизни африканцев. В Кайя-Лендабе воссозданы строения и архитектурные ансамбли племен зулусов, коса и тсвана. Тут врачуют знахари, священнодействуют колдуны, танцуют воины в боевых нарядах.

Прекрасный вид открывается с 350-метрового моста над живописной рекой Фан-Стаденс, где по дороге из Хьюмвуда в Торнхилл проезжает узкоколейный паровоз «Яблочный экспресс».

Коротко о главном: Западный берег

В состав Западного берега входят долина реки Олифант, Свортленд и атлантическое побережье. После двух месяцев зимнего периода дождей Западный берег наполняется буйством красок. Об-

ласть славится изобилием морепродуктов и изобилием культурно-исторических мест.

В городе Дарлинг посетителей ждут музей истории страны и художественная галерея, ежегодное шоу диких цветов и орхидей, фабрика по изготовлению корзин и винные погреба.

Лангебаан — популярное место отдыха. Национальный парк Западного берега — всемирно известный ветленд (заболоченная местность), каждый год она привлекает тысячи посетителей. Лагуна Лангебаан занимает часть парка и разделена на особые зоны. Секция Постберг близ лагуны знаменита своими дикими цветами, цветущими с августа по сентябрь. Имеются прекрасные возможности для наблюдения за птицами, рыбалки, скалолазания, конных прогулок, а весной здесь можно понаблюдать за китами.

На мысе Колумбин в Патерностере находится последний в Южной Африке маяк, обслуживаемый человеком. В заповеднике Колумбин гнездится множество видов морских птиц.

Салданья — рай для любителей водного спорта. Среди других достопримечательностей — памятник французским гугенотам и пещера Док, служащая естественным волнорезом.

Залив Святой Елены известен своим музеем и памятником Васско да Гама. Возможности рыбной ловли, скалолазания, наблюдения за птицами и китами привлекают сюда много посетителей.

Вреденбург — деловой центр области, предлагает прекрасные возможности для совершения разного рода покупок и много других необходимых услуг. Большой популярностью пользуются курсы гольфа.

Парк древностей Западного берега расположен в 110 км к северу от Кейптауна. Посетители парка имеют возможность познакомиться с жизнью животных в древности и климатом 5 млн лет назад.

Ламбертс-бей — традиционный рыбацкий поселок с Птичьим островом, служащим местной достопримечательностью. Здесь размножаются пингвины, большие бакланы и другие морские птицы. С июля по ноябрь здесь можно наблюдать китов.

Живописный город Доринг-бей со своим маяком славен морепродуктами. По договоренности можно посетить ферму лангустов.

В Страндфонтейне, расположенном в 8 км от Доринг-бей, есть все необходимое для отдыха и уединенный отель.

Арка Вольфберг, долина реки Олифант

В Вельдриф-Лааиплеке можно побаловать себя деликатесной соленой рыбой. В городе туристы могут посетить фабрику, занимающуюся солением рыбы и художественную галерею Западного Кейпа.

Иезерфонтейн славится своими девственными пляжами, прекрасными видами и возможностью понаблюдать за китами.

Цитрусовые плантации долины реки Олифант являются третьими по величине в Южной Африке. Винный маршрут от Цитрусдейл до Лутзвила гордится винной продукцией. В зимние месяцы долина реки Олифант наполняется пьянящим ароматов цветущих апельсиновых деревьев. Здесь же производится известный и у нас в стране чай *goobos*. Музей Цитрусдейл рассказывает о жизни первобытных обитателей и открытиях колонистов.

В безлюдных областях Седарберг (кедровые горы) растут редко встречающиеся растения протей (символ ЮАР) и слоновья нога. Здесь можно увидеть лучшие в Западном Кейпе образцы наскального искусства бушменов.

В Кланвильяме можно посетить фабрику чая *goobos* или *velskoep* и могилу известного южноафриканского поэта Льюиса Лейпольдта.

Вуппертааль — старейшая миссионерская станция у подножия гор Седарберг. Рабочие продают чай *velskoens* розничным продавцам, главным образом в Готенг и Западный Кейп.

Граафватер располагается в районе, известном своим производством картофеля. Туристы могут посетить Heerenlogement — скалистый выступ, использовавшийся в качестве места для ночевки первыми поселенцами.

Клауер был назван так в честь клевера, в изобилии произрастающего в этой области. В цветочный сезон равнина напоминает цветной калейдоскоп. Посетители могут пойти по пешеходному маршруту вдоль реки Доринг или же спуститься по реке на каноэ.

Лутзвиль и Коекенаап — рай для рыбаков и ловцов лангустов.

Можно также увидеть железнодорожный мост Сайшен-Салданья. Там где железнодорожные пути пересекают реку Олифант, они разделяются на 23 секции по 45 м длиной каждая. 14 100-тонная панель сдвигается тефлоновыми листами с помощью гидравлического домкрата предмостовых укреплений. Это самый длинный в мире мост, построенный по такому принципу.

Фанринсдорп — самый большой в ЮАР кактусовый питомник. Музей радио Латски хранит коллекцию старых ламповых радиоприемников, выпускавшихся до 1924 г.

Знаменитый южноафриканский «Голубой экспресс» ходит между Кейптауном и Преторией в Мпумалангу, а также проходит участок Дороги Садов между Кейптауном и Порт-Элизабет. Предлагается также путешествие в Зимбабве к водопаду Виктория.

Регион Свартленд известен своей пшеницей. Пшеничные поля перемежаются виноградниками, где производят высококачественные вина. Мэлмесбери — самый большой город в Сварленде. Главные достопримечательности: мельницы Бокомо, винодельни, Тележный музей, самый большой дуб в Южной Африке и Музей Мэлмесбери.

Долина Рибекa известна ландшафтами. Область стала популярной среди всемирно известных художников различных школ. Здесь родился Ян Смэтс, сыгравший большую роль в истории Южной Африки. Залив Эландс — популярный курорт и прекрасное место для серфинга. В пещерах залива можно увидеть наскальные рисунки бушменов.

Муррисбург является житницей страны. Здесь можно посетить Музей пшеницы, один из трех в мире. В городе и окрестностях весьма популярны маршруты 4 x 4, наблюдение за птицами, стрельба по летающим глиняным мишеням, катание на горных велосипедах и каноэ.

Пикетберг предлагает неожиданные сюрпризы любителям приключений. В городе предлагаются различные развлечения и дегустация вин.

Стоит посетить миссионерские станции Годфервахт и Виттватер, расположенные вблизи Пикетберга.

Портервилль знаменит своим маршрутом Диса. Горный пик Грот-Винтерхук в одноименной пустыне — второй по величине на Западном Кейпе. Здесь проходят разнообразные пешеходные тропы. Перевал Дэсклип очень популярен среди дельтапланеристов.

Регион Оверберг. В состав муниципальной области Хангклип-Клейнмонд входят Клеймонд, Беттис-бей, Прингл-бей и Руйелс. Это популярный регион для отдыха, подходящий для наблюдения за китами. Здесь расположены заповедник Клеймонд и ботанический сад Гарольд Портер.

В заповеднике пингвинов на Каменном мысе проживает одна из двух колоний пингвинов на Африканском континенте.

Биосферный заповедник Когельберг — первый в Южной Африке международный биосферный заповедник — был учрежден ЮНЕСКО в 1999 г.

Херманус — популярный курорт, в котором оборудованы лучшие в мире наземные площадки для наблюдения за китами.

Стэнфорд — одна из нескольких деревень в Южной Африке, где еще сохранилась рыночная площадь, поэтому центр деревни объявлен национальным памятником и охраняется государством.

Гансбай известен прекрасными возможностями для рафтинга, дайвинга, а также наблюдений за акулами и китами. Можно посетить маяк Опасный мыс, получивший свое название из-за большого количества погибших кораблей.

Де Кельдерс — единственная на африканском побережье пещера с подземными грунтовыми водами. Со скал Де Кельдерс вдоль Жемчужного пляжа можно наблюдать за китами и белыми акулами. Также большой популярностью пользуются здесь дайвинг-сафари и рыбалка.

Элим был основан германскими миссионерами в 1824 г. Старая водяная мельница (1833) была восстановлена и объявлена национальным памятником.

Монумент Kenwakebea в Нейпире был построен в память Великого бурского трека. Другие интересные маршруты: пещеры ле-

тучих мышей, прогулки на повозках, запряженных лошадьми или осликами.

Сельскохозяйственный музей в Бредасдорп-хаузе хранит коллекцию старинных фермерских орудий труда, также здесь собрана самая большая в Южном полушарии коллекция бутылок. В Музее кораблекрушений представлены предметы, спасенные с кораблей, затонувших у этих коварных берегов.

В марте 1999 г. отметил 150-летие второй старейший в стране маяк Агульяс. Здесь есть чайная комната и музей. А всего в одном километре от маяка находится самая южная точка Африки — мыс Игольный (по-португальски агульяс — иголки). Здесь встречаются воды Индийского и Атлантического океанов.

Арнистон местные рыбаки в прошлом прозвали Waenhuiskrans за огромные морские пещеры, в которых могло бы уместиться несколько запряженных волами повозок. Свое нынешнее имя он получил в 1815 г., после крушения здесь корабля «Арнистон». Пещеру Waenhuiskrans можно исследовать во время отлива.

В состав заповедника Де Хууп по дороге в Свеллендам входят завоевавшие мировую известность заболоченные земли и птичий заповедник, в котором живет единственная в Западном Кейпе колония грифонов. В морской заповедник зимой возвращаются киты. Здесь есть тропы для горных велосипедов и экологический образовательный центр. В заповеднике Хейнингсберг растет несколько видов протей и лилии Бридесдорпа.

Свеллендам знаменит, среди прочего, своей эклектичной архитектурой. Музей Дростди состоит из группы строений, содержащих огромную коллекцию мебели разных периодов. Национальный парк Бонтенбок, в 7 км от Свеллендама, наряду с другими животными дает убежище исчезающему виду антилоп бонтбоков.

Суурбраак — миссионерская деревня, расположенная в горах Ландеберг на берегу реки Буффельсъяхт в 5 км от величественного перевала Традоув.

Каледон знаменит своими минеральными водами, горячими источниками и великолепным диким разнообразьем.

Генадендаль — старейшая в Африке моравская деревня, с церковью и зданием школы, которые были построены в 1738 г. В музейном комплексе деревни хранятся документы первой в Южной Африке миссионерской станции.

Дамба Теватерсклооф, недалеко от Виллерсдорпа, — седьмая по величине дамба страны. В заповеднике и саду Виллерсдорп есть местные лекарственные травы и справочная библиотека.

В районе Грабов-Эдджин производится около 60 % общего урожая яблок. Эдджинский Музей яблок — один из двух музеев подобного рода в мире.

Долина реки Бриид — эти места считаются благодаря великолепным ландшафтам и высоким скалам, кристально чистым ручьям самым многоликим регионом Западного Кейпа. У подножия гор Ландерберг расположился Эштон — важнейший винодельческий и продовольственный центр. Помимо посещения четырех винодельческих и двух больших консервных заводов здесь предлагают круизы вниз по течению реки Бриид, на восхитительные скалистые образования, в живописный Когмансклооф, а также однодневные прогулки вокруг холмов, позволяющие увидеть вблизи знаменитые виноградники.

Окруженный горами, увенчанными зимой снежными шапками, Серез, один из богатейших сельскохозяйственных районов Западного Кейпа, дает начало ручьям, питающим реку Бриид. Искатели приключений могут заняться альпинизмом, отправиться в поход на джип-сафари и горных велосипедах, посетить заповедники или совершить путешествие к вершине горы Матрус.

Городок Де Доорнс, расположенный в сердце долины реки Хэкс, считается крупнейшим в ЮАР производителем столового винограда. Здесь сохранены исторические здания и фермы, наскальные рисунки бушменов и знаменитый маршрут 4 x 4.

В Мак-Грегоре лучше всего сохранились образчики архитектуры XIX в. — белые, крытые соломой коттеджи и хорошо сохранившиеся дома викторианской эпохи.

Монтагу — ворота в Малое Кару, расположен в плодородной долине с типичным для этих мест ландшафтом. Здесь находится уникальное скальное образование Когмансклооф. Дегустация знаменитых мускатных вин, посещение минеральных источников и единственные в своем роде поездки на тракторах с прицепом на вершину гор Ландерберг, откуда открывается захватывающий вид на долины Робертсон и Коо, — все это можно найти в Монтагу.

Среди виноградников и винных поместий затерялся городок Раусонвилл, известный своими винами, награжденными многими

Продукция фермы на Брид-ривер

медалями. Туристы получают большое удовольствие от поездки по долине с роскошными виноградниками, великолепными пейзажами и минеральными источниками — ATKV Goudini Spa.

Известная как долина вина и роз Робертсон — одна из наиболее красивых областей Южной Африки. Окруженная виноградниками и фруктовыми садами, долина Робертсон славится также чистопородными лошадьми.

Когда была построена новая железная дорога на север, Таусривер стал первым и главным локомотивным депо после Кейптауна. Памятник астрономическим исследованиям служит напоминанием о британских экспедициях конца XIX в. Природный заповедник — отличное место для любителей скалолазания и родной дом для разнообразных животных. Здесь также можно увидеть наскальные рисунки бушменов.

Живописная деревушка Тулбаг известна своей историей. На Соборной улице находится 32 национальных памятника: это самая большая в ЮАР концентрация национальных памятников на одной улице. Среди других развлечений стоит отметить винодельни, пешие тропы, горные велосипеды, конные прогулки, рыбалку или поездку на поезде через очень красивый перевал Ньюе-Клооф.

Городок Уолсли расположен на необычном водоразделе, считающемся природным феноменом. Здесь же много троп для гор-

ных велосипедов, прогулок, организована ловля форели, посещение ферм с дегустацией вин. К числу достопримечательностей можно отнести и блокаузы времен англо-бурской войны.

В центре долины реки Бриид, в окружении величественных гор расположен город Ворчестер. Здесь вы сможете посетить музеи, художественную галерею и познакомиться с архитектурным наследием города. Изучить жизнь первопроходцев можно в музее Клейнплази под открытым небом. Осмотреть растительность полупустынь и ландшафтные сады — в национальном ботаническом саду Кару.

Завершая путешествие по Западному Кейпу, упомянем еще несколько городов, без описания которых картинка этого уголка Южной Африки оказалась бы неполной.

Каледон

Он считается идеальным местом для тех, кто решил всерьез заняться своим здоровьем. Тут имеются горячие минеральные источники, целебные свойства которых были известны местному населению ещё задолго до прихода белого человека. Вода в природном источнике имеет температуру более 50 градусов. Постепенно стекая по серии бассейнов-каскадов, она охлаждается, так что в одном из бассейнов можно найти оптимальный температурный режим. Терапевтический эффект этих источников превосходит воздействие лучших термальных источников Европы.

Стелленбош

Это второе по возрасту поселение после Кейптауна. Город основал губернатор Саймон фан дер Стел в 1679 г. Изначально поселение стало центром снабжения для близлежащих винных ферм. Позднее Стелленбош стал центром образования, южноафриканским Оксфордом. Стелленбошский университет крупнее Кейптаунского. Это один из старейших и лучших университетов страны. Преподавание ведется на языке африкаанс.

Стелленбош — очень уютный город с низкими белокаменными усадьбами, тяжелыми деревянными воротами и знаменитыми трехсотлетними виноградниками. Музей Стелленбош-виллидж состо-

ит из четырех усадеб и садов, основанных в XVII—XIX вв. Каждый год в октябре проводится «Фестиваль Симон ван Дер Стел» в честь дня основания города Стелленбош.

Винных ферм около 80, самые популярные — Велмуд, Спир, Берхжелдер, Хазендал.

Джордж

Он является сердцем Западного Кейпа и его деловым центром. Он имеет хорошее воздушное, автомобильное и железнодорожное сообщение со всеми крупными городами и важными центрами Южной Африки.

Город Джордж назван так в честь английского короля Георга III. Как и везде, в центре живут белые, в пригородах — чернокожие. Народ здесь консервативный: по воскресеньям всей семьей идут в церковь, потом обедают, ложатся спать, просыпаются, смотрят соревнования по регби, ужинают и снова ложатся спать. Никаких дискотек, ночных клубов, игровых залов; главное развлечение — гипермаркет, паб и кинотеатр с фильмами месячной давности. Жителям Джорджа есть чем гордиться.

Здесь сохранилась старая железная дорога с настоящим паровозом. Машинист дает отмашку, звучит свисток — окутанный клубами пара локомотив медленно трогается с места. В вагоне кожаные кресла, медные ручки, пожелтевшие фото — все как пятьдесят лет назад. Сохранилось даже объявление: «Не бросайте конфеты и деньги бегущим за поездом детям».

Тут можно совершить прогулки по специально разработанным пешим маршрутам. В 9 км на запад от города расположено местечко Виктория-бей. Это популярное место катания на волнах среди любителей серфинга со всего мира.

В Old Drostdy находится знаменитый Джорджский музей (основан в 1811 г.), основной темой которого является все, что связано с деревообрабатывающей промышленностью. Экспозиция включает значительную коллекцию старинных рабочих инструментов. На территории музея находится старинный дом дровосека, восстановленный в соответствии с традициями начала XIX в. Тут же представлена и богатая коллекция деревьев редких и ценных пород. В Джордже располагается знаменитый Гербарий, представляющий большинство деревьев и растений, произрастающих на территории Южной Африки.

Музей Транспорта Оутеникwa — единственный в Южной Африке. Он размещает точную копию старой железнодорожной станции, большую экспозицию, где представлены образцы локомотивов, автобусов, автомашин и даже тяглового транспорта, которые на заре паровозостроения перевозили пассажиров по рельсам.

Не менее интересным окажется для ценителей и религиозный тур. Исторические церкви Джорджа включают в себя церкви Святого Петра и Павла, старейшие в Южной Африке римскую католическую церковь и голландскую реформатскую церковь, основанную в 1842 г, и собор Святой Марии.

ПРОВИНЦИЯ ВОСТОЧНЫЙ КЕЙП

Восточный Кейп — вторая по величине провинция страны. Ее площадь составляет почти 14 % от общей площади ЮАР. Территория Восточного Кейпа протянулась вдоль юго-восточного побережья Южной Африки. Береговая линия тянется от реки Умтавуна до устья реки Стормс, а на континенте провинция граничит с Королевством Лесото. Климат здесь весьма разнообразен, поскольку область находится между субтропическим Квазулу-Наталем и «средиземноморским» Западным Кейпом, но в целом погода тут характеризуется жарким летом и умеренной зимой.

Восточный Кейп — это край удивительных пейзажей: мягкие очертания зеленых холмов, четкие контуры южных отрогов Драконовых гор, желто-песчаные долины и саванны с голубыми прожилками рек, огромные массивы влажных лесов...

У подножия гор Аматола проходили знаменитые кафрские войны между племенами коса и англо-бурскими завоевателями в XVIII—XIX вв.

Жители Восточной провинции гордятся тем, что здесь родились первый чернокожий президент ЮАР — Нельсон Мандела, а также президент Табо Мбеки.

Родина Манделы — деревня Куну. Она сегодня стала одной из местных достопримечательностей. В деревне сохранился участок, на котором раньше стоял дом будущего президента, где прошло его детство. Сохранились могилы его родителей.

Главное же природное достояние Восточного Кейпа — его великолепное побережье. Ласковые волны Индийского океана омывают более 800 км нетронутого побережья с широкими песчаными берегами, живописными лагунами и высокими скалистыми утесами. Эти места отлично подходят как для любителей активного отдыха — серфинга, дайвинга и др., так и для ценителей курортной жизни. На этом побережье находятся одни из лучших пляжей мира, а подводные красоты побережья завораживают даже самых маститых ныряльщиков.

«Дыра в стене» — эта достопримечательность находится на Диком берегу восточного побережья. Столь необычное название местные жители дали уникальному явлению — огромному отверстию в середине скалы, выросшей прямо из океанской бездны. Отверстие «прорубили» океанские волны. Народ коса называет это место «изи калении», что значит «Обитель грома». Во время прилива волны хлещут через отверстие таким способом, что по всей долине раздается мощный гул.

Самые популярные туристские маршруты сегодня — сафари в уникальных заповедниках и национальных парках Восточного Кейпа, отличающихся богатейшей фауной. (О некоторых мы рассказывали в главе о национальных парках.) Самые знаменитые из них — национальный парк Эддо, славящийся одной из крупнейших во всей Африке популяцией слонов, заповедник Шамвари со всеми представителями «Большой пятёрки», национальный парк Кванде, национальный парк Крэдок.

Всего заповедников более 60, и вместе они занимают область больше, чем национальный парк Крюгера.

Шамвари — самый южный частный заповедник ЮАР, расположенный в 70 км от Порт-Элизабет. На его территории расположено 5 экосистем, характеризующихся удивительным видовым разнообразием. Здесь в комфортных для них условиях дикой саванны живут носороги, львы, леопарды, слоны и буйволы, а также гепарды, зебры, черные и белые носороги, жирафы, бегемоты и 18 видов антилоп. В прошлые десятилетия на них велась нещадная охота, и к началу XX в. они практически исчезли из этих мест.

С 1990 г. владелец заповедника Эдриан Гардинер стал восстанавливать экосистему заповедника, и сейчас животные могут чувствовать себя в безопасности.

Грехэмстаун

Это исторический центр Восточного Кейпа, вобравший в себя дух многих культур — коса, бурской, британской. Широкие улицы еще помнят то время, когда он был вторым городом страны. Сегодня многие называют Грехэмстаун (варианты написания: Грэйамстаун, Грэмстаун, Грехемстаун и др.) «Городом святых» из-за большого количества церквей, самая красивая и известная среди которых — собор Святых Михаила и Георгия.

В историческом центре города находится множество музеев — комплекс «Олбани», Исторический музей, Национальный музей английской литературы, Музей естественных наук. Один из интереснейших — Музей обсерватории с одной из только двух имеющихся в мире «камер обскура» викторианской эпохи. Город также знаменит национальным фестивалем искусств, который проводят здесь ежегодно. В это время Грехэмстаун превращается в центр творческой жизни страны, сюда съезжаются артисты, художники, ремесленники со всей страны.

Ист-Лондон

В провинции расположен этот самый крупный речной порт страны.

Залив Алгоа имеет более 40 км прекрасных пляжей. Защищенный от открытого океана, он представляет великолепные возможности для безопасного занятия плаванием, виндсерфингом, дайвингом, ныряния с трубкой и других водных развлечений. Пляж Хоби — ближайший к городу — является местом ежегодного фестиваля брызг. Здесь же проводится ежегодный чемпионат мира по бордсейлингу.

В 1835 г. британская экспедиция достигла устья реки Буффало, где необходимо было создать порт для снабжения войск, участвующих в войне с племенами коса. В 1848 г. новое поселение получило название Лондон, а построенный вскоре порт стал Ист-Лондоном.

Редкий кадр: профессор А.-Б. Смит с целакантом, выловленным в 1952 г.

В 1857 г. англичане привезли сюда более 2300 немецких наемников, которые воевали на их стороне во время Крымской войны. Через несколько лет к ним присоединились еще 3400 немецких фермеров из Гамбурга. Многие поселки вокруг Ист-Лондона имеют поэтому немецкие названия.

В Ист-Лондонском естественно-научном музее хранятся два подлинных сокровища: чучело латимерии и яйцо птицы дрон-та. Считалось, что латимерия исчезла с лица земли еще 65 млн лет назад вместе с динозаврами. Но вот в 1938 г. капитан одного судна поймал в море недалеко от Ист-Лондона странную рыбу, которую и принес в музей на экспертизу. Ученые с изумлением обнаружили, что это латимерия длиной 1,6 м и весом 57 кг. Оказалось, что эта доисторическая рыба дожила до наших дней. Впоследствии выяснилось, что она еще встречается в водах Коморских островов.

А что касается дрон-та, обитавшего на острове Маврикий, то он дожил до середины XVII в., и последние нелетающие дрон-ты были уничтожены крысами и свиньями. В музее бережно хранят единственное в мире яйцо этой птицы.

Порт-Элизабет (ныне Нельсон-Мандела-бей)

Жемчужина Восточного Кейпа — город Порт-Элизабет — находится на берегу залива Алгоа (с 2004 г. — бухта Нельсона Манделы). Этот крупный порт был основан в 1799 г., когда англичане построили здесь небольшой форт Фредерик для защиты от возможной высадки французских войск.

В 1820 г., когда англичане решили начать заселение восточных районов, вокруг форта появился город, который первый губернатор Руфэйн Донкин назвал в честь своей покойной жены. В ее честь был также основан заповедник «Donkin Reserve», где рядом с маяком стоит возведенная в честь супруги губернатора каменная пирамида, на которой написано: «В память о замечательном человеке, давшем имя этому городу».

Первыми поселенцами стали коренные британцы, подавшие в далекие края после Наполеоновских войн, и соблазнившиеся на почти дармовые хозяйственные угодья и скот. В честь первого поселения 1820 г. была воздвигнута 51-метровая башня у въезда в

Пляжи Порт-Элизабет

порт — Samranile. На смотровую площадку башни ведут 204 ступеньки. Сегодня Порт-Элизабет — самый крупный промышленный город ЮАР с населением более 1,2 млн человек. В его пригородах построили гигантские заводы, а сам город стали называть южноафриканским Детройтом.

Местные жители условно делят город на две части — Верхний город сохранил атмосферу классического английского города начала XIX в., в основном, здесь сосредоточены исторические достопримечательности.

Форт Фредерик — первая постройка города 1799 г. Здесь располагается знаменитая Художественная галерея короля Георга VI с коллекцией предметов британского и южноафриканского искусства. В этой части города красуется Мемориал лошади. Он посвящен лошадям, погибшим во время англо-бурской войны.

Любопытен и памятник несуществующему человеку — пресвитеру Иоанну. Это мифический правитель-христианин, царивший в сказочном африканском государстве, на поиски которого отправлялись целые экспедиции.

Ну а Нижний город — это современный курорт на берегу Индийского океана. Возле самого популярного пляжа King's Beach находится Океанариум и Дельфинарий, крупнейший в Южной Африке, где проводят регулярные представления с участием дельфинов. Рядом же небольшой аквапарк.

Всего в 70 км от Порт-Элизабет находится и легендарное место — залив Джеффриз. Это столица серфинга Южной Африки, здесь проводятся крупнейшие международные соревнования и чемпионаты мира.

Парк слонов находится в 70 км от Порт-Элизабет. История этого парка восходит к 1814 г., когда несколько британских фермеров основали свои хозяйства в устье реки Сандейз. По мере увеличения количества ферм жители все более озадачивались уроном их урожаю, который наносила местная популяция слонов. Виновников ущерба решено было уничтожать. Так, к 1931 г. в этой местности осталось всего 11 особей. И тогда правительство запретило уничтожение слонов и приняло решение о создании заповедника. Так

«Эддо» стал последним убежищем для этих прекрасных животных, чуть было не вымерших здесь по вине человека.

Сегодня популяция полностью восстановлена и насчитывает более 400 особей. Перед входом в парк каждого посетителя останавливает надпись, которая написана на многих языках мира: «Помни! Мы не собственники природных богатств, а лишь доверенные лица наших потомков».

Национальный парк Квандве расположен в полутора часах езды от аэропорта Порт-Элизабет. «Квандве» в переводе с языка коса означает «место голубых журавлей». Здесь охраняют и разводят этот красивейший и редкий вид птиц. Они селятся недалеко от берегов реки Грейт-Фиш, протекающей по этой огромной территории. На территории парка можно встретить также буйволов, слонов, разнообразных парнокопытных, и если повезет — то и других представителей «Большой пятерки».

«Цицикамма» — это первый национальный морской парк в Африке. Он расположен на полпути между городами Джордж и Порт-Элизабет, завершая знаменитый маршрут знаменитой Дороги Садов (Garden Road). (О нем мы уже рассказывали.)

Грааф-Рейнет

Небольшой город вдали от океана известен россиянам старшего поколения, читавшим Майн Рида. Именно тут жили герои южноафриканской трилогии о юных бурах, отсюда отправлялись они в свои приключения в дебри Южной Африки. Сегодня городок, в котором кипели политические страсти в конце XVIII, начале XIX в., сохранил черты былой патриархальности.

«Дом Совы» — таково оригинальное название дома-музея известного южноафриканского скульптора Хелен Мартинс в селе Нью-Бетесда, недалеко от города Грааф-Рейнет. Сюда приезжают ее поклонники со всего мира. Хелен Мартинс создала массу необычных скульптур, в которых активно использовала битое бутылочное стекло, осколки зеркал и цемент. Эксцентричная и увлекающаяся восточной философией, она вела отшельническое существование, посвятив жизнь любимым скульптурам. Как часто бывает, она была признана великим мастером уже после смерти. Голливудский

фильм о ее жизни и немного грамотного пиара сделали свое дело. Цены на ее произведения взлетели, а туристы, попавшие в ЮАР, считают своим долгом непременно посетить «Дом совы», попутно прикупив какой-нибудь сувенир.

ПРОВИНЦИЯ КВАЗУЛУ-НАТАЛЬ

Среди других провинций ЮАР эта выделяется особо. По количеству исторических и памятных дат, по числу экзотических мест она может соперничать с любой областью Южной Африки. Каждый год сюда приезжают около 8 млн южноафриканцев. А в последнее время этот регион становится популярен и среди зарубежных туристов. В этой густонаселенной провинции живут преимущественно зулусы и выходцы из Индии. Европейцев же насчитывается не более 10 %.

Считается, что свое название область получила от Васко да Гамы, который на пути в Индию достиг этих мест к Рождеству 1497 г. и потому назвал местность «Терра Наталь», т.е. «родная земля», или «земля Рождества». Недавно первая приставка сменилась на «Квазулу», что означает «земля зулу».

 Большую часть провинции занимают просторные саванны и холмистые зеленые равнины, раскинувшиеся от побережья Индийского океана (Порт-Эдвард) до хребтов Драконовых гор, где протекает множество порожистых речушек. Драконовы горы — естественная граница между Квазулу-Наталем и государством-анклавом Лесото. Северная часть провинции — Зулуленд, бывший Бантустан — местность с богатой историей и культурой, где проживает, пожалуй, самый известный южноафриканский народ — зулусы.

(Мы уже касались истории зулусов в историческом разделе.)

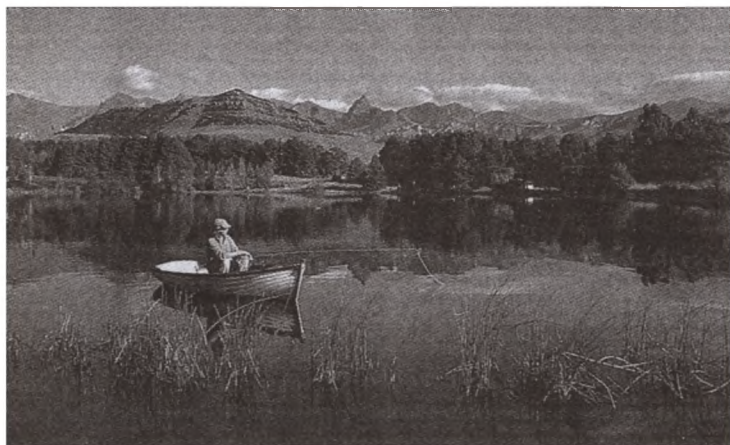
Сегодня об их воинственном прошлом напоминают лишь исторические маршруты. А бывшие поля сражений стали домом для диких зверей и птиц, так как значительную часть территории провинции занимают национальные парки и заповедники.

Зулусы до сих пор селятся в традиционных деревнях-краалях. Образ и атмосферу таких деревень воссоздают культурные деревни специально для многочисленных туристов. В Зулуленде таких деревень несколько, но самой крупной и известной считается «Чакаленда».

В 1980-е гг. в ЮАР снимался полнометражный художественный фильм про жизнь зулусского полководца — «Зулус Чака». В качестве декораций создатели построили целое поселение, копию крааля короля зулусов. А после съемок эта искусственно созданная деревня стала огромным этнографическим комплексом под открытым небом, действенным местом сохранения традиций народа зулу, где можно познакомиться с необычными обрядами и бытом её обитателей.

Значительную часть территории провинции, как мы уже говорили, занимают национальные парки и заповедники. Самые известные из них — слоновый заповедник Тембе и национальный парк Хлухлуве-Умфлози, где обитают «Большая пятерка» и множество других редких животных и птиц. Провинция имеет значительную протяженность побережий, где раскинулись километры шикарных пляжей с песчаными дюнами. А морское дно здесь покрыто коралловыми рифами, что является большой редкостью в этих широтах. Кроме того, в прозрачных прибрежных водах можно увидеть многочисленных представителей океанского мира: китов, дельфинов и даже белых акул. Вдоль побережья преобладает суб-

Рыбалка на озере Навароне, Драконовы горы

тропический климат. Лучшие курорты Квазулу-Наталя — это города Аманзимтоти, Маргейт, Умшланга Рокс, Валлито, Ричардс-бей. Природными сокровищами по праву считаются озеро Санта Лючия, занесенное в список природоохранных объектов ЮНЕСКО, озеро Сибайя — самое большое естественное пресноводное озеро в Южной Африке (77 кв. км.), Драконовы горы. Также здесь множество национальных парков и заповедников.

На побережье один раз в год можно увидеть интересное явление — гонки сардин. В июне—августе эти районы находятся на пути ежегодной миграции этих рыб от побережья Квазулу-Наталя на север. Сардины косяками шириной в несколько километров передвигаются вдоль берега, а вслед за ними следуют птицы, акулы, дельфины, многие виды рыб и даже киты. На это зрелище собирается множество людей со всего мира. Одни просто наблюдают, другие с удочками, сетями, корзинами и всевозможной утварью, годной для «ловли» сардин, буквально выгребают рыбу из океана. Сардиньи гонки — Мекка для дайверов со всего света.

The Sardine Run — «сардиньи бега» — эти слова стали успешным рекламным брендом, собирающим огромное количество ныряльщиков со всего мира. Но ихтиологи скажут иначе: «трофическая миграция сельди иваси» звучит уже не столь завлекательно.

Сардиний забег устраивает рыба *Sardinops sagax*, называемая по-русски сардинопсом, или сельдью иваси, а по-английски — South American pilchard. Эта промысловая рыба, вырастающая до 500 г, обитает в Индийском и Тихом океанах, от Сахалина до Южной Японии и от Северной Канады до Южной Калифорнии, у берегов Перу, а также в водах Южной Австралии и Новой Зеландии. Откармливается у берегов, для нереста обычно отходит в море. Молодые особи питаются зоопланктоном, в основном рачками, взрослые — преимущественно фитопланктоном. Все популяции любят путешествовать в поисках корма и для нереста. Но самые большие миграции, а именно их называют «The Sardine Run», совершает южноафриканский подвид (*S. sagax ocellata*).

Полагают, что сигналом для начала миграции служит охлаждение морской воды в прибрежье южноафриканской провинции Восточный Кейп ниже 19—21 °С. Происходит это в зимние для Южного полушария месяцы — с конца мая по начало июля. Температура воды падает оттого, что в это время холодные антарктические

воды сдвигают к северу теплые воды Индийского океана. Воды двух крупнейших течений — холодного Бенгельского и теплого Мозамбикского образуют фронт у мыса Игольный, отделяющего атлантическое побережье Африки от берега Индийского океана. Здесь, на Игольной мели, возникает сардиний рай. Холодные воды приносят сюда много питательных веществ, необходимых для развития микроскопических водорослей, составляющих фитопланктон. Когда эти воды поднимаются к поверхности и немного прогреваются, фитопланктон начинает усиленно размножаться. На обильной растительной пище быстро плодится зоопланктон — рачки и другие мелкие морские беспозвоночные. Так что рыбы, питающиеся планктоном, начинают радоваться жизни.

С приходом зимы фронт начинает двигаться на север вдоль восточного побережья Африки. И тогда небольшая часть южноафриканской популяции иваси идет за ним. Небольшая часть — это миллионы рыб, длина одного косяка может превышать 7 км (а есть сведения, что и 17 км), при ширине 1,5 км и толщине 30 м. От Игольного мыса рыбы движутся вдоль берега провинции Восточный Кейп. Пройдя на север примерно 200 км до провинции Квазулу-Наталь, рыбы отворачивают от берега на траверзе города Дурбан и рассеиваются в глубинах Индийского океана.

Вместе с иваси, часто образуя смешанные стаи, идут на север и другие рыбы-планктофаги: скумбрия *Scomber japonicus* (она же макрель в англоязычных странах), анчоусы *Stolephorus holodon* и *St. indicus*, сельдь-круглобрюшка *Etrumeus teres*. У каждого из этих видов есть свои излюбленные кормовые организмы, так что рыбы не очень мешают друг другу. А собравшись вместе, они повышают шанс отдельной особи на выживание, который тем выше, чем больше рыб в стае. Ведь желающих полакомиться миллионами планктоноядных рыб собирается немало.

Дельфины приходят на пир тысячами, тысячами прилетают и капские олуши, сотнями прибывают акулы и киты, буреветники, бакланы, чайки, крачки и хищные рыбы. Даже пингвины и котики сопровождают косяки в начале миграции, но до конца не доходят, слишком северно для них...

У большинства хищников тактика атаки на мелких стайных рыб схожа — отделить от косяка небольшую группу и съесть ее. Отбившиеся от стаи рыбки сбиваются в шаровидное скопление,

для которого есть английское название «bait ball». В русском языке устоявшегося перевода нет, нужно, конечно, перевести — «клубок живцов», но очень уж соблазнительно, пользуясь другим значением слова bait, назвать эту стайку «шар искушения». Ну, почему искушение — понятно, рыбки жирненькие, вкусненькие, так и мельтешат перед носом... А почему шар? Да потому, что фигура с наименьшим отношением поверхности к объему — это шар, а напуганные рыбы стараются спрятаться от угрозы среди сородичей, постоянно уходя с поверхности в глубь стаи. Диаметр такого шара — 10—20 метров. Существует он недолго — хищники с ним расправляются минут за десять.

Люди тоже пользуются возможностью без особого труда заготовить много рыбы. (Личные впечатления дайвера от «нырялки» внутри сардиньей стаи читайте в разделе о погружениях.)

Питермарицбург

Административный центр провинции — город Питермарицбург с населением около 160 тыс. человек. Он расположен в предгорьях Драконовых гор в живописной Долине Тысячи Холмов. Город был основан бурскими переселенцами в 1838 г. и получил свое название от имен двух их предводителей — Питера Ретифа и герцога Марица. У этого города богатое колониальное прошлое, его считают единственным сохранившимся городом подлинного викторианского стиля.

Как памятник о временах англо-бурского соперничества за господство в Натале над городом возвышается сооруженный в 1843 г. англичанами форт Нейпир. В городе множество цветников — в парках, скверах и у частных домов. Еще Питермарицбург может похвастаться разнообразием музеев, среди которых — Музей Вуртреккер (переселенцев), Музей провинции Наталь, Музей паровой железной дороги, где каждое второе воскресенье каждого месяца можно покататься на старинном паровозе.

Между Дурбаном и Питермарицбургом расположена красивая местность, известная как Долина Тысячи Холмов. По всей местности проходят различные туристские маршруты с великолепными пейзажа-

ми — живописными озёрами и лесами, зелеными холмами и бурлящими реками. Все это сохранилось практически в неизменном виде с начала XIX в., когда по холмам и долинам Зулленда маршировали импи (полки) под предводительством индун (командиров), вооруженные ассегаями (короткими копьями). Сегодня здесь сохранены традиционные деревни, где живут коренные обитатели местности — зулусы.

Дурбан

Даже не будучи столицей провинции, Дурбан, однако, гораздо более известен в туристском мире, чем иные столицы. И причины такой популярности известны: портовый город Дурбан — это фешенебельный курорт мирового значения с непрекращающимся купальным сезоном: здесь почти 320 солнечных дней в году!

Дурбан мультинационален или, вернее, полиэтничен — население пестрит самыми разными оттенками кожи: и зулу, потомки воинственных хозяев провинции, и индусы, правнуки индийских чернорабочих, прибывших сюда в XIX в., и европейцы, в чьих жилах течет кровь британских поселенцев, и многочисленные азиаты — вездесущие китайцы и малайцы. Архитектура города — это причудливое смешение мусульманских мечетей, индуистских храмов и

Индийская лавка в Дурбане

колониальных зданий викторианской эпохи. А вдоль береговой линии стоят роскошные современные пятизвездочные отели, из окон которых открывается прекрасный вид на Индийский океан.

Дурбан делится на две части: старый город со старинными зданиями, индийским кварталом, самой большой мечетью в Южном полушарии и восточными базарами, и Нью-Дурбан, раскинувшийся вдоль набережной с многочисленными современными отелями и торговыми центрами.

Индийский квартал — это сердце старого Дурбана. Когда первые индусы появились в Дурбане в XIX в., они обосновались в специально отведенном месте, подальше от белых кварталов. Так появился этот экзотический уголок Индии на Черном континенте. Кривые улочки индийского квартала непременно выведут вас на главные достопримечательности: мечеть Джумма Масджид и шумные яркие индийские базары. Рестораны Дурбана славятся кухней из морепродуктов. Интересен парк рептилий Фицсимонс — с различными видами экзотических змей, пауков и скорпионов! Все желающие могут не только прослушать лекцию об особенностях представленных здесь видов, но и своими глазами увидеть уникальные процедуры получения яда у смертоносных обитателей парка.

 Наиболее интересен, конечно, Старый город. Здесь индийские факиры и заклинатели кобр соседствуют с зулусскими колдунами, торгующими сушеными обезьяньими лапками и другими талисманами.

Местные племена зулу называли город «Текweni», что означает «Место, где сходятся вода и земля». Напомним, что в начале XIX в. при Чаке здесь обосновалась колония англичан, наладивших с зулусами вполне добрые отношения, и только смерть Чаки в 1828 г. нарушила мир в Натале. (Кстати, центральная площадь Дурбана носит имя Френсиса Фаруэлла, торговца, бывшего среди первых обитателей Порт-Наталья и дружившего с Чакой.) Пришедший к власти сводный брат правителя Дингаан рассорился с пришедшими бурами, и началась эпоха кровопролитных войн, приведшая к упадку зулусской империи.

В дальнейшем Порт-Наталь играл важную роль в различных событиях. Имя Дурбан город получил спустя две

надцать лет после основания, в 1835 г. Это оригинальное название на самом деле является самой обыкновенной английской фамилией — в честь губернатора Капской колонии сэра Бенджамина Д'Урбана.

Сегодня на развалинах старого форта сооружен прекрасный парк, в центре которого находится часовня, построенная в честь тех героических событий. Здесь же хранятся старые полковые знамена и могилы английских солдат.

В 1897 г. в дар от Португалии жителями Дурбана был принят монумент — Часы Васко да Гамы. Англичане не имели ничего против того, что португальцы открыли для них эту землю. Сами же они предпочитали ставить другие монументы. Например, памятник Дику Кингу, который, по мнению англичан, является героем. (У буров или зулусов может быть другой взгляд на положение вещей.) Так или иначе, но в 1842 г. небольшой английский гарнизон в местном форте подвергся нападению буров. Нужно было срочно вызвать подкрепление. И сделал это Дик Кинг. Он проскакал 960 км из Дурбана в Грехэмстаун на своем боевом коне Сомерсете всего за 10 дней.

В свое время напротив мэрии возник мемориальный комплекс, посвященный солдатам, павшим в двух мировых войнах. Несколько курьезно рядом с ним смотрится статуя Яна Сметса. Для англичан это фигура, безусловно, героическая — фельдмаршал, многолетний премьер-министр Южно-Африканского Союза, ярый сторонник апартеида. Но для других... Такого человека можно либо очень любить, либо люто ненавидеть. Нельсон Мандела, став президентом, обещал, что памятники новое правительство трогать не будет. К чести президента, слово свое он сдержал, и поэтому изваяние этого замечательного человека гордо взирает на людские волны, текущие у его ног, — во всяком случае, пока.

Англичане построили и старое здание вокзала в 1898 г. Курьез заключается в том, что строительная компания в Лондоне перепутала проекты станций. В Дурбан по ошибке была отправлена документация, приготовленная для Монреаля. В результате крыша этого здания может выдержать по меньшей мере пятиметровый слой снега. Хотя вряд ли вы дождетесь хотя бы одной снежинки, даже если проживете здесь всю жизнь.

Умхланга-рокс

Недалеко от Дурбана находится один из самых фешенебельных и дорогих курортов ЮАР — Умхланга-Рокс. До 1970 г. эта живописная часть побережья была частью Дурбана, но позже стала развиваться как независимая зона отдыха и развлечений.

Каждый апрель здесь проводится Фестиваль по воднолыжному спорту. В Умхланга-Рокс можно посетить Галерею африканского искусства, заповедный лес Хауан — последний реликтовый прибрежный лес в этом регионе, где растут редкие породы южноафриканских деревьев, речной парк птиц «Умгени», где обитает более 300 видов птиц.

Умхланга-рокс известна на весь мир тем, что здесь находится «Организация охраны акул провинции». Это единственная организация в мире по охране людей от акул и акул от людей. Она обслуживает все защитные сети на 46 пляжах провинции, протяженностью более 350 км. Здесь можно прослушать лекцию об акулах, посмотреть экспонаты и фотографии этих хищников, узнать страшные истории об их нападениях на людей. Также во время экскурсии можно посмотреть небольшой фильм об акулах и поприусутствовать на вскрытии акулы. Здесь же, в сувенирном магазине, масса любопытных вещиц из морской жизни. Кроме того, вместе с сотрудниками совета можно рано утром сделать выезд на проверху акулых сеток.

Баллито

Это небольшой курортный поселок с прекрасными песчаными пляжами на северном побережье Индийского океана. Строительство жилья здесь началось в 1953 г., и хозяин почему-то решил назвать поселок именем марки итальянских шелковых чулок. Отдыхающие прогуливаются вдоль пляжей по специально выложенным тропинкам. На берегу — несколько ресторанов с прекрасной морской кухней и свежими устрицами.

Пляжи Баллито изрезаны уютными бухточками, которые просто созданы для купания. А еще прибрежную часть часто называют

Дельфинийм берегом из-за множества обитающих здесь дельфинов, за которыми можно наблюдать прямо с берега в течение всего года.

Чуть севернее Баллито — местечко под названием «Скала Чаки», где, по преданию, король зулусов любил отдыхать. Оттуда же в воду прыгали молодые воины, желавшие показать королю свою доблесть.

Маргейт

Маргейт — один из лучших в ЮАР пляжных курортов в 140 км южнее Дурбана. Сюда каждое лето съезжаются тысячи туристов и студентов на летние каникулы и отпуска. Здесь превосходные пляжи, десятки ресторанов, баров и дискотек. Маргейт также находится на пути ежегодной миграции сардин (июнь—август). Рыбы широкими косяками передвигаются вдоль берега, и люди буквально сачками вылавливают их прямо у полосы прибоя. Вслед за этой рыбой следуют и крупные хищники (акулы, дельфины, и т.д.). Курорт очень популярен среди дайверов благодаря живописным подводным пейзажам.

Драконовы горы

В восточной и южной части ЮАР находится практически монолитная базальтовая стена длиной почти 250 км. Высота некоторых вершин в этой цепи превышает 3300 м над уровнем моря. В частности, самая высокая точка — гора Ткабана-Нтленьяна — достигает в высоту 3482 м. Свое сказочное название горы получили из-за дымки, которая скрывает вершины гор. Она очень похожа на клубы дыма, выпускаемые из ноздрей дракона. Зимой вершины покрыты снегом, несмотря на близость вечно теплого Индийского океана! А летом, в окружении зелени (склоны Драконовых гор покрыты необозримыми лесами, состоящими из редких пород деревьев), они покоряют своей монументальностью.

Особенно красив горный массив под названием Амфитеатр из-за его плоской вершины. Древнее название Драконовых гор — «Укутламба», что означает «частокол из копий». В горах обитает множество животных — антилопы, бабуины, множество мелких хищников, а также разнообразных редких птиц. Чистые горные озера буквально кишат рыбой, самая ценная из которых форель.

Люди — представители койсанских племен — населяли эти высокогорные места испокон веков, доказательством чего служат оставленные на скалистых склонах Дракенсберга многочисленные рисунки. Особенно много их в заповеднике «Giants Castle». Кроме того, Дракенсберг на протяжении нескольких столетий являлся местом великих битв и сражений, многие из которых изменили ход истории этой страны. Сначала это были войны между местными зулусами и европейскими колонизаторами, а затем — между бурами и британцами. Часть Драконовых гор занята заповедниками и заказниками, самый интересный из которых — Королевский национальный парк Наталя. Южный склон парка представляет собой естественную скальную ступень протяженностью 8 км, которая создает совершенно уникальный пейзаж, если смотреть на нее снизу. Поблизости расположен и знаменитый водопад Тугела, состоящий из пяти каскадов высотой 948 м.

Сани-пас — это самый высокий горный перевал ЮАР, расположенный в Драконовых горах на высоте 2880 м над уровнем моря. Минувя Сани-пас, вы попадаете в другое государство — Лесото. Путь сюда лежит через одну из самых высоких точек гор Дракенсберг — «Крышу Африки».

В высокогорной деревушке проживают представители народности басуто — прирождённые пастухи и наездники. Здесь можно послушать музыку в исполнении местных пастухов, познакомиться с национальными ремеслами, отведать местного пива с испеченными на огне лепешками и совершить прогулку по живописным окрестностям.

ПРОВИНЦИЯ ГАУТЕНГ

Это самая маленькая, но при этом самая густонаселенная и богатая провинция ЮАР. Занимая всего лишь 1,4 % площади страны, она производит почти 40 % валового национального продукта. Основное богатство провинции обеспечивает золотоносный регион — Витватерсранд, открытый в 1886 г. Название провинции — «Гаутенг» так и переводится с языка сото — «Место золота».

Провинция практически полностью застроена, один город сливается со следующим, и, подлетая к Йоханнесбургу ночью, видишь сплошной ковер огней. Но стоит немного отъехать за пределы ме-

гаполисов, как начинается бесконечная саванна, время от времени перемежаемая шахтами, заводами, электростанциями.

К счастью, многочисленные промышленные районы и города, небоскребы которых навсегда изменили пейзажи провинции, не до конца разрушили красоту окружающей природы. Отдельные районы провинции остаются совершенно нетронутыми. Просторные саванны, заболоченные долины, искусственные озера, природные заповедники сохраняют необходимую каждому человеку связь с природой.

В этой провинции очень мягкий и комфортный климат. Зимой достаточно тепло и солнечно, лишь по ночам бывают заморозки, но без снега. Летом идут спасительные грозовые дожди. Осенью провинция покрывается одеялом из золотых листьев, а погода стоит превосходная.

Гаутенг — провинция, где расположены два крупнейших и наиболее значимых города в Южной Африке. Финансовый центр страны — Йоханнесбург, и административная столица ЮАР — Тсване (Претория).

Жизнь здесь закипела с открытием в Витватерсранде месторождения золота. Все больше искателей приезжало в регион, росли их нужды, а с этим множились как грибы и города. Золото дало работу тысячам южноафриканцев на многие годы. Даже сегодня шахты продолжают добычу золота, платины и других ценных ископаемых и предоставляют работу большей части населения.

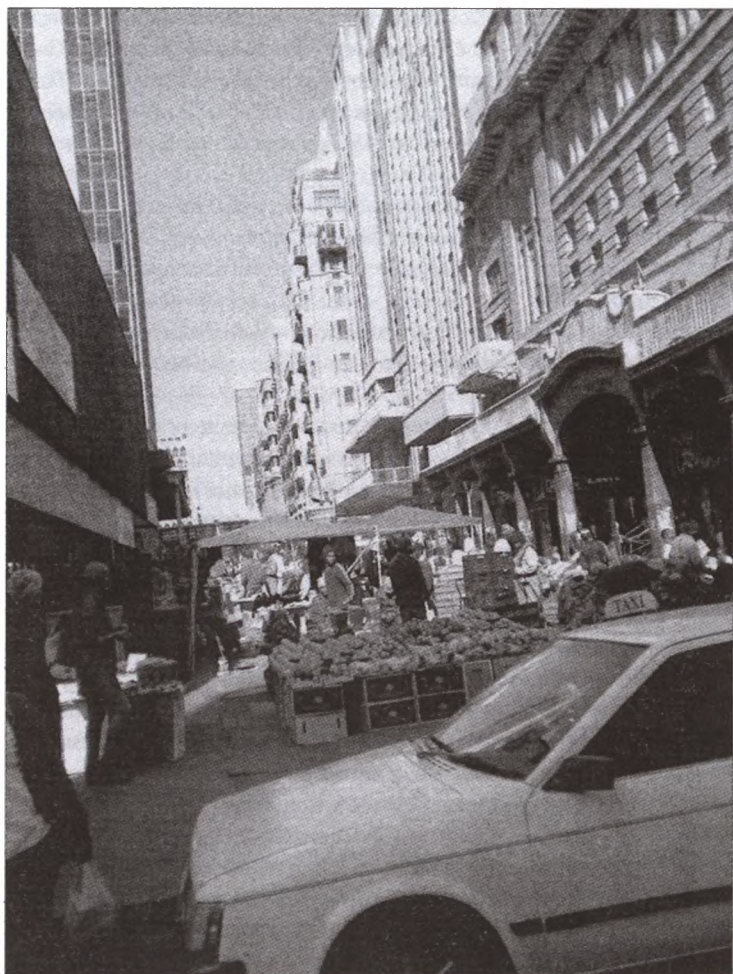
В провинции 159 шахт (44 золотых), на которых трудятся более 190 000 человек.

В провинции также развита система образования: здесь находится самый крупный заочный университет в мире — Южноафриканский, а университет Претории — самый большой в стране.

В этой провинции также расположены лучшие отели международного уровня, крупнейшие торговые центры.

Йоханнесбург

Это самый крупный и самый главный город страны. Йоханнесбург считается центром экономики, промышленности и торговли. Здесь расположены многие крупные предприятия, офисы международных компаний и банков, именно тут проводятся крупней-

На улице Йоханнесбурга

шие на континенте выставки и ярмарки. Но при всей своей индустриальности Йоханнесбург остается весьма притягательным туристским центром. В городе гармонично сочетаются история и современность, а старые здания прекрасно уживаются с новыми ультрасовременными постройками.

Йоханнесбург в буквальном смысле слова выстроен на золоте. Под улицами Сити проходят горизонтальные шахты общей длиной более 12 км. Именно открытие золотой жилы австралийцем Джорджем Харрисоном в 1886 г. стало причиной образования Йоханнесбурга.

Город разделен на несколько районов: исторический центр, современные районы и район озера. Йоханнесбург считается современным городом с точки зрения сервиса: множество прекрасных отелей, ресторанов, магазинов, торговых центров, дискотек и всевозможных развлекательных центров — все это делает отдых здесь незабываемым.

В Соуэто, пригороде Йоханнесбурга, создан парк аттракционов из времен золотой лихорадки конца XIX в. В Голд-Риф-сити туристы опускают в шахту Crown Mines «№ 14», до 1978 г. занимавшую первое место в мире по добыче золота, на двухсотдвадцатиметровую глубину, где впервые была обнаружена золотоносная жила.

Из золота выплавят слитки, на монетном дворе вам предложат купить золотые монеты, а простой быт и развлечения старателей даст почувствовать пивная коопателя Джо. Для туристов на территории парка расположен отель, а вертолетная площадка предоставит желающим возможность совершить воздушное путешествие над Йоханнесбургом и Соуэто.

В Соуэто расположен лучший в Южной Африке зоопарк, он занимает территорию 55 га и насчитывает 600 видов млекопитающих и птиц. В выходные дни малыши могут покатаются по территории зоопарка на поезде.

В одном из самых красивых зданий Йоханнесбурга расположена почта. Здание украшают часы, изготовленные в лондонской мастерской, делавшей часы для Биг-Бена, а построен дом был в 1897 г. На углу улиц Симондс и Маркет находится красивое здание Центральной библиотеки. Здесь расположены музей истории страны, геологический музей — настоящая сокровищница, свидетельство природных богатств Южной Африки. Здесь бережно хранятся данные о ве-

личайших находках в недрах континента золотоносных и алмазных жил, месторождений платины, марганца, ванадия и хрома.

В Музее изобразительных искусств Йоханнесбурга собраны полотна Пикассо, Ван Гога, Родена. В городе есть даже художественная галерея, а вблизи города находится Музей Африки. В палеонтологическом музее вы узнаете об исследованиях останков первобытного человека. Сохранился скелет динозавра, который жил на территории Южной Африки 130 млн лет назад. С древней коллекцией медицинских инструментов можно познакомиться в Музее истории медицины.

В Историческом музее представлены уникальные коллекции материальной культуры Южной Африки от самых древних времен. В музейном зале можно увидеть реконструкцию жилья первобытного человека, образцы наскальной росписи, экспозиции, рассказывающие о быте первых белых поселенцев в районе Йоханнесбурга, о судебном процессе над легендарным Нельсоном Манделой.

Есть в Йоханнесбурге и блошинный рынок, называется он Rosebank, на котором можно приобрести деревянные фигурки африканских животных, малахит, опалы, металлических птиц, изделия из бисера, игрушки. В галерее Kim Sacks любители керамики смогут пополнить свою коллекцию.

Большой интерес вызовет посещение окрестностей Йоханнесбурга. В будние дни поезда из Йоханнесбурга отправляются каждые полчаса, а в выходные дни интервал составляет 1,5 ч. Неподалеку от города находятся пещеры Стеркфонтейн, на глубине 40 м находятся шесть подземных залов, в которых обнаружены останки древнего человека возрастом два с лишним миллиона лет. Подземное озеро таит в своих недрах лечебную воду.

Недалеко от Йоханнесбурга находится еще одна достопримечательность. В деревне Леседи воссоздан быт коренных народов Южной Африки — зулу, коса и других.

За покупками стоит отправиться в район Йоханнесбурга Сандтон. А в пригороде Уотерфронт по периметру озера расположены боулинги, казино, ночные клубы, дискотеки, рестораны и бары. Ежедневно по вечерам в небо взмывают струи воды, начинается яркое шоу музыкальных фонтанов.

В ресторанах можно перекусить за 30—40 долларов, отведав блюда всех кухонь мира. В ресторане *The Train* («Поезд»), расположенном на полпути из Йобурга в Преторию, вы сможете утолить изысканные гастрономические пристрастия. Антикварные вагоны «Голубого экспресса» поражают сохранившейся роскошью времен королевы Виктории, эти музейные экспонаты стали залами ресторана. Питание организовано по принципу шведского стола. В центре холла стоит постамент с экзотическими блюдами и табличками, на которых написаны названия блюд. Вам предложат попробовать около 150 блюд — мясо слона, жирафа, бегемота, крокодила, страуса.

В ресторане «Карнивор» в Йоханнесбурге вас ждет обед и ужин по принципу комплексного меню. Предварительный заказ обязателен. На открытом огне для вас приготовят блюда из мяса диких животных. На настоящем мачете к вашему столу поднесут трофеи утренней охоты.

В июне — июле, когда горные склоны Малути покрываются снегом, здесь проводится чемпионат ЮАР по горным лыжам. Рядом с Йоханнесбургом в местечке Крейтхолл-парк имеется лыжный клуб, и в любое время любители горных лыж могут покататься на склонах с искусственным покрытием.

Всего в 60 км от Йоханнесбурга расположен заказник для носорогов и львов, где можно увидеть многих диких животных. Там же стоит спуститься в расположенную неподалеку пещеру, славящуюся своими разноцветными сталактитами и сталагмитами огромной величины, фантастическими подземными залами и причудливыми известковыми фигурами.

Этнографический комплекс Леседи, расположенный под Йоханнесбургом, дает уникальную возможность своими глазами увидеть подлинную жизнь четырех основных народов Южной Африки — зулу, коса, педи и басуто.

Тсване (Претория)

Примерно в 50 км к северу от Йоханнесбурга, в северо-восточной части ЮАР расположена ее главная столица — Тсване, более известная во всем мире как Претория. Тсване — это прекрас-

ный цветущий город, вокруг которого много замечательных пригородов. Все вместе они умещаются на площади немногим более 560 кв. км.

Поскольку Тсване — административная столица ЮАР, здесь расположена резиденция президента и правительства страны, а также государственные учреждения и дипломатические ведомства.

В целом Преторию можно назвать политическим, научным, образовательным и культурным центром страны. Здесь находится много театров, галерей, выставочных центров, университетов, академий, а также самое большое количество музеев в ЮАР — Музей, науки и техники, Музей Трансвааля, Музей естественной истории, Музей Крюгера и даже Музей полиции. Все они объединены в один музейный комплекс Museum Park.

Столица ЮАР, основанная в 1855 г., через пять лет стала столицей Бурской Южноафриканской Республики, позднее переименованной в Трансвааль. Свое название она получила в честь Андриеса Преториуса, который возглавлял войска бурских переселенцев, в 1830—1850 гг. захвативших эти земли, принадлежавшие народу матабеле. После образования в 1910 г. Южно-африканского Союза Претория стала резиденцией правительства страны и является ею до сих пор. С 2005 г. столица переименована в Тсване — по названию реки, на которой расположен город. Сегодня Преторией называется только старая историческая часть города.

Тсване — это один из немногих в ЮАР городов с преобладающим европейским населением. Достойный и респектабельный вид столице придают внушительные административные здания, небоскребы в деловой части города, широкие площади, ухоженные аллеи и парки (их тут более ста) и обилие памятников.

Но особенно красива Тсване весной (нашей осенью), когда в городе зацветают джакаранды, привезенные в XIX в. из Индонезии и высаженные на улицах столицы ЮАР. За это Тсване часто называют «Город джакаранд».

Центральная часть города имеет прямоугольную планировку. В ней преобладают квадратные симметричные площади, на которых возвышаются статуи колониальных времен. На главной площади столицы Керк-платс установлен монументальный бронзовый памятник Паулю Крюгеру (1825—1904) — первому президенту Трансвааля. На центральных улицах — Крюгера и Черч-стрит (самой длинной

прямой улице в мире — почти 25 км) разместились здания бывшей ратуши и Дворца юстиции, англиканский собор, ряд банков, Монетный двор республики. В восточной части центра находятся магазины, рестораны, кафе, кинотеатры, высятся многоэтажные здания. Самая высокая башня Претории — здание Резервного банка ЮАР.

Это символ современной архитектуры (а сам банк был основан в 1921 г.). Особенно эффектно выглядит сияющее огнями здание Южно-Африканского Резервного банка в вечернее время.

На холмистом берегу реки Апис расположен район правительственных учреждений, окруженный парками. Массивные административные здания в греческом стиле с колоннадами и декоративными башнями доминируют над городом. Резиденция президента называется очень поэтично — «Заря новой эры».

В городе много парков, среди них Бюргерс-парк, Принсес-парк. Наибольшей известностью пользуются Веннинг-парк, или Висячий сад, водяной орган в Центурион-центре близ Претории. Украшает город и река Апис с многочисленными перекинутыми через нее мостами.

Претория — важнейший научный и культурный центр ЮАР. Здесь находится университет, основанный в 1908 г. В столице имеются также государственный театр, ботанический сад. Зоопарк Претории входит в десятку лучших зоопарков мира.

Комплекс правительственных зданий в Тсване (Претории)

К числу достопримечательностей столицы ЮАР относятся два памятника близ Претории.

Прямо при подъезде к Тсване, на южных холмах высится грандиозный памятник, поражающий своим величием и монументальностью. Этот огромный гранитный монумент сооружен в честь Великого трека — массового переселения буров из Южной Капской колонии на север в 1835 г. Суровое величие памятника усиливает еще и тот факт, что здесь же располагается музей, посвященный Великому треку, и саркофаг с символическими останками буров, победивших в битве на Кровавой реке отряды зулусов, и музей, хранящий реликвии этой эпохи. В той битве Андриес Преториус с несколькими десятками стрелков противостоял 12 тыс. зулусских воинов. Потери Преториуса составили всего 3 человека ранеными, а зулусов — более 3 тыс. С тех пор река Инкоме, протекающая к югу от Тсване, стала называться — Блад-ривер («Кровавая река»).

В верхней части монумента расположена смотровая площадка, откуда открывается прекрасный вид на город. Строительство памятника было завершено в 1949 г. Сегодня к памятнику «Вуртрекер» приезжает более 200 000 посетителей в год.

В 1963 г. сооружен памятник летчикам, погибшим во время Второй мировой войны и в последующие годы, — это часовня, установленная рядом с аэропортом.

Неподалеку от города разрабатывается крупнейшая алмазоносная трубка «Премьер», достигающая в диаметре почти 800 м. В 1905 г. здесь был добыт самый большой в мире алмаз «Куллинан». Он весил более 3 тыс. карат и был размером с кулак взрослого мужчины. Правительство Трансвааля преподнесло его английскому королю Эдуарду VII. Около двух лет затратили ювелиры Амстердама на расколку и огранку этого уникального камня. Полученные из него 8 крупных и 105 мелких бриллиантов украсили скипетр, корону и прочие регалии английских королей.

Парк Бринтирион считается центром общественно-политической и культурной жизни города. Здесь располагается официальная резиденция президента ЮАР, а в отдалении — государствен-

ный театральный комплекс. Бринтирион — одно из любимейших мест прогулок жителей города и туристов.

В Музее Трансвааля можно ознакомиться с естественной историей ЮАР. В залах музея выставлены останки австралопитека (в свое время их находка наделала много шума), роскошная коллекция ночных бабочек и многое другое.

Форт Клапперкоп — достопримечательность, которая будет интересна и взрослым, и детям. Это один из четырех фортов, построенных для защиты города от нападения врагов. В настоящее время здесь размещается военный музей. В нем представлена военная история страны. Особенно интересна экспозиция, посвященная ходу англо-бурской войны. Подлинной же «жемчужиной» коллекции можно считать педальный локомотив, созданный английскими инженерами.

Соуэто

В южных окрестностях Йоханнесбурга находится Соуэто — город, где проживает только чернокожее население — более 2 млн человек. Соуэто возник во времена апартеида, как плод политики руководства страны по разделению территории между белым и черным населением. Согласно политике апартеида, чернокожие африканцы должны селиться в своеобразных резервациях, так называемых «тауншипах» — промышленных городах, подальше от центра города, и не появляться в «белых» районах Йоханнесбурга. С течением времени Йоханнесбург оброс такими поселениями-спутниками. Одним из них и стал Соуэто (SOuth WEstern TOWnship — Юго-западное поселение).

Соуэто был самым активным звеном в борьбе местного населения против системы апартеида. Именно здесь состоялись беспорядки в 1976 г., которые стали поворотным моментом в истории ЮАР. С того года социально-политическая обстановка в стране изменилась окончательно и бесповоротно — режим апартеида отметил начало своего конца.

Сегодня Соуэто — это современный город со своими достопримечательностями. Среди них — Клиптаун (где была подписана Хартия Свободы в 1955 г.), резиденция бывшего президента Нельсона Манделы (сейчас здесь находится музей), мемориал и музей

Гектора Петерсена — юноши, который первым был застрелен полицией в день студенческих беспорядков 16 июля 1976 г., «Барагвана» — самый большой госпиталь в Южном полушарии, а также рестораны и торговые центры. В настоящее время среди африканцев — жителей Соуэто насчитывается около 20 миллионов, но безработных гораздо больше. Поэтому в жилых кварталах можно увидеть как элегантные особняки, так и покосившиеся лачуги.

Тем не менее Соуэто является очень привлекательным для туристов местом. Правда, появляться здесь рекомендуется с сопровождающим-южноафриканцем.

ПРОВИНЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАД

Территория провинции занимает площадь между двух пустынь — Магалисберг и Калахари, протянувшись от провинции Гаутенг до границы с соседней Ботсваной. Близость пустынь обеспечивает тут жаркое солнечное лето и теплую зиму. Основное население в провинции — племена тсвана. Они занимаются сельским хозяйством, выращивают кукурузу и подсолнечник, разводят крупный рогатый скот.

Провинция развлечений — так иногда называют этот регион ЮАР, так как именно здесь находятся всемирно знаменитые развлекательные комплексы, словно прекрасные оазисы, возникшие среди пустыни — «Голд-Риф-Сити», «Лост-Сити» и «Сан-Сити», разросшиеся до масштабов целых городов.

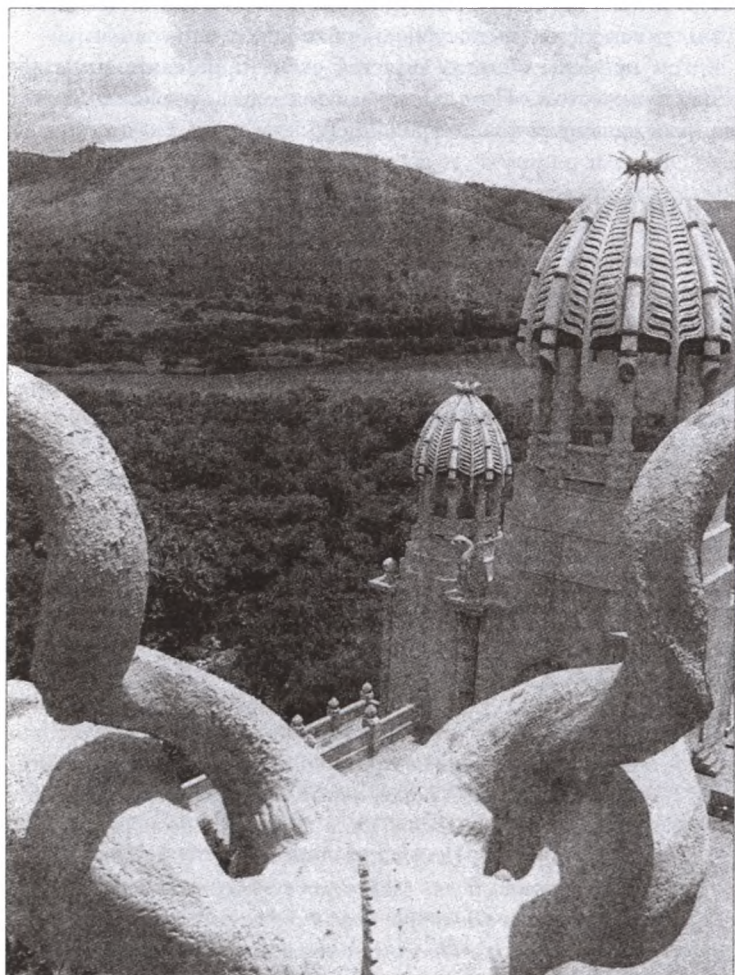

В Сан-Сити местные игорные заведения не знают себе равных. Казино отеля идеально для любителей джек-пота и других игр. В момент создания это было самое большое казино в мире за пределами США. Entertainment Centre напоминает игорные дома Лас-Вегаса. Магазины и рестораны здесь открыты до поздней ночи. Зрительный зал Центра развлечений — Superbowl — может вместить более 6000 человек. На открытии зала выступал Фрэнк Синатра. Именно в Супербоуле проводятся ежегодные международные конкурсы красоты «Мисс мира». Самое шикарное казино на юге континента — Palace. Сюда рекомендуется надевать лучшие туалеты, поэтому лю-

бителям джинсов и кроссовок лучше подыскать себе другое место, благо, недостатка в таких местах нет.

Билеты в роскошное ночное варьете «Экстраваганзаситер» (Extravaganza Theatre) продаются в отеле «Сан-Сити».

Чудо посреди саванны — Сан-Сити

Бассейн с искусственной волной в Сан-Сити

Любителям активного времяпрепровождения понравится аквапарк Waterworld. Здесь все желающие могут принимать участие в соревнованиях по различным видам водного спорта на искусственном озере напротив отеля Sabanas. В программе полет на парашюте, водные лыжи, виндсерфинг, катамаран, лодки. А в знаменитом Sun City Health Spa есть различные виды массажа, косметические услуги, джакузи, сауна, гимнастический зал.

Кстати, здесь самый большой в мире рукотворный водопад — 11,5 м. Для поддержания постоянного напора воды правительство Бопутатсваны подвело сюда канал от Валькопского водохранилища: 10 млн литров воды в день! Самые крупные баобабы Южной Африки — специально искали — были вывезены сюда и высажены в открытый грунт. Весят более 75 т каждый, обхват ствола — 6 метров. Семена других растений доставляли с Мадагаскара, из Мозамбика, Австралии, Зимбабве, с Коморских островов. В искусственных джунглях Сан-Сити 1 600 000 растений 3600 видов, и 70 % из них больше нигде не растут!

К Сан-Сити примыкает национальный парк Пиланесберг, туда можно поехать с опытным егерем на джипе.

Можно и верхом. А еще лучше — на воздушном шаре. Правда, удовольствие это не из дешевых.

Купол Вредефорт — эта ландшафтная достопримечательность была создана массивным метеоритом приблизительно 3000 млн лет назад. Произошло это у существующей ныне деревушки Вредефорт. Падение метеорита создало кратер приблизительно 70 км в диаметре и 16—18 км в глубину и вызвало огромное изменение в земной коре, в результате чего вокруг кратера выросло полукружье холмов, названных Купол Вредефорт.

Северо-Запад — одна из богатейших провинций. Недаром ее еще называют «Платиновой». Здесь же, на юго-востоке провинции, расположены самые богатые залежи золота в мире. Другое богатство провинции — археологические находки, датируемые еще доисторическим периодом. В 1924 г. в Бакстоне доктор Р. Дарт нашел череп австралопитека — беспрецедентная находка для мировой археологии и палеонтологии, доказывающая, что человечество зародилось в Африке.

Сан-Сити с высоты птичьего полета

Дворец-отель в Сан-Сити

Сегодня археологи и многочисленные туристы пытаются разгадать тайны загадочных пещер, которые разбросаны по всей территории Северо-Западной провинции и представляют огромный интерес с точки зрения происхождения человека. Все эти уникальные места доступны для посещения, а чтобы ощутить более позднюю историю края, можно пройти по местам крупнейших сражений англо-бурской войны в районе реки Вааль. Также на территории Северо-Западной провинции расположены три самых старых бурских города — Почефструм, Клерксдорп и Растенбург.

Неповторимые природные пейзажи — еще одна из причин назвать Северо-Западную провинцию. Весь богатейший природный мир Южной Африки, в том числе и «Большая пятерка», представлены в замечательных заповедниках — Пиланесберг, Мадикве, Ботсалане, Фаан-Мейнтжисе и других. Здесь можно поучаствовать в сафари, в сплавах на лодках по реке, и просто отдохнуть, поселившись в бунгало среди дикой природы. В состав провинции входят пять географических областей: Центральный, Восточный и Южный районы, Бофирима и Растенбург.

Мафикенг

Он является деловой столицей Северо-Западной провинции, а также туристским центром. Город Мафикенг известен как «Город доброжелательности». Это быстрорастущий, современный, жилой, административный и коммерческий центр, расположенный в Центральном районе провинции.

Название Мафикенг буквально означает «место среди скал». Оно было дано местности вождями народности баролонгов, которая проживала на этих землях в 1850-х гг., по течению реки Молопо, около существующей ныне деревни Ройгронд. Эти племена вели межплеменные войны с зулусами.

Сам город был основан в 1880-х гг. А в 1899—1900 гг. Мафикенг стал одним из центров англо-бурской войны, когда бурские силы осаждали город, защищаемый маленьким британским гарнизоном, в течение 217 дней. Память об этих важных исторических

событиях город бережно хранит: музей Мафикенга представляет обширную этнографическую экспозицию и выставку, посвященную англо-бурской войне.

На юго-востоке Мафикенга находится холм Канон — крепость, построенная во время военной экспедиции в 1885 г.

ПРОВИНЦИЯ МПУМАЛАНГА

Мпумаланга (бывший Восточный Трансвааль) расположена в северо-восточной части ЮАР. Она граничит с Мозамбиком и Королевством Свазиленд на востоке и с провинцией Гаутенг на западе. Это одна из самых маленьких, но при этом густонаселенных провинций ЮАР.

На маленькой территории провинции собрана вся экзотика Южной Африки — национальные парки, культурные деревни, доисторические пещеры и шикарные пляжи.

Начинаясь от подножия Драконовых гор, Мпумаланга по большей части располагается на участках Верхнего и Нижнего Вельда. Когда-то здесь произошел грандиозный вертикальный сдвиг участ-

Водопад Берлин-Фолс

Буйволы в парке Крюгера

ка земной коры, в результате которого появилась вертикальная скальная стена длиной в сотни километров, создав неповторимый ландшафт и уникальные природные достопримечательности. А природа здесь действительно величественна. Недаром ведь «мпумаланга» в переводе с местных наречий означает «место, где восходит солнце».

Каньон Блэйд-ривер является третьим по величине в мире (после Великого каньона в Америке и каньона в Намибии)! Он создан стремительным течением реки Блэйд, несущей свои кристально чистые воды через Драконовы горы. Она-то и прорезала длинное (в 26 км) и глубокое (800 м) ущелье в вертикальном нагорном образовании местности.

За миллионы лет воды реки своеобразно размыли горные породы, в результате чего на стенах ущелья образовались причудливые наслоения и рельефы, а у дна образовались совершенно круглые отверстия в скалах, будто дырки в сыре. Увидеть их можно со смотровых площадок, расположенных по краю ущелья.

Пещеры Садвала — так называются доломитовые пещеры, находящиеся в долине, поросшей буйной растительностью, в 35 км от Нельспрейта. Они известны тем, что еще в XIX в. в них скрывались племена свази во главе с сыном короля племени. Пещеры названы в честь духовного наставника племени — Садвала.

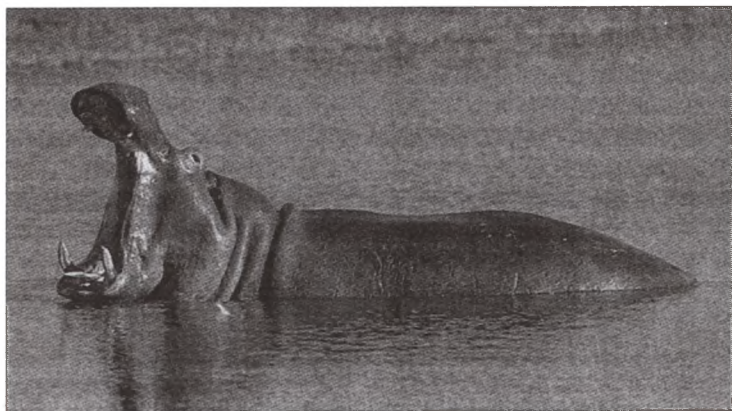
Цепочка пещер тянется более чем на 2500 м. Многие из них еще не изучены, но тем не менее открыты для посещения туристов. Постоянная температура здесь +17 °С.

Нельспрейт

Административный центр провинции Мпумаланга расположен на высоте 619 м над уровнем моря в долине Крокодиловой реки. Население Нельспрейта насчитывает около 60 тысяч жителей. В основном жители заняты сельским хозяйством. В частности, разведением фруктов — бананов, цитрусовых, манго, авокадо и чая и кофе. Также здесь выращивают табак и заготавливают лесоматериалы.

История города начинается в 1890 г., когда братья Нель построили в этой местности ферму. С появлением железной дороги, развитием золотодобычи экономика в регионе стала развиваться. Ферма братьев Нель обросла другими домами. Так появился поселок, а затем и город, которому дали название по имени братьев Нель. Сегодня Нельспрейт стал не только административным и коммерческим центром провинции, но и важным экономическим центром ЮАР.

Гиппопотамы в парке Крюгера

В городе имеются интересные достопримечательности — крокодиловая ферма, заповедник Нельспрейт, много исторических мест и антикварных магазинчиков. Обязательным для посещения является национальный ботанический сад, где представлено множество редких видов растений, среди которых лучшая в стране коллекция южноафриканских папоротников, 500 видов деревьев, в том числе редкие виды пальм.

Сегодня в Нельспрейте идет подготовка к Чемпионату мира по футболу 2010 г. Для этого в столице Мпумаланги, в 7 км от города, строится прекрасный стадион Mbombela на 40 тыс. мест.

Пилигрим-Рест

Жизнь в Восточном Трансваале забила ключом в 1871 г., когда здесь случайно были найдены месторождения золота. Люди со всего мира ринулись сюда в поисках удачи, и экономика региона стала расти как на дрожжах. Когда запасы золота были исчерпаны, многие золотодобытчики перебрались на Витватерсранд, где были открыты другие существенные залежи. Но дух этих удивительных дней в провинции сохранился во многом благодаря сохранности здесь небольших поселений золотоискателей. Одно из них — Пилигрим-Рест.

Этот городок-музей, являющийся исторической достопримечательностью, — точная копия раннего города золотоискателей.

О непростой жизни старателей и истории золотой лихорадки рассказывают и другие музеи города. Дом-музей Alanglade предлагает экскурсионные туры в бывший дом управляющего золотыми приисками, Музей золотоискателей в окрестностях города организует экскурсии, во время которой каждый может собственноручно намыть немного золота. Dredzen Shop Museum состоит из магазинчиков, в которых продаются товары, пользовавшиеся спросом столет назад. В декабре каждого года в Пилигрим-Рест проходит фестиваль золотоискателей.

Одна из главных достопримечательностей поселка — кладбище, что находится за методистской церковью. По преданию, здесь сохранилась могила знаменитого разбойника Грэйва Роббертса. Современники похоронили его в стороне от других могил.

А к югу от Пилигрим-Рест находится заповедник Маунт Шеба (Гора царицы Савской), знаменитый своими первозданными лесами.

ПРОВИНЦИЯ ЛИМПОПО

Эта северная провинция ЮАР (бывшие Северный Трансвааль и Северная провинция) граничит с Зимбабве и Мозамбиком. В климатическом отношении это самая теплая провинция страны. А ее главная отличительная особенность — разнообразный животный и растительный мир. На ее территории находятся часть парка Крюгера и наиболее богатые охотничьи угодья Южной Африки.

Именно здесь были найдены следы жизни и останки древних людей каменного века. Они оставили многочисленные наскальные рисунки, привлекающие внимание туристов, а также другие археологические объекты. Кроме того, эта провинция была местом бесчисленных битв между африканцами и голландскими переселенцами в период Великого трека, когда буры стали двигаться на север в поисках лучших земель. В период апартеида эта провинция была разделена на несколько частей, но сегодня является единой.

Здесь, в северной части ЮАР, практически нет промышленности. Поэтому многие области провинции до сих пор сохранились в том виде, который они имели до появления в этих местах человека: субтропические леса на востоке, заросли колючих кустарников опустыненной саванны — бушвельда — в центральных и северных районах. Украшением саванны на севере являются одиноко стоящие деревья mopani и тысячеletние baobabs. Ближе к горам бьют горячие минеральные источники, реки изобилуют форелью. Местные племена, живущие в глухих лесах, все еще практикуют древние обряды вызывания дождя и иные магические ритуалы, занимаются колдовством, ведут охоту на ведьм. Зато в городах провинции, особенно в ее столице — Полокване — время убежало на сотни лет вперед. Вас встречают современные здания, хорошие дороги, обилие рекламных огней, шумные пляжи. Большинство городов, появившихся на карте страны в период золотой лихорадки и основанных в прошлом веке, возникли как центры по разработке полезных ископаемых. Округ Бушвельд известен разнообразием дикой жизни, и там мож-

но найти действительно девственные места, куда не ступала нога человека. В округе Саутпенберг расположен красивый горный массив с одноимённым названием. Это один из самых богатых в природном отношении регионов в стране. Здесь растут 340 видов деревьев и самая высокая в мире концентрация леопардов. Здесь также есть различные исторические памятники и множество фермерских хозяйств. В округе Каприкорн (Козерог) сосредоточены древние наскальные рисунки, памятники англо-бурской войне, тут же находится одна из самых древних в ЮАР стоянок человека железного века. Округ Макапан, одна из богатейших сельскохозяйственных областей Южной Африки, может похвастаться крупнейшими цитрусовыми фермами в Южном полушарии.

Полокване

Столица провинции Лимпопо еще недавно носила название Питерсбург, которое она получила в 1886 г. в честь генерала Питруса Якобуса Юберта — главы первых голландских поселенцев. Сам город был основан в 1884 г. и расположен на полпути между Преторией и границей Зимбабве. Сегодня в нем проживают более 50 тыс. человек.

Самая знаменитая достопримечательность города — «Баконе Малапа» — музей под открытым небом в окрестностях столицы. Это традиционное поселение народности тсонга. Мужчины и женщины занимаются здесь традиционными ремеслами, такими как плетение корзин, выделка шкур, изготовление глиняных горшков, посуды и украшений. Здесь представлены произведения искусства, ремесел, а также традиционные хижины тсонга. Интересны рыночная площадь, Музей изобразительных искусств, Холл Джека Бутса, консерватория, отреставрированная голландская реформатская церковь, где выставлена коллекция Хью Экстона, насчитывающая 22 000 негативов на стекле и фотографий, имеющих большую историческую ценность.

Уормбатс (Бела-Бела)

Город известен прежде всего своими горячими источниками, помогающими при ревматизме и артрите, которые привлекают сюда более миллиона посетителей ежегодно. Еще с давних времен

местные племена знали о Bela Bela — кипящей воде. Но только в конце XIX в. Уормбатс с его термальными водами стал модным курортом, куда приезжала богатая публика даже из Европы. Вода здесь настолько горячая, что ее приходится охлаждать до 30 градусов, чтобы не обжечься.

ПРОВИНЦИЯ СЕВЕРНЫЙ КЕЙП

Это самая большая по площади провинция страны, занимающая треть ее территории. При этом она самая малолюдная, так как большую ее часть занимает район пустыни Калахари. Это провинция уникального животного мира, красивых ландшафтов и несметных природных богатств. Вы сами увидите, насколько удивительно распорядилась природа, сотворив в непосредственной близости безжизненную пустыню Калахари и цветущую миллионами различных цветов долину Намакваленд, живописные водопады Ауграбис и величественные горы Ландсберг.

Основные города, центры туризма — Кимберли, Апингтон, Спрингбок. Каждый туристский объект оброс замечательным сервисом, чтобы сделать путешествие по провинции не только впечатляющим, но и комфортным.

Чуть более ста лет назад здесь была безлюдная местность. И неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не... алмазы!

Во время мировой алмазной лихорадки сюда хлынули тысячи старателей в поисках заветных камней. Сейчас это время ассоциируется у нас с приключениями и романтикой, а тогда оно больше было связано с кровью, потом, слезами и жестокой борьбой за власть. Алмазы дали жизнь этим землям. И вскоре на месте убогих хижин старателей стали возникать добротные дома разбогатевших авантюристов.

И по сей день недра Северной провинции не иссякли. Здесь до сих пор ведется добыча огромного числа полезных ископаемых, в том числе и алмазов. Монополия на их разведку принадлежит компании «Де Бирс».

Апингтон

На краю пустыни, на берегу реки Оранжевая, находится довольно крупный город Апингтон. Пейзаж здесь напоминает египетский. Может быть, потому, что Оранжевая дает жизнь иссушенной почве, воду и пищу людям и животным. Здесь выращиваются финики и хлопок, разбиты виноградники.

Главная достопримечательность Апингтона — музей «Калахари Оранж». Он представляет собой несколько аккуратных белых домиков, разбросанных на изумрудной лужайке по берегу реки. Раньше здесь находилась христианская миссия, которая и положила начало городу. Здесь же стоит бронзовая статуя осла — памятник всем вычужным животным, безусловно, заслужившим человеческую благодарность.

Кимберли

Город Кимберли, центр провинции Северный Кейп, у знатоков истории ассоциируется с алмазами. Действительно, еще в 1871 г. здесь началась алмазная лихорадка.

В 1873 г. граф Кимберли от имени британской короны аннексировал алмазные поля и назвал поселок искателей своим именем. К 1912 г. это был самый настоящий город, родина компании «Де Бирс», которая и сегодня контролирует продажу практически всех алмазов мира. Город рос во все стороны, без плана и структуры. Улицы Кимберли и до сих пор запутаны. Первое время никто не знал, что голубая кимберлитовая порода несет в себе алмазы. Из кимберлита строили дома, на месте выхода породы возводили здания. Позднее в киртичах зданий были найдены алмазы, а на месте каждого разрушенного дома сначала собирались искатели — поискать алмазы под фундаментом.

Со смотровой площадки хорошо виден разрез глубиной 365 м, покрывающий площадь в 15,5 га. В 1871—1914 гг. вручную из него было извлечено 25 млн тонн грунта и добыто 14,5 млн карат алмазов.

Сегодня Кимберли — современный город с широкими улицами, великолепными парками и садами, комфортабельными отелями. Но его драматическая история и дух приключений, кажется, присутствуют здесь и поныне.

На ферме Линдберг Лодж, построенной ещё в 1907 г. (в 230 км к северу от Кимберли по дороге в Йоханнесбург) можно остановиться, чтобы совершить прогулки верхом и даже полетать на воздушном шаре. Интересно понаблюдать, как добывают алмазы в действующих копиях, которые находятся на территории фермы. Вы можете спуститься на каноэ по реке Оранжевой через пороги Thunder Alley и Egerton Rapids и переночевать в туристском лагере.

В 5 км от города находится действующее до сих пор алмазное месторождение Булфонтейн.

В пустыню Калахари можно отправиться из Сан-Сити. Тогда по дороге вы увидите, как саванну сменяет полупустыня, побываете в Ммабато, где англичанин Баден-Поуэл основал первую организацию знаменитых бой-скаутов, проедете по обширным прериям Стеллаэнда, которые называют африканским Техасом.

В национальном парке Калахари Гемсбок проложены только три дороги, что позволяет посетить не более 1 % территории. Но другие дороги не прокладываются специально, чтобы обеспечить спокойную жизнь животным. Здесь водятся слоны, жирафы, зебры, антилопы, газели, львы, леопарды, гепарды, гиены и шакалы. А вот растительность не очень разнообразна: в основном акации и вьющиеся растения.

В самом Кимберли стоит посмотреть Музей изобразительного искусства Вильяма Хамфриса — один из самых крупных художественных музеев Южной Африки.

В национальном парке Валбос основной задачей является сохранение черных носорогов. Сейчас на его территории обитает 15 видов млекопитающих, а также около 160 видов редких птиц. Из животных здесь можно встретить капских буйволов, жирафов, зебр и несколько видов антилоп. Из птиц — редкие виды орлов и другие.

Кимберли стал первым городом в ЮАР и Южном полушарии, получившем электрическое уличное освещение в

1882 г. Первый трамвай тоже начал маршрут по Кимберли. Один из таких трамвайчиков провозит туристов от городской ратуши до Музея шахт.

Куруман

Проехав по кажущимся бескрайними саваннам Стеллаэнда, которые называют африканским Техасом, мы попадаем в город Куруман, где уже чувствуется дыхание пустыни. Нестерпимо палит солнце, поэтому здесь особенно приятно выпить стаканчик местного виноградного вина «Коломбар». Интересно, что вопреки всем законам природы виноград, из которого его делают, растет в нескольких шагах от песчаных дюн пустыни.

Но городок Куруман известен не столько вином, сколько историей.

В 1821 г. знаменитый священник Роберт Моффат присоединил эти земли к владениям Лондонского миссионерского общества. Отсюда происходило распространение христианской религии по югу континента.

Фургон, в котором Д. Ливингстон совершил первые поездки по Африке

С этими местами связаны первые годы работы в Африке Давида Ливингстона...

Роберт Моффет и его жена приехали в Африку из Шотландии. Почти 50 лет они проработали в здании миссии Моффатов, которое существует и функционирует до сих пор. Именно здесь знаменитый исследователь Африки Давид Ливингстон познакомился с дочерью Моффатов Мери, которая впоследствии стала его женой.

В Курумани находится и настоящее чудо природы — водный источник Глаз Курумана, дающий большое количество воды в день.

Эта вода питает местную реку и наполняет оросительные каналы, так необходимые в пустынной местности. Уникальный источник был обнаружен Сэмюэлем Дэниелом в ходе Сомервильской экспедиции в 1801 г. Именно его находка привела к учреждению здесь христианской миссии в начале XIX в. Тогда источник именовался «Фонтаном христианства».

Рядом с Куруманом была найдена и знаменитая пещера Вондерверк, в которой были обнаружены наскальные рисунки, сделанные 8 тыс. лет назад, а также останки давно исчезнувших животных.

Миссия Ливингстона

Наряду с торговцами, промышленниками, политиками, колониальными служащими и учеными бросали взоры на Африку и представители духовенства. В Англии и во Франции возникали многочисленные миссионерские общества, их посланцы должны были, кроме всего прочего, разъяснять всю неприглядность работорговли.

Шотландец Давид Ливингстон, сын уличного торговца чаем, затерялся бы среди миллионов никому не известных людей, если бы судьба не уготовила ему свою миссию.

Мальчик напрягал всю силу воли, чтобы вырваться из нищеты. В свободное время штудировал учебник латинского языка, который приобрел на первую же зарплату.

Позже Ливингстон вспоминал, как часто среди ночи мать отбирала у него книги, в основном научные труды и описания путешествий, чтобы он хотя бы пару часов поспал.

 В 1836 г. Ливингстон начал посещать лекции по медицине, теологии и античным языкам. Как раз в это время молодой врач познакомился с миссионером Моффетом, работавшим в Южной Африке. Тот нарисовал Ливингстону притягательную картину

Таким увидел Ливингстон водопад Виктория в 1855 г.

страны бечуана (тсвана): «К северу от моей миссии расположена обширная равнина. Часто ранним утром в свете восходящего солнца я наблюдал там дым тысяч деревьев, поднимающийся к небу. В этих деревьях не было еще ни одного посланника веры господней».

В 1840 г. он отбыл в Капскую колонию. Во время плавания капитан судна познакомил его с секретами астрономического определения координат различных точек Земли, и Ливингстон достиг в этом такого совершенства, что позже по его топографическим съемкам были составлены самые лучшие карты Южной Африки. В июле 1841 г. он добрался до миссии Моффета в Курумани, расположенной на берегу одноименной реки южнее пустыни Калахари, — самой удаленной точки продвижения посланцев христианской веры. Уже по дороге ему стало ясно, что бурам, обосновавшимся в Капской колонии, вовсе не нужна никакая спасительная религиозная миссия. Сognанные англичанами с колонизированных земель и ущемленные отменой рабства, они после кровопролитных боев с коса, зулу и другими народами отвоевали себе наконец новые владения к северу от рек Оранжевая и Вааль. Ливингстон должен был сразу же определить, на чьей стороне его симпатии: на стороне местных жителей или сегодняшних хозяев страны. И он сделал свой выбор твердо и открыто.

Понятно, что у Ливингстона было множество причин, заставивших его искать пути на север: и поиски свободных земель, и стремление к ничем не ограниченной миссионерской деятельности, и желание разведать еще не открытые неведомые пространства. Во время одного из своих путешествий в 1849 г. он вместе с охотниками на слонов Осуэлом и Мёрреем, местными проводниками и сотней выюнных животных первым из европейцев пересек пустыню Калахари. Оказалось, что это не просто пустыня, покрытая тончайшим белым песком, а целый комплекс ландшафтов от опустыненных саванн до степей, пересеченных отдельными водотоками и речными долинами.

Населяли эти местности, однообразные и далеко не плодородные, бушмены и так называемые «люди Калахари» — проникшие в пустыню пришельцы-тсвана.

Паро-весельное судно «Ма-Роберт», на котором Ливингстон плавал по рекам Южной Африки

Когда путешественники к северу от Калахари достигли галерейных лесов, росших по берегам рек, у них возникла мысль, которая впоследствии целиком захватила миссионера и исследователя: он изучит все реки Южной Африки, чтобы найти естественные проходы в глубь страны, принести туда идеи Евангелия и завязать равноправную торговлю.

Озеро Нгами Ливингстон открыл 1 августа 1849 г. Большое гладкое зеркало воды было окружено зарослями тростника. Сегодня от озера, и тогда уже очень мелкого, осталось одно болото. Другие результаты путешествия были более долговременными. Измерения высот убедили Ливингстона в том, что Калахари имеет чашеобразную форму; он впервые описал ее степные районы.

Из Колобенга, поселения, основанного им на южной границе пустыни, миссионер в 1850 и 1851 гг. вновь предпринимал попытки отправиться на север. Но первая попытка окончилась почти безрезультатно, так как члены его семьи (с 1844 г. Ливингстон был женат на дочери Моффета Мери) тяжело заболели лихорадкой.

Второе же путешествие привело его вместе с Осуэллом к Замбези. Несмотря на сухой сезон, река достигала 300—600 метров ширины и была довольно глубокой.

Согласно сведениям португальцев, ее истоки должны были находиться далеко на востоке, но взор португальских хронистов никогда не достигал районов, расположенных на значительном удалении от устья реки. Доброжелательные представители племени макололо, сопровождавшие исследователя во время перехода через равнину, покрытую гигантскими холмами-термитниками и поросшую зарослями мимоз, к Замбези, рассказывали, как выглядит река в сезон дождей. Тогда ее уровень поднимается на шесть метров и вода затопляет пространство шириной в двадцать английских миль. Может быть, этот могучий поток — приток Нила, или он несет свои воды навстречу Конго? Как бы то ни было, Давид Ливингстон считал, что нашел то, о чем мечтал во время путешествия к озеру Нгами.

Весной 1852 г. он перевез Мери и детей на побережье, чтобы отправить их в Англию и не беспокоиться за них во время путешествия по реке. Вернувшись в Колобенг, Ливингстон увидел, какое мудрое решение он принял. На миссию напали буры, убили шестьдесят человек и почти двести увели в рабство.

Итак, теперь он направился к племени макололо у реки Квандо, под чьим покровительством некогда спокойно оставлял свою семью. Макололо вновь сопровождали его до Замбези. Буры же следовали за ним по пятам, и сам он, ведя их таким образом в новые районы, играл двойственную роль в событиях, вызывавших у него отвращение...

Теперь он хотел помочь макололо завязать выгодную торговлю с португальскими владениями на западном побережье. Таковы были побудительные причины экспедиции, начавшейся в ноябре 1853 г., маршрут которой пролегал из южных районов сегодняшней Замбии до Луанды в Анголе. С «Иицуцим реки» двинулись в поход двадцать семь африканцев. Снаряжение составляли всего лишь двадцать фунтов бус, необходимые научные инструменты, проектор («волшебный фонарь»), с помощью которого Ливингстон

демонстрировал зрителям картины из библейской жизни, и всего три ружья.

Путешественники поплыли в лодках вниз по извилистой Чобе к Замбези, не без приключений минуя водные стремнины и увертываясь от рассерженных бегемотов.

Вплоть до озера Дилоло, расположенного на открытом экспедицией водоразделе между бассейнами Конго и Замбези, Ливингстон восторгался хорошо обработанными полями и высокоразвитым плавильным производством, а также оказанным ему исключительно гостеприимным приемом. Потом экспедиция попала в районы, в которых уже не раз побывали работоторговцы и где привыкли обирать следовавшие мимо караваны. Но путешественник, не имевший при себе ценных товаров и не собиравшийся получать большую прибыль на побережье, вряд ли отвечал таким запросам.

Совершенно обессиленный, измученный голодом и малярией, маленький отряд в последний майский день 1854 г. прибыл в Луанду.

Переход к главному поселению макололо на реке Линьянти, начатый в сентябре 1854 г., длился 11 месяцев. Вождь Секелету активно помогал начинанию исследователя: только благодаря ему стала возможной экспедиция на восточное побережье. Именно Секелету обеспечил экспедицию носильщиками и гребцами, предоставил в ее распоряжение выючных ослов и провизию, раздобыл бусы и железные изделия, которые служили во многих местах средствами платежа.

Сначала Ливингстон и его спутники продвигались по воде до водопада Виктория на Замбези. Впервые европеец любовался этим величественным явлением природы, которое макололо называли «Моси-оа-тунья» — «Рокочущий дым». Пять громадных столбов дыма он увидел уже издали. Они выглядели будто пожар в степи и сливались с облаками. Конечно, ученый понимал, что это распыленная вода, поднимающаяся вверх над потоком, достигающим почти двухкилометровой ширины и падающим вниз с высоты около ста метров. На реке было разбросано множество островов. Ливингстон приказал грести по бурной, стремительно вздымавшейся воде к тому,

который сегодня носит его имя. С самого его краешка он наблюдал за бездной, наполненной грохотом и туманом, любовался брызгами, переливающейся радугой, взглядывался в тропический лес, затянутый постоянной дымкой тумана.

Водопад Виктория, названный так в честь английской королевы, навсегда остался для Ливингстона самым чудесным зрелищем в Африке. Сегодня его памятник можно видеть с так называемого «Чертова водопада» на реке, по которой он с такой самоотверженностью продвигался.

В марте 1856 г. достигли Тете, первого форпоста европейской цивилизации, в окрестностях которого отчетливо ощущались последствия работорговли. В селении неподалеку от устья Замбези Ливингстон увидел плачевные сцены. Некогда крупный торговый центр был полностью запущен и выплачивал дань появлявшимся здесь время от времени воинам-зулу.

Экспедиция отказалась от дальнейшего исследования основного русла Замбези, которое уже было нанесено на карту, и 20 мая 1856 г. северным рукавом вышла к Индийскому океану, закончив путешествие в приморском городке Келимане (сегодняшний Мозамбик). Таким образом, впервые европеец пересек Африканский континент. Большинство его спутников остались в Тете, собираясь

Караван невольников, рисунок Д. Ливингстона

заняться крестьянским трудом и ждать, пока «Ищуций реки» не вернется назад из Европы.

В жизни Давида Ливингстона наступили самые знаменательные дни. Королевское географическое общество окружило его почестями и наградило золотой медалью, издание путевых заметок принесло ему состояние. Сама королева Виктория назначила ему аудиенцию.

Когда в мае 1858 г. Давид Ливингстон возвратился на Замбези, он был уже не миссионером, а британским консулом в Мозамбике. Правительство поручило ему изучить глубинные районы континента, установить контакты с местными правителями и уговорить их заняться выращиванием хлопка. На небольшом пароходике, доставленном к устью Замбези в разобранном виде из Англии, он отправился вверх по реке. В Тете Ливингстон вновь встретился с верными макооло. Правда, тридцать из них за это время умерли от оспы, но остальные снова отправились в путь вместе с ним. Экспедиция с трудом продвигалась вверх по реке, но затем путь преградили водопады. В честь президента Географического общества Ливингстон назвал их водопадами Мёрчисона. Вскоре экспедиция вынуждена была повернуть назад.

Через четыре месяца Ливингстон вновь направился в верховья Шире. Маршрут экспедиции шел по плоскогорью, сплошь поросшему то густым кустарником, то лесом, мимо поселений манганджа — трудолюбивых и умелых крестьян и ремесленников.

16 сентября 1859 г. экспедиция вышла к озеру Ньяса, достигающему 500 км в длину и более чем 50 км в ширину. Это было то самое озеро, о котором Ливингстону рассказывали на Замбези. Позже было решено заложить миссионерские поселения на плоскогорьях вокруг озера Ньяса, поскольку Ливингстон хорошо отзывался о тамошнем климате. Однако, когда в январе 1861 г. исследователь, вернувшийся с верховьев Замбези, встретился с миссионерами, выяснилось, что португальские колониальные власти резко отрицательно относятся к присутствию британских посланцев святой веры. И новое судно «Пионер» взяло курс к реке Рувума на северной границе колонии, так как предполагалось, что река имеет связь с озером Ньяса. Но сезон дождей уже кончился, и судно не всегда могло найти необходимую для плавания полутораметровую глубину. Очень часто ему угрожала судьба предыдущего судна «Ма-

Роберт», изъеденного ржавчиной и затонувшего на песчаной отмели у Тете.

Дэвид Ливингстон занялся исследованием южного и западного берегов озера Ньяса, еще раз проплыл в лодке вверх по реке Рувума, но так и не достиг ее истоков. Был 1862 г., время трагических событий. Жена Ливингстона, приехавшая из Южной Африки на Замбези, чтобы в дальнейшем сопровождать мужа, умерла от тропической лихорадки. Его брат Чарльз, до тех пор участвовавший в экспедиции, вынужден был вернуться назад из-за затяжной дизентерии. Кажется, «Ищущего реки» повсюду подстерегали неудачи. На озере Ньяса и в долине реки Шире, как никогда раньше, свирепствовала работорговля: то и дело попадались разоренные и опустошенные деревни, валялись горы скелетов; очень часто приходилось освобождать колеса «Пионера» от тропов, плывущих вниз по реке.

Возможно, Ливингстон уже догадывался, что его географические открытия способствуют не только развитию торговли и распространению святой веры. Однажды, направляясь в верховья Замбези, он с горечью заметил, что вслед за ним на расстоянии нескольких дневных переходов следуют работорговцы. И Ливингстон вдруг решился на то, на что раньше вряд ли осмелился бы: он силой освободил рабов, которых гнали к побережью. Кроме того, он все больше и больше приходил к выводу, что работорговля — это предпринятие не двух-трех негодяев, а составная часть политики, против которой ему нечем бороться.

Вернувшись с Рувумы на Шире, где уже некоторое время находился разобранный колесный пароход «Леди Ньяса», готовый к транспортировке через пороги Мёрчисона, Ливингстон получил сообщение британского правительства о том, что экспедиция завершена. Очевидно, срыв чисто экономической стороны предпринятия отпугнул кое-кого из покровителей. Ливингстон решил использовать ближайшие месяцы для новой экспедиции на западный берег озера Ньяса. Оттуда он двинулся в глубь страны, так как услышал, что там находится много озер, из которых берут начало могучие реки. И действительно, плато к западу от Ньясы оказалось водоразделом. Вопрос, приведут ли реки, текущие на север, к Нилу

*Редкий кадр: под этим деревом
было захоронено сердце
Ливингстона. Фрагмент этого
дерева сегодня хранится
в Лондонском географическом
обществе*

или Конго, так и остался без ответа. Министерство иностранных дел недвусмысленно сообщило, что жалование членам экспедиции будет выплачиваться только до конца 1863 г.

В январе 1864 г. он на «Пионере» покинул Шире и в апреле — мае на собранной «Леди Ньяса» переправился без помощи хотя бы одного матроса из Занзибара в Бомбей. Там судно можно было выгодно продать (как и «Мароберт», оно являлось его собственностью), но «Ищущий реки» все еще питал надежду на поддержку в собственной стране.

И он ее получил. Ливингстон продал «Леди Ньяса» и большую часть состояния употребил для оснащения новой

экспедиции. Перед отъездом из Англии ему суждено было узнать, что его сын Роберт погиб в Америке в войне между северными и южными штатами. В январе 1866 г., когда Ливингстон вновь ступил на африканскую землю, он выглядел человеком утомленным, разочарованным, ищущим уединения. Вопреки своим прежним привычкам он целый год не давал о себе знать, и уже в 1867 г. его сочли пропавшим без вести.

Но ученый в это время с многочисленным караваном носильщиков (индийские и арабские купцы внесли свою долю в предприятие) уже побывал в долине Рувумы, обогнул с юга озеро Ньяса и пересек реку Чамбеши. 1 апреля 1867 г. он вышел к южной оконечности Танганьики. Озеро длиной 650 км с водой лазурного цвета является частью Центральноафриканского вулканического разлома, к ко-

тому относятся и озера Ньяса, Киву, Эдуард и Мобуту-Сесе-Секо. Экспедиция достигла его в том месте, где водную гладь окружают буйные леса, резко контрастирующие с серыми и красными песчаниковыми скалами. За озером на тогдашних картах Африки начинались обширные «белые пятна». В ноябре 1867 г. Ливингстон обнаружил озеро Мверу со множеством островов, в июле следующего — заболоченное, во многом напоминающее Чад озеро Бангвеулу.

Из труднейших ситуаций Ливингстона нередко выручали не только его преданные помощники, но и арабские работоторговцы. Приходилось мириться с обществом тех, кого он ненавидел больше дьявола. Исследователь вынужден был признать, что они использовали в своих целях и его славу, и проложенные им пути. Более того, ему суждено было познакомиться с человеком, завершившим дело его вдохновенных и гениальных исследовательских походов.

Вернувшись с Луалабы, Ливингстон, обессиленный и без средств, в ноябре 1871 г. добрался до Уджиджи, поселения, расположенного на северо-восточном берегу озера Танганьика, где в 1869 г. он уже находил пристанище на протяжении четырех месяцев.

Там они и встретились — посланец нью-йоркского газетного магната и истощенный, почти беззубый, похожий на призрак исследователь. Вся последующая жизнь Генри Мортон Стэнли прошла под знаком этой встречи. Ливингстон тоже был счастлив: читает письма детей, пьет с журналистом шампанское из серебряного кубка, читает наизусть Байрона, Бернса, Лонгфелло.

Насколько не похожими друг на друга были эти двое, выяснилось позже. Особенно когда они вместе исследовали северную часть озера Танганьика, чтобы установить, не связано ли оно с другими озерами и не относится ли к системе истоков Нила. Вот тогда особенно ярко проявились резкие различия между ними. Пожилой человек старался избегать любого проявления враждебности, брался за оружие лишь тогда, когда его жизни грозила непосредственная опасность, да и то стрелял в воздух. Молодой предпочитал грубую силу, постоянно хотел кого-то проучить и лишь в редких случаях принимал во внимание то, что его спутник очень не одобрял стрельбу по убегающим людям. Уважительное, внимательное отношение Ливингстона к африканцам его, бесспорно, удивляло.

Совместные поиски какой-либо реки, вытекающей из озера Танганьика, закончились безрезультатно. Ни к чему не привели и усилия

Стэнли уговорить Ливингстона вернуться на родину. Того мало что связывало с Европой, и он очень хорошо понимал, что в данном случае ему уготована роль походного трофея. Они расстались в марте 1872 г. в Уньяньембе неподалеку от Таборы. Стэнли направился к побережью, а Ливингстон — к озеру Бангвеулу. Он до сих пор считал, что Луалаба — это Белый Нил, чьи истоки должны впадать в озеро Бангвеулу. Где-то там находились и Лунные горы античных географов. Переход вскоре превратился в истинное мучение.

В ранние утренние часы 1 мая 1873 г. помощники Суси и Чума нашли Ливингстона стоящим на коленях перед походной кроватью. Они думали, что он молится, но сердце великого исследователя Африки больше не билось.

Дым тысяч деревень побудил его когда-то приехать в Африку. Он нашел его, но то был уже не дым пастушьих костров. Только в июле 1871 г. на Луалабе в течение одного дня он увидел около семи-десяти горящих поселений и около четырехсот убитых...

Темнокожие соратники Ливингстона похоронили его сердце в окрестностях озера Бангвеулу, обработали тело солью и выставили на солнце. Потом в труднейших условиях они девять месяцев несли его тело к прибрежному городу Багамойо. Последнее прибежище «Ищущий реки» нашел в центральной части Вестминстерского аббатства.

В честь Давида Ливингстона названы города Ливингстония в Малави и Ливингстон (Марамба) в Замбии, а также водопады в нижнем течении Конго и горы на северо-восточном берегу озера Ньяса. Блантайр, крупнейший город Малави с населением более 600 тыс. человек, был назван так в честь родного города Ливингстона.

ПРОВИНЦИЯ СВОБОДНЫЙ ШТАТ

Эта провинция ЮАР расположена в центральной части страны, вдали от океанского побережья. Свободный штат сам со всех сторон окружен шестью провинциями ЮАР и сам, в свою очередь, опоясывает Королевство Лесото — государство-анклав на территории Южной Африки.

Провинция была населена с самых ранних времен. Находки подтверждают, что первые поселения появились здесь около 250 тыс. лет назад. Сначала сюда пришли племена бушменов, затем — иммигранты нгун и басуто. В XIX в. территорию захватили буры, которые основали здесь независимую Оранжевую республику. Территория штата пережила сцены жестоких сражений англо-бурской войны и битвы за независимость местных племен против переселенцев-буров.

В заповеднике Ква-Ква можно посетить этнографическую деревню с традиционными домами представителей народа басуто. Традиционно их называют «люди в одеялах». Одеяла были признаны официальной одеждой после того, как король Мошвешве получил их в подарок в 1860 г. Одеяла выручали во время холодных зимних месяцев в горах Лесото. Помимо их практической пользы их отличают красивые яркие расцветки, такие же как на традиционных хижинах басуто. Говорят, что такой многоцветный дизайн отражает богатство их культуры.

Сегодня в Свободном штате зеленеют бескрайние поля пшеницы и кукурузы, в долинах пасутся овцы и крупный рогатый скот. Словом, это настоящее королевство сельского хозяйства ЮАР.

В провинции также добывается почти 21 % золота планеты и более половины от добываемого золота в ЮАР. Город Велком на севере провинции — центр крупного золотопромышленного и угледобывающего районов. Поэтому большинство городов в Свободной провинции были созданы для обслуживания сельскохозяйственных, промышленных и горнодобывающих предприятий. Большая часть городов носит названия на языке африкаанс, на нем же и говорят местные жители — сказывается наследие независимых бурских республик.

Туризм — не самая главная экономическая отрасль Свободного штата (так еще называют эту провинцию). Поэтому здесь нет крупных развлекательных комплексов, отелей и прочих атрибутов успешной туристской инфраструктуры. Но это не означает, что в провинции вообще нет достопримечательностей. Туристов привлекают бесконечные холмы, фермерские угодья, утопающие в цветущих подсолнухах, множество исторических и этнических памятников, например, наскальные рисунки первых обитателей в многочисленных пещерах.

Блумфонтейн

Столица Свободной провинции — один из трех самых значимых городов ЮАР наряду с Кейптауном и Преторией. Здесь располагается Верховный апелляционный суд страны, давший городу статус юридической (судебной) столицы ЮАР. Еще один значимый факт из биографии города — то, что именно в Блумфонтейне 8 января 1912 г. был основан Африканский национальный конгресс, впоследствии возглавленный Нельсоном Манделой. Целью конгресса было принятие законов, которые защищали бы права чернокожего населения.

Официально город был заложен в 1846 г. на месте небольшой фермы посреди бескрайней равнины, унылое однообразие которой нарушали лишь невысокие холмы и сопки. С 1854 по 1902 г. город был столицей Оранжевой республики. В 1890 г. была построена железная дорога, соединившая Блумфонтейн с Кейптауном. Сегодня это — крупный транспортный узел, откуда расходятся наземные и воздушные дороги во все крупные города страны. В городе много промышленных предприятий, которые отнюдь не портят его очаровательный облик.

Город четко разделен на квадраты кварталов длинными прямыми широкими улицами. Высотные здания банков, офисов и гостиниц контрастируют с приземистыми зданиями бурской архитектуры. В городе очень много зелени. Не зря «Блумфонтейн» в переводе с голландского означает «фонтан цветов». Хотя сегодня его чаще называют «Городом Роз» за удивительную достопримечательность — королевский парк «Сад роз», открытый принцем Уэльским в 1925 г. Парк насчитывает около 4000 розовых кустов.

Прекрасную панораму города можно увидеть с обзорной площадки, расположенной на высоком холме, название которого — Нэвэл Хилл (от батареи английских корабельных пушек, которые были установлены здесь во время англо-бурской войны). Блумфонтейн часто избирают для различных фестивалей и конференций. К примеру, ежегодно тут с размахом проходит Африканский культурный фестиваль «Mangaung» известный еще как фести-

валь искусств «Масифе». Также Блумфонтейн славен своим отелем Hobbit House — это дом, где 3 января 1892 г. родился автор знаменитого романа «Властелин колец», писатель Дж. Р.Р. Толкиен.

В национальном парке Голден Гейт Хайлендз, который находится у подножия гор, обитает множество редчайших птиц (лысые ибисы, черные орлы, бородатые ястребы) и зверей. Из архитектурных достопримечательностей города можно отметить такие здания, как национальный музей, который известен во всем мире, здесь хранится эмбрион слона, метеорит и другие редкостные экспонаты; первый радсаал (парламент), который был построен 1849 г.; четвертый радсаал, построенный в 1893 г. и являющийся жемчужиной архитектуры Свободного государства; здания Апелляционного и Верховного судов; мемориал женщинам — обелиск из песчаника, высота которого составляет 36 м, возведенный в честь 26 тыс. бурских женщин и детей, погибших во время англо-бурской войны в концлагерях; вишневый сад, который находится в парке Гамильтон и насчитывает более шести тысяч вишневых деревьев. В Блумфонтейне также находятся национальный музей литературы, а в здании исследовательского центра расположились музей театра и музей музыки африкаанс. В этих музеях можно увидеть старинные украшения, музыкальные украшения, костюмы.

Глава VI. ДАЙВИНГ В ЮАР

ЮАР — одно из интереснейших мест для подводных погружений в мире. Подводная жизнь двух океанов — Атлантического и Индийского — поражает своим разнообразием и количеством крупных морских животных — акул, китов, дельфинов, котиков, черепах и т.д. Юг африканского континента также печально известен как огромное кладбище затонувших кораблей. Здесь множество коралловых рифов. Ну и конечно же, природа Южной Африки, ее заповедники позволяют сочетать дайвинг с наземными сафари. Погружения с аквалангом проводятся на протяжении всей береговой линии страны: это прежде всего дейли-дайвинг, то есть когда лодки возвращаются на берег сразу после погружений. Одна из особенностей здешнего дайвинга — достаточно большие прибрежные волны, через которые приходится выходить на катерах к местам погружений.

Основные районы погружения:

1. Индийский океан

Маргейт	(Квазулу-Наталь)
Содвана-бей	(Квазулу-Наталь)
Умкомас	(Квазулу-Наталь)
Умхланга	(Квазулу-Наталь)
Роктейл-бей	(Квазулу-Наталь)

2. Атлантический океан

Кейптаун и Капский полуостров	(Западный Кейп)
Гансбай	(Западный Кейп)

Наиболее популярные районы погружения находятся в провинции Квазулу-Наталь. По мнению многих туристов, эта провинция наиболее привлекательна как для любителей природы, так и для поклонников африканской истории и культуры. Здесь расположено самое большое количество национальных парков и заповедников.

Умхланга-рокс

Один из лучших курортных пригородов ЮАР находится в 15 километрах севернее Дурбана. Все крупные гостиницы стоят прямо на берегу, отсюда же и ежедневно лодки с дайверами выходят в море.

Маргейт, пляжный курорт в 140 км к югу от Дурбана, уже на протяжении многих лет считается одним из лучших в ЮАР. Риф Protea Banks находится в 7,5 км от берега и делится на две основные части: Северную и Южную. Северная часть необыкновенно красива своей подводной топографией, открытыми пещерами и неповреждёнными кораллами. Обычно здесь ныряют в зимние месяцы (июнь — сентябрь). В остальное время года погружения производятся на южной части, которая не настолько красивая, как северная, но является одним из лучших мест в мире для акульного дайвинга (акулы молотоголовые, бычки, тигровые). Из-за достаточно сильного течения и наличия большой рыбы погружения рассчитаны только на опытных дайверов. Маргейт, как и Умкомас, также находится на пути ежегодной миграции сардин (июнь—август).

Содвана-бей

Район находится на северо-востоке в зоне исторического проживания зулусов. Здесь практически нет крупных населённых пунктов. Прибрежные песчаные дюны считаются самыми высокими в мире, по другую сторону этих великолепных песчаных гор лежат дикие леса. Неподалёку находится озеро Санта-Лючия длиной в 70 км и место обитания более 7000 крокодилов и бегемотов. Самые благоприятные месяцы для дайвинга в Содвана-бей — с апреля по сентябрь, то есть в зимние месяцы в ЮАР. Наилучшая видимость — в мае и июне. Температура воды не опускается ниже 21 градуса и в среднем держится в районе 24—25 градусов. Коралловые рифы в этом районе — самые южные в мире и расположены параллельно берегу на расстояниях 2, 5, 7 и 9 миль. Здесь обитают более 1200 видов рыб. До мест погружений дайверов доставляют на катерах-зодиаках через большую прибрежную волну, это необходимо учитывать людям со слабым вестибулярным аппаратом. Период с октября по март считается сезоном размножения морских черепах, за этим уникальным явлением можно наблюдать во время специальных ночных сафари по побережью. Умкомас. Это небольшой городок в часе езды от Дурбана. Напротив Умкомаса находится огромная песчаная отмель — Aliwal Shoal — со множеством интересных дайв-сайтов. Идеальное вре-

мя посещения — с мая по сентябрь, когда здесь стоит сухой сезон и обычно хорошая видимость. В этот период происходит миграция акул Рэгги, которых можно увидеть достаточно большими стаями — до 30—40 штук. И хотя по размерам и своему внешнему виду рэгги выглядят весьма устрашающе, они вполне безобидны для дайверов.

Роктейл-бей

Морской заповедник находится неподалёку от границы с Мозамбиком. На большинство рифов никто практически не нырял. Летом температура воды 24—27, а зимой — 22—24 градуса. Здесь можно увидеть огромное количество тропических рыб круглогодично. Место выхода лодок в море находится в 12 км от гостиницы. Ежедневные погружения зависят от погоды и прилива и ограничены до двух в день.

Гансбай

Гансбай — небольшая рыболовецкая деревушка, где базируются несколько операторов, которые проводят погружения с акулами. Возможность наблюдения за большими белыми акула-

Улов сардин

ми — одна из изюминок дайвинга в ЮАР. За последние несколько лет акулый дайвинг здесь развивается быстрыми темпами, являясь органичной частью многочисленных экологических программ по охране морских животных. Город Гансбай, находящийся в 170 км от Кейптауна, считается неофициальной мировой столицей больших белых акул. Это одно из немногих мест в мире, где сохранилась достаточно большая популяция грозных хищников. Процедура погружений в Гансбае достаточно проста — лодка с 5—6 дайверами отправляется из бухты и через 30 мин. становится на якорь рядом с островом Дайер. Здесь находится большая колония морских котиков. По последним подсчётам, в водах острова их водится до 70 тыс., и они являются неотъемлемой частью дневного рациона акул. В воду опускают большую металлическую клетку с открытым верхом, специально сконструированную для таких погружений, а также различную приманку для акул. Наблюдение за акулами происходит из клетки, дайверы опускаются в неё поодиночке. Оптимальный сезон для погружения в Гансбае — с начала мая по середину ноября. Видимость под водой достигает 10 м, но температура воды в это время редко превышает 16 градусов, поэтому рекомендуется 7-мм костюм (по возможности с утеплителем). В остальное время на акул можно смотреть, не погружаясь, из лодки, так как видимость не превышает 2 м.

Кейптаун

Дайвинг в районе Кейптауна во многом зависит от направления ветров, которые обдувают южную точку Африканского континента. Прибрежные воды Кейптауна усеяны обломками затонувших судов, а также зарослями кельпа и мягких кораллов. Температура воды редко превышает 18 градусов. Зимой (май—август) погружения обычно проводятся в бухте Фолс-бей (внутренняя сторона Капского полуострова), а всё остальное время — на западном побережье (в стороне самого Кейптауна).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Риттер Э.-А. Чака Зулу. М., 1989.

Ливингстон Давид. Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 г. М., 1956.

История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976.

Бьерре Й. Затерянный мир Калахари. М., 1964.

Давидсон А. Сесиль Родс и его время. М., 1984.

Давидсон А. Облик далекой страны. М., 1975.

Ланге П.-В. Континент коротких теней. М., 1990.

Туры по Южной Африке

ТУР НА ЮЖНУЮ ОКОНЕЧНОСТЬ АФРИКИ

Москва — Кейптаун — Дорога Садов — Сафари в заповеднике —
Дурбан — берег Индийского океана — Москва

12 дней / 11 ночей

ПРОГРАММА ТУРА

День 1 Москва — Кейптаун	Прибытие в Кейптаун. Трансфер и размещение в отеле по выбору: Radisson Waterfront 5*, Southern Sun Waterfront 4* или The Ritz 3*. Во второй половине дня — знакомство с одним из красивейших городов мира. Экскурсия включает поездку по канатной дороге на вершину Столовой горы (при ясной погоде), посещение старинной крепости — первого здания, построенного европейцами на Юге Африки, знакомство со старым портом на набережной Виктории и Альфреда — излюбленным местом развлечений кейптаунцев и гостей города. Свободный вечер.
День 2 Мыс Доброй Надежды	После завтрака — поездка горной дорогой на «край земли», мыс Доброй Надежды, где сливаются Индийский и Атлантический океаны; круиз к острову морских котиков; обед в ресторане (рыба, морепродукты); экскурсия в пингвиний заповедник.
День 3 Кейптаун	Свободный день в Кейптауне. Посвящается отдыху, прогулкам, экскурсиям по городу и окрестностям. Их можно заказать заранее в Москве или непосредственно в Кейптауне.
День 4 Кейптаун — Дорога Садов — Оутсхорн	Из Кейптауна путешественники отправляются Дорогой Садов. Она пролегает вдоль горных хребтов Кейпа, винодельческих районов Вустер и Монтегю и приводит в утопающий в роскошных садах городок Оутсхорн, центр «страусовой индустрии». Посетив одну из множества ферм, гурманы отведают страусовый стейк, омлет. Любителям верховой езды предложат оседлать страуса. В сувенирной лавке продают изделия из кожи, перьев, расписанные страусовые яйца. Размещение на ночлег в Оутсхорне в отеле по выбору: Rosenhof Country House 5*, Hlangana Lodge 4* или Riempie Estate Protea Hotel 3*.

День 5 Оутсхорн – Найзна	<p>День начинается экскурсией в доисторические пещеры Cango Caves. Огромные сталактитово-сталагмитовые образования в сочетании со световыми и музыкальными эффектами оставляют сильное впечатление. Следующая достопримечательность программы дня – посещение ранчо Cango Wild Ranch, где обитают крокодилы и иные рептилии, а также кошачьи хищники. Маленьких котят – гепардикиов разрешается погладить, зайдя к ним в клетку. Проникновение в мир животных Юга Африки продолжается в слоновьем заповеднике Найзна. Оттуда дорога ведет ажурными мостами, висящими над речками и озерами, горными перевалами, сквозь леса и, наконец, приводит в живописный городок-курорт Найзну, расположенный на берегу Индийского океана. Этот насыщенный впечатлениями день венчается вечерним круизом по тихой лагуне. Размещение на ночь в Найзне в отеле по выбору: Lake Pleasant Living 5* или Knysna River Club 3*.</p>
День 6 Найзна	<p>Свободный день в Найзне. Посвящается отдыху и развлечениям по собственному выбору из большого набора возможностей. Здесь морские круизы навстречу дельфинам и, если повезет, китам, океаническая рыбалка, дайвинг, банджи («тарзанка»), посещение забавной обезьяньей страны «Monkeyland», многочисленных магазинчиков. В ресторанах угощают устрицами и отменным, только что сваренным пивом.</p> <p>Ночлег в избранном отеле Lake Pleasant Living 5* или Knysna River Club 3*.</p>
День 7 Найзна – заповедник Карьега	<p>После завтрака – отъезд в заповедник Карьега, место обитания «Большой пятёрки» (лев, слон, носорог, буйвол, леопард). Здесь во второй половине дня путешественники усаживаются в джип и отправляются на сафари. За ужином имеется возможность отведать что-нибудь экзотическое из африканской кухни.</p> <p>Ночлег в лодже Kariega Game Reserve 5*.</p>
День 8 Карьега	<p>Сафари в заповеднике Карьега ранним утром, перед завтраком.</p> <p>Во второй половине дня – снова сафари, как и накануне вечером.</p>

День 9 Карьега — Порт- Элизабет — Дурбан	Прощальное сафари на рассвете. После завтрака — трансфер в аэропорт Порт-Элизабет, перелёт в Дурбан. Трансфер и размещение в отеле по выбору: Beverly Hills 5*, Umalanga Sands 4* или Sun Coast Hotel and Towers 3*.
Дни 10—11 Дурбан	Свободные дни на берегу теплого Индийского океана.
День 12 Дурбан — Йоханнесбург — Москва	После завтрака — трансфер в аэропорт Дурбана, перелет в Йоханнесбург и вылет в Москву.

ТУР ПО СТОПАМ СТАРАТЕЛЕЙ И МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Москва — Йоханнесбург — Кимберли — Кейптаун —
Йоханнесбург — Москва
8 дней / 7 ночей

ПРОГРАММА ТУРА

День 1 Москва — Йоханнесбург	По прибытии в Йоханнесбург — трансфер в отель. После краткого отдыха в отеле — полудневная экскурсия в парк — музей «Голд Риф-Сити», южно-африканский Диснейленд. Музей располагается в 8 км от центра Йоханнесбурга. Экскурсанты спускаются на глубину 226 м в шахту, где раньше старатели добывали золото. Выйдя на поверхность, наблюдают за процессом разливки золота, знакомятся с традиционной музыкальной и танцевальной культурой племен Юга Африки, замирают от страха на головокружительных аттракционах, запасаются сувенирами.
---	--

<p>День 2 Йоханнесбург – Претория – Йоханнесбург</p>	<p>Утром – выезд на экскурсию на старейшую в Южной Африке алмазную шахту Куллинан, расположенную в 30 км восточнее Претории (Тсване), столицы ЮАР. Здесь в 1905 г. был обнаружен самый крупный из когда-либо найденных человеком алмаз массой 3106 карат.</p> <p>Обед в одном из ресторанов Претории. Обзорная экскурсия по столице.</p> <p>Возвращение в Йоханнесбург.</p>
<p>День 3 Йоханнесбург – Кимберли</p>	<p>Утром – обзорная экскурсия по Йоханнесбургу. Переезд в алмазную столицу ЮАР город Кимберли.</p>
<p>День 4 Кимберли</p>	<p>Главное событие дня – посещение действующей шахты De Beers Diamond Mine. Экскурсия проходит на глубине 825 м, где гид знакомит с технологией добычи алмазов. Затем посетители направляются к краю «Большой дыры» – вырытого вручную карьера диаметром в 457 м и глубиной в 1100 м. В 1914 году грунтовые воды положили конец лихорадочной деятельности в «дыре», и она превратилась в поражающее воображение главный экспонат Горнорудного музея Кимберли. Мощные улицы со старым трамвайчиком, лавки, жилища старателей и скупщика алмазов, банки и церкви завершают картину жизни переселенческой колонии периода алмазной лихорадки.</p>
<p>День 5 Кимберли – Кейптаун</p>	<p>Утром – трансфер в аэропорт и перелет на южную оконечность Африканского континента в Кейптаун.</p> <p>По прибытии в Кейптаун – трансфер и размещение в отеле по выбору: Radisson Waterfront 5*, Southern Sun Waterfront 4* или The Ritz 3*.</p> <p>Во второй половине дня – знакомство с городом, основанным в XVII веке европейскими мореплавателями в качестве пункта обеспечения пресной водой и провиантом по пути из Атлантического океана в Индийский. Экскурсия включает поездку по канатной дороге на вершину Столовой горы (при ясной погоде), посещение старинной крепости – первого здания, построенного европейцами на Юге Африки, знакомство со старым портом на набережной Виктории и Альфред – излюбленным местом развлечений горожан и приезжих. Свободный вечер.</p>

<p>День 6 Кейптаун — мыс Доброй Надежды — Кейптаун</p>	<p>После завтрака — поездка горной дорогой на «край земли», мыс Доброй Надежды, где сливаются Индийский и Атлантический океаны; круиз к острову морских котиков; обед в ресторане (рыба, морепродукты); экскурсия в пингвиний заповедник.</p>
<p>День 7 Кейптаун</p>	<p>Свободный день в Кейптауне. Посвящается отдыху, прогулкам, экскурсиям по городу и окрестностям. Их можно заказать заранее в Москве или непосредственно в Кейптауне.</p>
<p>День 8 Кейптаун — Йоханнесбург — Москва</p>	<p>Утром — трансфер в аэропорт. Перелет в Йоханнесбург и вылет в Москву.</p>

ТУР ПО СТРАНАМ ЮЖНОЙ АФРИКИ (ЮАР, Намибия, Замбия, Ботсвана)

Москва — Кейптаун — Сан- Сити — Свакопмунд —
Йоханнесбург — водопад Виктория —
заповедник Чобе — Москва

15 дней / 14 ночей

ПРОГРАММА ТУРА

<p>День 1 Москва — Кейптаун (ЮАР)</p>	<p>Прибытие в Кейптаун. Трансфер и размещение в отеле. Во второй половине дня — знакомство с одним из красивейших городов мира. Экскурсия включает поездку по канатной дороге на вершину Столовой горы (при ясной погоде), посещение старинной крепости — первого здания, построенного европейцами на Юге Африки, знакомство со старым портом на набережной Виктории и Альфреда — излюбленным местом развлечений кейптаунцев и гостей города. Свободный вечер.</p>
--	--

День 2 Мыс Доброй Надежды (ЮАР)	После завтрака – поездка горной дорогой на «край земли», мыс Доброй Надежды, где сливаются Индийский и Атлантический океаны; круиз к острову морских котиков; обед в ресторане (рыба, морепродукты); экскурсия в пингвиний заповедник.
День 3 Кейптаун (ЮАР)	Свободный день в Кейптауне. Посвящается отдыху, прогулкам, экскурсиям по городу и окрестностям. Их можно заказать заранее в Москве или непосредственно в Кейптауне.
День 4 Кейптаун – Йоханнесбург – Сан-Сити (ЮАР)	Трансфер в аэропорт Кейптауна, перелёт в Йоханнесбург. Переезд в «королевство отдыха», фантастический Сан-Сити – город Солнца.
Дни 5–6 Сан-Сити (ЮАР)	Свободные дни в Сан-Сити. Здесь множество разнообразных развлечений для детей и взрослых: аквапарк с водяным трамплином, опрокидывающей «морской» волной, песчаным пляжем, снующими по каналу лодочками, водомоторные «радости»; «огнедышащие» скалы, трепещущий под ударами «землетрясения» мост; рестораны, казино и многое другое.
День 7 Сан-Сити – Йоханнесбург – Свакопмунд (Намибия)	Ранний переезд в аэропорт Йоханнесбурга и полуторачасовой перелет в прибрежный городок-курорт Свакопмунд (Намибия). По прибытии – размещение в отеле. Свакопмунд привлекает туристов горячими минеральными источниками, расположенными вокруг города самыми высокими в мире песчаными дюнами (с такой дюны скатываются на доске, как на санках со снежной горы). Славно поноситься по пустыне на квадроцикле! На атлантическом побережье обитают гигантские колонии морских котиков, гнездятся тысячи и тысячи розовых фламинго и пеликанов.

Дни 8—9 Свакопмунд (Намибия)	Свободные дни в Свакопмунде. Посвящаются отдыху на берегу океана, морским и сухопутным экскурсиям и развлечениям.
День 10 Свакоп- мунд — Йоханнес- бург	После завтрака — трансфер в аэропорт и перелет в Йоханнесбург. По прибытии трансфер в гостиницу.
День 11 Йоханнес- бург — Ливингстон (Замбия)	Трансфер в аэропорт Йоханнесбурга и полуторачасовой перелет в Ливингстон (Замбия). По прибытии — трансфер в отель. На закате солнца — круиз по реке Замбези.
День 12 Ливинг- стон — водопад Виктория (Замбия — Зимбабве)	Экскурсия на водопад Виктория в сопровождении гида. Во второй половине дня — время для отдыха и экскурсий.
День 13 Водопад Виктория — заповедник Чобе (Ботсвана)	После завтрака — переезд в Ботсвану. В пути — переправа на катере через реку Чобе в месте, где граничат четыре африканских государства: Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Намибия. Размещение в лодже. Во второй половине дня — сафари в заповеднике Чобе, где водятся слоны, жирафы, буйволы, львы, крокодилы, антилопы и другие животные.
День 14 Заповедник Чобе (Ботсвана)	Сафари ранним утром, завтрак и отдых в лодже. Во второй половине дня — вечернее сафари.
День 15 Заповедник Чобе — Ли- вингстон — Йоханнес- бург — Москва	Прощальное утреннее сафари в заповеднике Чобе. После завтрака — трансфер в аэропорт Ливингстона, перелет в Йоханнесбург и вылет в Москву.

ОХОТА НА ЮГЕ АФРИКИ

Москва — Йоханнесбург — охотничье хозяйство —
Йоханнесбург — Москва

12 дней / 11 ночей

ПРОГРАММА ТУРА

<p>День 1 Москва — Йоханнес- бург — охотничье хозяйство</p>	<p>Вариант 1: по прибытии в Йоханнесбург — трансфер в охотничье хозяйство. Размещение в лодже. Охотничье хозяйство расположено в 3 часах езды от Йоханнесбурга, неподалеку от городка Бела-Бела, в прошлом Warmbaths (провинция Лимпопо). Возможна охота на Big 5 (Большую пятерку): буйвола, носорога, льва, леопарда и слона, а также куду, эланда, водяного козла, сейбла, роана, бородавочника, импалу. При заказе охоты на Big 5 оговариваются трофейные характеристики животного, которого аутфиттер должен найти для охотника, и его цена. Охота на слона проводится в парке Крюгера. Носорог — особо охраняемый вид, и охота на него требует оформления специальных документов заранее, охота должна быть забронирована и предоплачена минимум за полгода. Охота на носорога проводится на территориях площадью более 14 000 га, где обитают носороги с длиной переднего рога «от 21 до 29». Цена охоты на некоторые экземпляры носорогов доходит до 150 000 USD.</p> <p>Вариант 2: по прибытии в Йоханнесбург — перелет в Нельсон-Мандела-бей (в прошлом Порт-Элизабет), трансфер в охотничье хозяйство. Размещение в лодже. Охотничье хозяйство расположено в часе езды от Порт-Элизабет, в области Капо, провинция Восточный Кейп. Отдельные коттеджи на уровне четырех звездочной гостиницы, что позволяет прекрасно провести отпуск со всей семьей в отличных условиях.</p> <p>Возможна охота на: Aardwolf, Bontebok, Blesbuck, Blesbuck White, Bushpig, Bat Eared Fox, Baboon, Cape Bushbuck, Cape Eland, Cape Fox, Cape Greysbuck, Cape Hartebeest, Cape Kudu, Cape Lynx, Duiker Common, Duiker Blue, Fallow Deer, Oryx, Gennet Large Spotted/Small Spotted, Hyrax, Impala, Jackal Black Back, Lechwe Red, Nyala, Porcupine, Reedbuck Common, Reedbuck Mountain, Oribi, Ostrich, Springbuck Cape, Springbuck Black, Springbuck White, Springhare, Steenbuck, Vaal Rheebuck, Vervet Monkey, Warthog, Waterbuck, Wildebeest Blue, Wildebeest Black, Zebra Burchell, Red Duiker, Suni.</p>
--	--

<p>Дни 2—11 Охотничье хозяйство</p>	<p>Охота Сезон охоты: круглый год, но лучшее время для охоты на Big 5 — с мая по сентябрь. Транспорт на охоте: на охоте охотник будет передвигаться на автомобиле 4x4, специально оборудованном для охотничьего сафари. Сопровождение на охоте: каждого охотника сопровождает следопыт и лицензированный профессиональный охотник. Охотник обеспечивается лицензией на охоту, доставкой трофеев в лагерь и их первичной обработкой. Проживание: в комфортабельном охотничьем лагере с отдельной столовой, открытым плавательным бассейном и джакузи. В каждой комнате, рассчитанной на двух человек, имеется горячая и холодная вода, душ и ванная, туалет, электричество, кондиционер.</p>
<p>День 12 Охотничье хозяйство — Йоханнесбург — Москва</p>	<p>Возвращение в Йоханнесбург. Вылет в Москву</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!	5
УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ!	7
Слово о ЮАР	9
Глава I. География ЮАР	16
Географическое положение	16
Климат	18
Природа ЮАР	19
Глава II. Население ЮАР	32
Культура и ремесла	38
Русский учитель и южноафриканский ученик	41
Парад фестивалей	46
Кухня ЮАР	48
Глава III. История ЮАР	52
Вместо увертюры: миную Кабо Торментозо	52
Из краткой хроники открытий	55
«До нынешнего времени весьма неизвестные»	63
В глубокой древности	70
А потом пришли буры...	73
Первые стычки. Сопротивление готтентотов и бушменов. Выступления рабов	79
Сопротивление коса, или Кафрские войны	86
Месть Дингаана	91
Алмазная лихорадка	95
Идея «белой Африки»	98
«Черные спартанцы» в конце 1870-х гг.	101
Англо-зулусская война	102
Англо-бурская война 1880—1881 гг.	106
Золотой магнит	109

А пока в междуречье Замбези — Лимпопо.....	115
На захват страны батсвана.....	118
К Лобенгуле.....	119
Самая привилегированная компания.....	123
Поход пионеров Джемсона.....	124
Конец восстаний.....	126
Англо-бурская война на фоне южноафриканской истории.....	129
Миги истории: пять беглецов.....	153
Трансвааль, Трансвааль.....	160
Рождение Южно-Африканского Союза.....	163
В орбите Первой мировой.....	166
Курьезы истории: георгиевские кавалеры в Южной Африке.....	169
Между двумя войнами.....	174
Миги истории: от старой кейптаунской крепости до Мурманска.....	176
Войны после войны.....	181
Конец апартеида.....	186
Глава IV. Россияне в Южной Африке.....	190
От Петра до Октябрьской революции.....	190
Лики русской эмиграции: мадам Бельмас.....	195
Лики русской эмиграции: самый знаменитый художник Южной Африки.....	206
Лики русской эмиграции: от Саратова до Йобурга, или Путешествие длиною в жизнь.....	210
Глава V. Провинции и города ЮАР.....	217
Провинция Западный Кейп.....	217
Провинция Восточный Кейп.....	240
Провинция Квазулу-Наталь.....	247
Провинция Гаутенг.....	257

Южно-Африканская Республика 314

Провинция Северо-Запад.....267

Провинция Мпумаланга.....273

Провинция Лимпопо.....277

Провинция Северный Кейп.....279

Провинция Свободный штат.....294

Глава VI. Дайвинг в ЮАР.....298

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....302

ТУРЫ ПО ЮЖНОЙ АФРИКЕ.....303

Научно-популярное издание
Исторический путеводитель

Давидсон Аполлон Борисович
Непомнящий Николай Николаевич

ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ВЕСЬ МИР В ОДНОЙ СТРАНЕ

Автор идеи и проекта *С.М. Бурязин*
Редактор *Н.Н. Непомнящий*
Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Хренов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.03.2010. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ О-405.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (831 2) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»

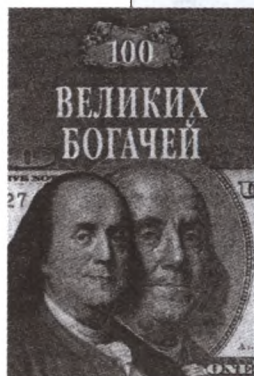
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

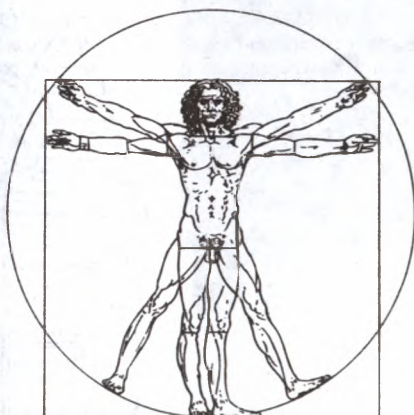

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном
исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКИХ ЭПОХ

СЕРИЯ КНИГ

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сведения по культуре, религии, экономике, военному делу, повседневной жизни исчезнувших цивилизаций в изложении крупнейших европейских историков.

В КАЖДОМ ГОРОДЕ —
СВОЯ ЗАГАДКА

СЕРИЯ КНИГ

ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТЫХ ГОРОДОВ

- Легенды и реальные истории, предания и современные хроники Москвы, Петербурга, Рима, Каира, Лондона, Парижа, Берлина, Стамбула...
- Тайны древних городов и современных столиц.

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

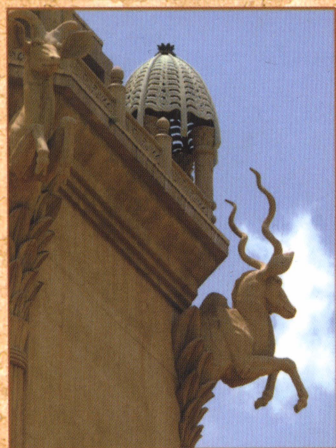
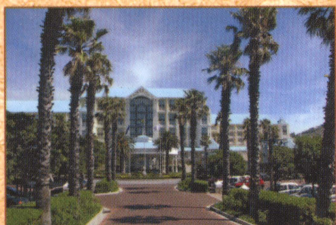
СЕРИЯ КНИГ

TERRA

HISTORICA

- Забытые традиции древних культур
- Яркие страницы средневековой истории
- Уникальные исследования, необычные гипотезы, новые открытия

«Весь мир в одной стране» — такая характеристика Южной Африки выбрана не случайно. Здесь, на юге Африканского континента, соединились воедино несколько древних культур, разные климатические зоны, десятки племен и народностей. Уникальная природа страны — воды двух океанов, мягкий климат, полноводные реки, жаркие пустыни, саванны, горы, удивительные животные — давно привлекает сюда миллионы туристов со всего мира.

ЮАР — нехоженный край для любителей природы и загадок истории, удивительных обычаев африканских племен и народов. И как замечательно, что именно ЮАР стала местом проведения чемпионата мира по футболу в 2010 году.

ISBN 978-5-9533-4896-6

9 785953 348966

